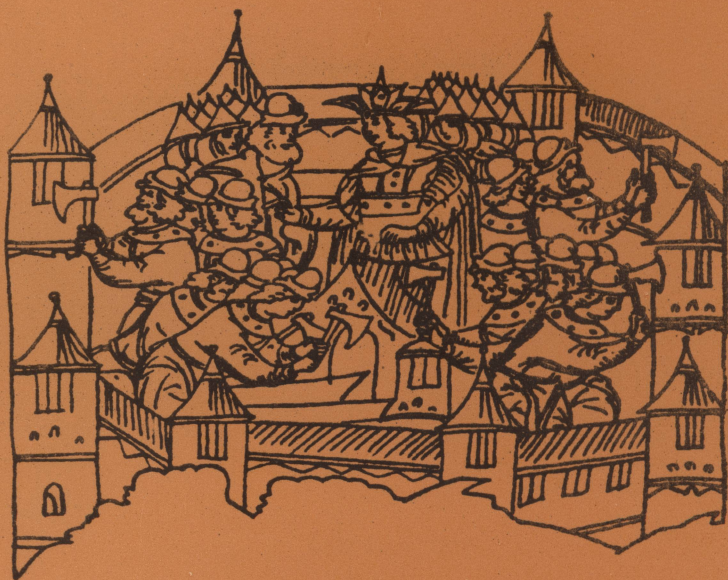

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ РОССИИ

(до 1917 г.)

Сборник статей

Москва 1996

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ РОССИИ
(до 1917 г.)

Сборник статей

МОСКВА 1996

Редколлегия:

д.и.н.МУРАВЬЕВА Л.Л. (ответственный редактор),

к.и.н.БУРДИНА О.Н. (ответственный секретарь)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск сборника "Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)" включает 12 статей, которые полностью отвечают профилю издания. Среди его авторов специалисты, имеющие имя в науке, представители нового поколения, аспиранты, историк-краевед.

Материалы сборника носят источниковедческий характер и охватывают большой хронологический период в истории России: XV—XX вв. Предметом исследования служат самые различные памятники письменности: летописи, нарративные и акты источники, переписка и т.п. Все статьи являются оригинальными, представляющими законченные исследования по ряду сюжетов или отражающие работу над большими монографическими или диссертационными темами.

Авторы статей в своей работе опираются на историографический опыт, используют архивные фонды и вводят в научный оборот новые материалы. Рассмотрение источниковедческих вопросов в них осуществлено на уровне современных систем методик и их развития. Они знакомят читателя о присущей разным видам источников спецификой их анализа, например, в области летописеведения, текстологии, нумизматики, сфрагистики и т.п.

Каждая из статей сборника выражает точку зрения их автора, открывая возможность и для полемики по поднятым в них источниковедческим вопросам.

Значение настоящего сборника выходит за рамки решения чисто источниковедческих проблем, он предоставляет дополнительный материал для осмысления общеисторических тем, касающихся истории российской государственности, внешней политики, культуры, общественной мысли, политических организаций и др.

Статьи сборника традиционно расположены в хронологическом порядке.

Данный выпуск сборника подготовлен в Центре по изучению и публикации источников Института российской истории РАН.

ЗНАКИ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Данная проблема принадлежит к числу неразработанных, хотя даже на заре отечественной исторической науки вопросы атрибутики власти не казались малозначащими. В трудах первых отечественных историков в XVIII в. имеются пространные рассуждения о титуле русских князей и царей. В.Н.Татищев, например, приводил сведения о титуле русских князей¹, которые фигурируют и в последующих исторических сочинениях вплоть до настоящего времени. Он употреблял и термин "инсигния", правда, понимая под ним герб².

Татищев вводит в научный оборот легендарное свидетельство, ставшее хрестоматийным: византийский император Алексей Комнин послал Владимиру Мономаху "корону, скипетр, державу и сосуд помазания, которые все, кроме короны, доднесь хранятся, а при том писал его василеус, или царь, но он сего титула не прияд, поставляя, - великий князь равен оному"³.

Выпустивший вслед за Татищевым свою "Историю Российскую" князь М.М.Щербатов усомнился в подлинности самого факта присылки царских инсигний Владимиру Мономаху из-за отсутствия подобных сведений у византийских авторов, описавших правление Алексея Комнина. Однако, включив в текст I главы 5 книги специальное "Изыскание о прислании регалий к великому князю Владимиру Мономаху из Константинополя"⁴, он все-таки считал, что подобное подношение русскому князю XII в. вполне могло быть. Основной довод в пользу "даров" для Щербатова звучал довольно убедительно - использование русскими государями при восшествии на престол "Мономахова венца" и других атрибутов, якобы присланных "из Греции".

Действительно, в это время хорошо известны описания венчаний русских государей. Иван III возложил на внука Дмитрия "бармы и манамахову шапку". За пиршеским столом он, "лаская вного Дмитрия", подарил ему "крест с золотом цепью, пояс, осыпанный драгоценными камнями, и сердоликовую

князя Августа Цесаря"⁵. Чин венчания на царство Ивана IV включал легенду о приобретении венца Владимиром Мономахом и венчании его этим венцом, заимствованную из "Сказания о князьях Владимирских", идеологического памятника XVI в., вошедшего и в официальную летопись⁶. "Принадлежавшие Мономаху" предметы упоминались "в различном наборе" то в сокращенном варианте, то в расширенном. Щербатов, например, называет вещи "греческой работы", присланные Мономаху: шапка, скипетр, держава, святые бармы, крест нагрудный, цепь, носящаяся через плечо⁷. Н.М.Карамзин, ссылаясь на летописные известия, говорит о следующих наборах вещей, поступивших к русскому князю в XII в.: "диадима Константина Мономаха и другая царская утварь", "венец царский еще Константина Мономаха, скипетр и диадима, и крест с животворящим деревом златы, гривна и прочая царская знаменья", "животворящий крест, венец, крабийца сердоликовая (из коей плавал Август Кесарь), цепь золотая и многие другие драгоценности", "венец, крест животворящий, порфира, виссон, гривна златая"⁸.

Как видим, "дары византийского императора" и по количеству и по "набору" не одинаковы. Уже один этот факт мог навести на размышления относительно самого факта "дарения". Отечественные историки XVIII – нач.XIX в., однако, по-видимому, в этом не сомневались⁹. С.М.Соловьев, например, принимал сообщение Воскресенской летописи о дарах византийского императора как известие, "не заключающее в себе ничего невероятного"¹⁰. Для В.О.Ключевского данный факт не представлял какого-либо аналитического интереса. Вообще историки второй половины XIX – начала XX в. в своих построениях теории власти в Древнерусском государстве не слишком акцентировали внимание на атрибутике этой власти.

Возможно, здесь сказалось влияние правоведов, отрицавших в русском праве символику¹¹. Применительно к символам власти – их отсутствие, по-видимому, предполагалось как следствие своеобразной доктрины княжеской власти Киевской Руси, а именно: занимать княжеские столы на Руси могли

только представители княжеского дома Рюриковичей¹² (все они "одного деда внуки"). Способы же "усвоения" княжеской власти — "старшинство" и "отчина" исключали (по крайней мере, на ранних этапах государственности) какие-либо церемонии в оформлении принятия этой власти, кроме известного по летописям "сел на столе", "занял стол отца своего" и т.д.

Как ни парадоксально, но своеобразное отсутствие внимания со стороны историков и историков права к государственной символике Древней Руси может объясняться и успехами "археологии", как тогда называли вспомогательные исторические дисциплины. Блестящие работы по истории первых русских монет И.И.Толстого, затем А.В.Орешникова возбудили интерес не только к древнейшим русским монетам, но и к княжеским знакам на них. Ряд работ названных нумизматов, а также искусствоведов, этнографов раскрывали социальную и техническую сторону появления и развития "знаков Рюриковичей", иначе "трезубца". Н.П.Лихачев предпринял активную работу с княжескими буллами¹³.

Подобные подходы к излагаемой проблеме существуют и в настоящее время. Археологические наблюдения — труды Б.А.Рыбакова¹⁴, в которых нашли отражение исследования различных атрибутов власти (титула, княжеских знаков), А.В.Арциховского¹⁵, связанные прежде всего с изучением миниатюр Радзивилловской летописи, известные сфрагистические труды Б.Л.Янина¹⁶ и его учеников, искусствоведческие работы¹⁷ труды нумизматов, посвященные златникам и серебряникам¹⁸, — все эти работы, сами по себе фундаментальны, однако, являются лишь как бы составными частями мозаичного панно. В советских научных трудах по истории Киевской Руси, насчитывающих многие сотни названий, проблема княжеских инсигний в качестве самостоятельной темы не обозначена. Подтверждением могут служить историографические обобщения исследований Киевской Руси, проведенные ленинградскими учеными¹⁹.

По-видимому, в настоящий момент данная проблема может рассматриваться лишь в постановочном плане. При решении ее

на наш взгляд, необходимо придерживаться некоторых правил методического плана. Во-первых, следует определить существо предмета исследования. В отечественной понятийной практике идентифицируются понятия инсигний (атрибутов) и регалий (атрибутов, правовых действий). Думается, правомерно, говоря о знаках княжеской власти, рассматривать их в расширительном плане, добавляя к атрибутике и функциональность, т.е. особые княжеские прерогативы: монетную чеканку, подписание договоров и способы их удостоверения (институт княжеской печати), таможенно-пошлинные реалии, княжеский суд и пр. Подобный подход обуславливается восприятием знаков княжеской власти прежде всего как правовой категории.

Во-вторых, исследование по данной проблеме обязательно предусматривает комплексность в использовании источников. Выяснение вопроса в самой наивысшей степени осложняется отсутствием письменных источников IX-X вв., малочисленностью - XI - первой половины XII в., крайней скудостью сведений, невозможностью однозначной интерпретации иноязычных памятников. Основная часть источников ретроспективна и самые действенные в настоящее время - археологические. Поэтому к традиционным летописным данным не столько должны быть добавлены, сколько скорректированы с ними данные литературоведения, лингвистики, нумизматики, сфрагистики, археологии и, конечно, сведения иноязычных авторов. Необходимо заново проанализировать правовые памятники, а также рассмотреть в сравнительном плане аналогичный материал однотипного историко-правового региона. Иначе, при крайней скудости непосредственных данных и крайней разнородности их трактовки историками, позитивное решение проблемы затруднительно. Между тем ясно, что данный вопрос - это одно из звеньев в цепи явлений, характеризующих становление древнерусской государственности.

В-третьих, знаки княжеской власти целесообразно рассматривать по хронологическим этапам, хотя бы в пределах столетий. Подобная их дифференциация проистекает из неодн-

наковости княжеской власти. Схему развития верховной власти Древней Руси предложил еще Ключевский²⁰; в дальнейшем принципа дифференциации княжеской власти придерживались исследователи, которые обращали внимание на ее правовую сторону, — А.Е.Пресняков²¹, С.В.Юшков²². В последнее время И.Я.Фроянов, на наш взгляд, вполне аргументированно высказался за различие князей Киевской Руси X в. и XI—XII вв.²³

Принимая во внимание все выше сказанное, требуется отнестись к данной теме как к большому самостоятельному исследованию, которое еще ждет своего часа. В настоящее время следует признать, что, не выстраиваясь в фундаментальный ряд, сведения о знаках княжеской власти носят казуальный характер.

Наибольшее внимание уделялось титулу князей Киевской Руси. Вполне впечатляющим итогом многолетней дискуссии по проблеме титула "великий князь" явилась статья профессора А.Поппе²⁴, который, проанализировав письменные источники (договоры Руси с Византией, летописи, литературные произведения и проч.), а также сопоставив мнения и высказывания на эту тему различных ученых, пришел к выводу, что официальным титулом "великий князь" начал пользоваться в конце XII в. владими́ро-суздальский князь Всеволод Большое Гнездо. Князья Киевской Руси, по мнению проф.Поппе, обладали титулом "князь русский" и восприняли титул "великий князь" из владими́ро-суздальской Руси в конце XII в. Аргументов, которые бы могли создать альтернативу выводам проф. Поппе, в настоящее время ни отечественная, ни зарубежная литература не содержит.

Другой титул русского князя — хакан (каган). В большой статье, посвященной "древнейшему титулу русского князя", А.П.Новосельцев на основании тщательнейшего анализа сообщений восточных авторов показывает, что "каганом" русского князя восточные авторы начали называть с первой половины IX в. В это же время и на Западе, как свидетельствует один факт из Бертинских анналов (впрочем, сейчас подобные факты обнаружены и в некоторых других западных источниках — устное сообщение А.В.Назаренко), становится известным, что правитель народа русов именуется хаканом²⁵. М.И. Артамонов,

написавший историю хазар, подчеркивает, что каганами назывались правители четырех народов: аварского, хазарского, болгарского и норманского (Русь)²⁶.

Являлось ли наименование "каган" титулом русского князя? Артамонов считает, что "для северных славян невероятен" подобный титул, однако, "понятен для славян среднеднепровских, находящихся под властью хазар". Киевские князья, по его мнению, принятием наименования "каган" демонстрировали независимость от хазар. Какую бы цель ни ставили правители русов, называя себя "каганами", они вряд ли так именуется после того, как хазарский каган превратился из действующего в номинального правителя. В начале X в., как пишет Новосельцев, у хазар каган имел лишь символическое значение верховного правителя. Русские князья, установившие активные дипломатические отношения с Византией, заключившие с ней письменные договоры, не именуется каганами, по-видимому, усматривая в этом титуле плохой для себя пример. Не случайно в Повести временных лет каганом называется только правитель Хазарии, которого разгромил русский князь Святослав²⁷.

Нельзя не учитывать, что существовало негативное отношение к кагану как к вождю варваров со стороны цивилизованного мира. Известно изречение, сохранившееся в рукописи XII в., "каган зверообразный скифский"²⁸. Созвучно ему высказывание византийского императора Никифора Фоки по поводу болгарского предводителя, которое он передал болгарским послам, пришедшим с требованием дани: "Идите к своему вождю, покрытому шкурами и грызущему сырую кожу..."²⁹. Известно, что не варил мяса Святослав: "ходя возъ по себе не возяше, ни котыла, ни мясь варя, но потонку изрезавъ конину ли, зверину ли или говядину на углех испекъ ядыше, ни шатра имяше, но подъякладъ постлавъ и седло в головахъ"³⁰. Именно со Святославом вел войны Никифор П Фока, а его хронист Лев Дьякон в своей "Истории" называл воинов Святослава скифами.

Существенную поддержку версии использования русскими

князьями титула "каган" как будто бы оказывают литературные памятники, прежде всего одно из первых произведений русской литературы "Слово о законе и благодати" (примерно, середина XI в.) киевского митрополита Илариона, первого русского митрополита, поставленного по воле киевского князя Ярослава Мудрого. Д.С.Лихачев дал такую оценку "Слову": богословско-политическое выступление на национально-русскую тему, образец произведений мирового ораторского искусства³¹. Слагая свою хвалу Ярославу Мудрому, Иларион славит и его отца, крестившего Русь, Владимира, называя их каганами³². Вряд ли этот титул — отражение реалий, скорее панегирический прием прославления Ярослава — наследника славы своих предков: он потому и каган, что его предки были (когда-то!) каганами. Думается, что начитанность, желание отличиться ("не перепев византийских образцов") послужили причиной именованя Иларионом русских князей каганами, к тому же известно, что власть кагана обожествлялась его соплеменниками³³, о чем Иларион мог знать.

В те же годы встречается и употребление слова "царь" по отношению также к князю Ярославу Мудрому. Это не летописные свидетельства, а надпись на стене Софийского собора в Киеве — известное датированное 20.П.1054 г. граффито о смерти "царя нашего". Дата и позволила Б.А.Рибакву утверждать, что речь идет о Ярославе Мудром³⁴, хотя в этот год скончался и византийский император Константин IX Мономах.

В XI в. в "Сказании о Борисе и Глебе" царями называет неизвестный автор князей Бориса и Глеба Владимировичей, убитых по приказанию их брата Святополка: "По истине вы цесаря цесаремъ и князя княземъ, ибо ваю пособиемъ и зашщениемъ князя наши противу вѣстающая държавьно побезають, и ваю помощю хваляться"³⁵. В этом же произведении о Владимире, сыне Святослава, внуке Игоря говорится как о "самодръжьце вѣсей Русьскеи земли"³⁶.

В XII в. дает нам многочисленныя названия не только киевского князя, но и галицко-волынского, самодержцем³⁷

("По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца всея роуси..."). В Ипатьевской летописи царями именуются киевские князья³⁸, другие памятники письменности XII в. называют царем Владимира Мономаха (например, "Моление Даниила Заточника"³⁹ - "помилуй мя сыне великаго царя Владимирера"). Тем не менее, можно солидаризироваться с В.О.Ключевским, что и в XII и тем более в XI в. "ни царь", ни "самодержец" не являлись "устойчивым" титулом киевского князя, а термины эти "придавали иногда в виде почетного отличия или как знак особого уважения древним русским князьям"⁴⁰.

Титул киевского князя безусловно бы конкретизировался в том случае, если бы имелось данные о венчании на царство кого-либо из киевских князей (так, М.Д.Приселков предполагает, что это сделал в 1037 г. Ярослав Владимирович Мудрый⁴¹) или если бы можно было прочесть его (титул) в легендах монет и печатей.

Знаки княжеской власти "проявили себя" еще в дохристианский период. Формула, столь типичная для самого раннего текста Повести временных лет, "сел", "посадил" (на княжение) - "сел Рюрик в Новгороде" - уже предполагает некоторое овеществленное сидение (стол - лавка, по И.И.Срезневскому), которое очень скоро проявляется в летописи как "стол", символ верховной власти, престол - "Ярослав же оаде Кыеве на столе отъни и дедни"⁴². "Стол" и "княжение" идентифицируются. "Сидеть на столе" мог только князь: "на столе посадити" означало "дать власть", что, в частности, формулирует "Изборник Святослава" 1073 г.: "Таче всемъ чистии вождь оумъ чоувъствы на столе посади и семоу законъ дастъ, по нему же живны и црствоуетъ црство"⁴³.

Первые русские монеты декларируют власть князя формулой "Владимир на столе". Они же демонстрируют и форму этого "стола": скамья без высокой спинки на серебряниках князей Владимира Святославича IV типа, Святополка Владимировича, престол с высокой спинкой на серебряниках Владимира III типа⁴⁴. Миниатюры лицевых рукописей XIV-XV вв. (прежде всего Сильвестровский сборник XIV в., Радзивил-

ловская летопись XV в.) дают образцы довольно разнообразных в художественном выражении "столов" и со спинкой и без спинки.

Исследователи первых русских монет неоднократно анализировали их с точки зрения княжеской атрибутики, утверждая, что регалии русского князя подобны регалиям византийских императоров. На этом основании делался вывод, что Владимир Святославич владел царским титулом⁴⁵. В то же время отмечалось, что для сребреников не существует конкретного византийского образца, по которому вырезался бы тот или иной тип, т.е. они созданы русским резчиком. Усматривалось (согласно известному описанию князя Святослава, отца Владимира) даже портретное сходство изображенного на монете князя с Владимиром. Таким образом проводилась мысль о реальном существовании императорских атрибутов на Руси в конце X – начале XI в. Знаки императорского достоинства Владимир, якобы, получил вместе с невестой⁴⁶. Однако существуют и возражения по поводу портретности монетного образа. Известная исследовательница византийских монет и печатей И.В.Соколова, на наш взгляд, права, видя в князе, "сидящем на столе", с регалиями, напоминающими императорские, лишь художественный образ, соответствующий представлению резчика монет о правящей особе. Образ мог быть навеян сведениями о византийском императоре, но он отнюдь не "документален". Конкретна лишь надпись, сопровождающая изображение на монете⁴⁷.

В письменных же источниках, освещающих русскую историю этого времени, нет никаких упоминаний о таких атрибутах, как венец, скипетр. Скорее, в руках русского князя должна была быть держава. "Держать" в смысле "владеть" – это понятие многократно встречается и в Повести временных лет, и в других летописях, литературных памятниках. "Держава", "державно" (с властью), "державство" – понятия, адекватные власти правителя, несколько раз встречаются в "Повести" и "Сказании о Борисе и Глебе". "Се азъ...държа роусьскоу землю в свое княжение"⁴⁸ – так начинается

знаменитая грамота 1130 г. князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю.

Понятие "корона" или "коруна" ранним русским текстам чуждо, "венец" и "корона" здесь не отождествляются. Слово "диадима" в источниках появляется довольно поздно – в XV в. В XVI–XVII вв. неоднократно подчеркивается "диадима сиречь бармы", т.е. отложной воротник царской одежды⁴⁹.

Вместо этого в летописи имеется наименование головного убора киевского князя – "клобук", в котором он стоял и в церкви⁵⁰. По-видимому, так называлась княжеская шапка, хорошо всем известная по изображениям, начиная с XI в.: полусферическая тулья из яркой материи с меховой (собольей) опушкой. В таких шапках изображены на иконах князья Борис и Глеб, в подобных головных уборах – Святослав с сыновьями на миниатюре Изборника, князья, изображенные в Радзивилловской летописи⁵¹.

В X – начале XI в. императорские атрибуты вряд ли были усвоены на Руси, хотя возможно их спорадическое использование для престижной цели.

Об этом как будто бы свидетельствуют заветы сыну византийского императора Константина VII Багрянородного (середина X в.), с которыми нас знакомит 13 глава его сочинения "Об управлении империей". Константин Багрянородный считал, что "северные" и "скифские" народы – хазары, турки, рось должны получить неприменный отказ, если они будут просить три вещи: "что-нибудь из царских одеяний и венцов", "жидкий огонь" и заключение брака с царственными особами⁵². Предполагают, что перед написанием этой части сочинения именно Русь просила у Византии "жидкий огонь"⁵³, а также Ольга, жена князя Игоря, во время своего первого путешествия в Византию (946 г.) претендовала на заключение брака своего малолетнего сына Святослава с дочерью византийского императора⁵⁴. Но просили ли русские князья в середине X в. императорские инсигнии?

Известно, что к этому времени болгарский князь Симеон, силой заставивший Византию признать за ним титул "василевса болгар", стремился получить титул "василеопатора" –

отца императора, заключив договор о браке своей дочери с Константином УП, а затем, потерпев в этом неудачу, принял титул "василевса ромеев", чем вызвал негодование в Константинополе. Сын Симеона Петр, женившись на внучке Романа I Марии, также к неудовольствию византийцев закрепил за собой титул "василевса болгар". Исходя из этих фактов, близких по времени Константину, можно предположить, что он имел в виду болгар, претендующих на императорские инсигнии, а не русских. Ибо русские согласно договору 945 г., т.е. в то же самое время, ограничивались даже в покупке драгоценных тканей — паволок ("не имеют волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ")⁵⁵.

Монеты конца X — начала XI в. дают представление о безусловном знаке княжеской власти, т.н. трезубце. Несмотря на обширную литературу, в основном археологическую, посвященную княжеским знакам Рюриковичей, нет устоявшейся версии об их прототипе. В настоящее время многие считают истоком этого знака тамгу. Со скандинавскими народами их связать не удастся. Кроме монет знаки собственности, а именно так их охарактеризовали в свое время А.В.Орешников и Б.А.Рыбаков, встречаются на печатях, на перстнях, на кирпичках, на предметах военного обихода и пр. Князь метил своим знаком все свое богатство, в том числе и монету как собственность (юридически — подпись)⁵⁶.

В письменных памятниках, естественно, нет описания знаков, однако, и Повесть временных лет сообщает о "знамениях" Ольги, и в древнейшем русском законодательном памятнике Краткой Русской Правде (X—XI вв.) в ряде статей говорится об отличительных княжеских знаках⁵⁷.

70-ми гг. X в. датируются найденные в Новгороде цилиндры, которыми маркировали, по мнению В.Л.Янина, мешки и сосуды, в том числе и с серебром. На них имеется изображение княжеского знака или надпись "княже". По-видимому, это прообразы княжеских печатей.

Путем логических рассуждений В.Л.Янин определил, что "родоначальницей" печатей с княжеским знаком является печать X в. Святослава Игоревича с изображением двузубца⁵⁸.

В дальнейшем ряд ученых уже утверждали, что подобной печатью Святослава был скреплен русско-византийский договор 971 г.⁵⁹

В книге "Русские печати" нами исследовался механизм скрепления договоров Руси с Византией X в. Договоры скреплены с русской стороны клятвой князя и близких к нему людей. Думается, что русско-византийские договоры не могут дать оснований для заключения о том, что печать в правовой жизни древнерусского общества функционировала уже как утвердительное средство. В торговле, в фискальных мероприятиях в Древней Руси в X в. могли использоваться печати, осуществляя свою функцию запечатывания, закрытия, т.е. играли роль нормативного знака, пломбы. Эти функции характерны для начальной стадии института печати, когда последняя окончательно не выделилась еще из знака собственности. Использование русскими печатей в качестве утвердительного средства в X в. кажется очень проблематичным.

Подобная постановка вопроса ни в коем случае не предполагает подчеркивания примитивности правосознания русских. Речь идет об определенной ступени развития и оформления правовых отношений, той ступени, где ясно проявляются следы компромисса, взаимоприспособления византийского права и варяжского права, о чем в свое время писал советский историк права С.В.Юшков.

На княжеские регалии-действия в X в. указывает сообщение летописи. В Повести временных лет говорится об установлении Ольгой таможен и сбора там налогов: "Иде Вольга Новгороду, и оустави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловиша ея суть по всей земли, знаменья и места и повосты..."⁶⁰

Оценивая все вышеназванные знаки княжеской власти, пожалуй, можно согласиться с теми авторами, в частности, с И.Я.Фрояновым, что к концу X - началу XI в. "выковывается публичная власть киевских князей"⁶¹, однако, по сохранившейся символике трудно судить, насколько сильно в ней было "самодержавство".

Письменные источники XI-XII вв. доносят до нас сведения еще о некоторых знаках княжеской власти, впрочем,

не исключено, что они являлись таковыми и в предшествующий период. По-видимому, одним из таких знаков был княжеский меч, прежде всего как судебный символ. В начале X в. арабский писатель Ибн Русте сообщал о русских: "Мечи у них Соломоновы"⁶², имея в виду, по-видимому, что князь судил с мечом в руке. О судебной функции меча имеется запись в Лаврентьевской летописи: "Князь бо не туне мечь носить в мечь злодеемъ, а в похвалу добро творящимъ"⁶³. Вероятно, для усиления значимости меча князья использовали оружие "милостыное", т.е. заветное. Например, в "Повести об убийстве Андрея Боголюбского" (XII в.) сообщается, что "его то бо мечь бьашеть святого Бориса" (князя Бориса Владимировича)⁶⁴. О мече новгородского князя XII в. Всеволода Мстиславича летопись сообщает: "...преставися князь Всеволодъ Мъстиславичъ въ Пскове... февраля II день..., а въ неделю положень бысть во церкви святыхъ Троица..., и поставиша надъ нимъ его мечь, иже и донне стоять, видимъ всеми..."⁶⁵.

Возможно, что князь выделялся в бою особым шлемом. Во всяком случае "Слово о полку Игореве" сообщает о золотом шлеме Яр-Тур Всеволода — князя Всеволода Святославича, брата Игоря Святославича⁶⁶. Позолоченный шлем, действительно, мог выделять князя, однако, в "Слове" вообще очень много золотых предметов, относящихся к быту князей: седло, стремя, княжеский престол⁶⁷.

Известно об "именном" шлеме князя XII в. (у него крестильное имя было Федор), найденном на месте Липицких битв близ Юрьева-Польского. Он украшен чеканными из серебра изображениями святых, на серебряном прилибце — надпись: "Великий архистратиге господине Михаиле, помози рабу своему Федору"⁶⁸.

Князья имели стяги и хоругви⁶⁹. Об этом несколько раз упоминают летописи⁷⁰.

Известно, что одним из важнейших атрибутов императорской власти являются пурпурные одежды и особенно обувь красного цвета, которую мог носить только император. Лев Диакон⁷¹ многократно вспоминает об этом в своей "Истории":

"принял власть (императорскую - Н.С.) и надел красную обувь - высший знак царского достоинства", "надел на ноги пурпурную обувь, воссев на василевсов трон" и т.д. Красная обувь сопровождала и принятие императорского титула болгарами. Тот же Лев Диакон, сообщая о лишении болгарского царя Бориса II императорского титула, перечисляет знаки царского достоинства: прежде всего "роскошный мисийский венец", кроме того тиара, отороченная пурпуром, вышитая золотом и жемчугом, багряница и красные полусапоги⁷².

О красной обуви русских князей известно по их изображениям. О княжеских "багряницах" - пурпурных одеждах имеются упоминания в таком литературном памятнике, как "Сказание о Борисе и Глебе". В уста князя Бориса Владимировича вложено обращение к ушедшим из жизни князьям: "Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, и багряницы, и пиры, серебро и золото, вина и меды, яства обильные, и резвые кони, и хоромы изукрашенные и великие, и богатства многие, и дани, и почести бесчисленные, и похвальба боярами своими?"⁷³

Ряд памятников, правда, приписывает "багрю", "очервлену и багряну оденью" не только князю, а вообще богатым людям⁷⁴.

Символом княжеской власти, по-видимому, являлся особый плащ-коц (коч). Это хорошо иллюстрирует один из эпизодов "Сказания о благоверном князе Михаиле Черниговском и боярине его Федоре", созданного в XIII в. В наиболее ранних дошедших до нас списках XIV-XV вв. рассказывается о княжеском жесте, который сделал князь Михаил в ответ на уговоры приближенных покориться татарскому хану: "тогда Михайль соима коць свои, и верже к ним Гля, примете славою света сего, ея же вы хотите"⁷⁵. В более поздних памятниках, XV-XVI вв., относящихся к Северо-Восточной Руси, это слово заменяется на "венец", "гривну златую" и проч., а в юго-западных русских землях и в XIV в. переписчикам оно было непонятно, поэтому вместо слова "коц" они писали "мечь" или "венец"⁷⁶.

Так же как и "багъра", гривна не являлась сугубо княжеской принадлежностью. В "Сказании о Борисе и Глебе" есть эпизод, где Борис наградил своего верного слугу золотой гривной, которую тот надел на шею⁷⁷. Однако гривны носили и бояре. В "Шестодневе" Иоанна Экзарха Болгарского, произведении, широко распространенном уже в XI в. на Руси, описывается в прекрасном дворце князь, "сидящий в облачении, усыпанном бисером, с гривной изукрашенной на шее..." Рядом с ним - его "бояры стояща въ златыхъ гривнах"⁷⁸.

Среди даров, которые будто бы получил в XII в. Владимир Мономах, упоминаются бармы. В начале XVI в. побывавший в России С.Герберштейн описывает бармы как ожерелье. Однако позднее, в описании Чина венчания русских царей на царство, бармы определены как великокняжеское оплечье, часть одежды - отложной воротник, шитый жемчугом, с изображением святых. В раннем письменном материале они не фигурируют.

Галицко-владимирская летопись XIII в. донесла до нас известие об очень важном событии - принятии Даниилом Романовичем, внуком киевского князя Мстислава Изяславича, от римского папы Иннокентия IV королевского сана. В 1255 г. "присла папа послы честны, носяще венечъ и скипетръ и коруну, еже наречеться королевский санъ, рекый: "Сыну, прими от насъ венечъ королевства"⁷⁹. После этого события летопись называет Даниила только королем. Как сказано в той же летописи, отец Даниила Роман называл себя "самодержцем всей Русской земли".

На протяжении XI-XII вв. киевские князья многократно объявлялись "самовластцами" всей Русской земли: после Мстислава "перяя власть его всю Ярославъ и бысть самовластець Русьстей земли"⁸⁰, его сын Всеволод "седе Кьева на столе отца своего и брата своего, приимъ власть русьскую всю"⁸¹. Владимир Всеволодович Мономах вместе с отцом владел "всей Русской землей".

Ни об одном из князей Киевской Руси не сохранилось столько воспоминаний в истории, как о Владимире Мономахе. "Благороднейший архонт России" - так именовался он на

печати (по-греч.)⁸². Легенды о нем передавались из столетия в столетие. Так, более чем через 100 лет после смерти Владимира Мономаха в "Слове о погибели Русской земли" сообщается о нем: "И жоръ Мануиль цесарегородский опасъ имея, коне и великия дары посылаша к нему, абы под нимъ великий князь Володимеръ Цесарягорода не взял"⁸³. Легенда ли это? Может быть, Алексей Комнин и посылал Владимиру Мономаху какие-то дары, а позднейшие историки-летописцы связали с этим фактом легенду о царских регалиях⁸⁴. Б.А.Рыбаков считает, что легенда о регалиях как нельзя лучше пришлась на время Ивана III⁸⁵. Известно, что в конце XV в. он обосновывал свое право на императорский титул, венчав внука Дмитрия великим князем.

Однако имеется ряд фактов, свидетельствующих, что и ранее легенда об императорских регалиях использовалась в Северо-Восточной Руси, а "дары" принимали соответствующую форму регалий, передаваясь по наследству. Согласно завещанию Ивана Калиты старшему сыну Семену в отличие от двух младших братьев достался "кожухъ черлении женчужьнии, шапка золотая". В духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича старшему сыну Дмитрию завещаны, кроме драгоценностей, однотипных с другими наследниками: "шапка золота, бармы, пояс великий золотъ /с камень/емъ с женчуги, что мя благословиль отецъ мой, князь великий..." Дмитрий Иванович Донской, в свою очередь, оставляет старшему сыну Василию "пояс золот великий с камением, бармы, золотую шапку". В завещаниях последующих великих московских князей старшим сыновьям передаются золотая шапка, бармы, пояс (золотой, большой), цепь, крест, "да сердоличная коробка"⁸⁶.

Все эти вещи упоминаются, как отмечалось выше, при венчании на царство Дмитрия, внука Ивана III. Таким образом, окончательно складываются "мономаховы атрибуты". Основой их явилась "золотая шапка", или "Шапка Мономаха". Она "появилась на свет" из золотой тибетейки бухарской работы, к которой приделана согласно традиции соболья опушка, став великокняжеским, а потом и царским венцом.

Таким образом, складывание русских государственных регалий осуществлялось по большому счету в Северо-Восточной Руси, сначала во Владимиро-Суздальском княжестве, где, как в свое время писал Л.В.Черепнин, в XII – начале XIII в. характерным являлось политическое развитие, шедшее в направлении сословно-представительной монархии⁸⁷, а затем – в Московской Руси.

-
- I Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М.-Л., 1962. Т. I. С.365.
 - 2 Там же. С.368.
 - 3 Там же. С.365.
 - 4 Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1805. Т. II. С.98-114.
 - 5 Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1859. Т. УШ. С.234-236; СПб., 1901. Т. XII. С.246-248; Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1842. Изд.5-е. Переизд. М., 1989. Т. VI. С.172-173.
 - 6 Об этом: Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.-Л., 1955. С.116-118.
 - 7 Щербатов М.М. Указ. соч. С.105-107.
 - 8 Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. II. Примеч.220.
 - 9 Там же. С.90-91.
 - 10 Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. I. С.395.
 - 11 См. об этом: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С.485-486. Сам он посвятил специальный очерк древним символам: Символизм в древнем русском праве // Указ. соч. Приложение I.
 - 12 Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. Т. I. С.339; Пашуто В.Т. Место Древней Руси в истории Европы // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С.190.
 - 13 Толстой И.И. Знамя первых наших христианских великих князей // Труды VI Археологического съезда. Одесса, 1886. Т. I; Орешников А.В. Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // Археологические известия и заметки Московского археологического общества, 1894. Т. X; он же. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия Академии наук. Отделение гуманитарных наук. 7-я серия. 1930. № 2; Болсуновский К.В. Родовой знак Рюриковичей. Киев, 1908;

- он же. Сфрагистические и геральдические памятники Юго-Западного края. Киев, 1899. Вып. I; Ефименко П. Юридические знаки // Журнал Министерства народного просвещения. 1874, № 10; Соловьев Е. Т. Знаки собственности в России: Историко-археологический очерк. Казань, 1885; Лихачев Н. П. Из лекций по сфрагистике. СПб., 1905-1906 уч. г.; он же. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. I; Л., 1930. Вып. 2.
- 14 Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв. // Советская археология. М.-Л., 1940. Кн. VI; он же. Русские датированные надписи XI-XIV вв. М., 1964; он же. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982.
- 15 Ардиховский А. В. Миниатюры Кёнигсбергской летописи // Известия Гос. Академии истории материальной культуры. М., 1932. Т. XIV. Вып. 2; он же. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
- 16 Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; он же. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. М., 1970. Т. I-II.
- 17 Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965.
- 18 Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X-XI вв. Л., 1983.
- 19 Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.
- 20 Ключевский В. О. Сочинения. М., 1989. Т. VI. С. 103-107.
- 21 Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. СПб., 1909.
- 22 Юшков С. В. Указ. соч.
- 23 Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
- 24 Poppe A. O tytułach wielkoksiążęcych na Rusi // Przegląd historyczny. Warszawa, 1984. T. LXXV. Z. 3. Здесь имеется указание на все основные работы по вопросу о титуле киевских князей. В том же году, что и статья А. Поппе, вышла в свет в Киеве книга И. П. Крип'якевича "Галицко-Волинське князівство" (опубликована по рукописи после смерти автора). Автор также утверждает, что устойчивый титул "великий князь" установили только суздальские князья (с. 116).
- 25 Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982, № 4. С. 150-159.
- 26 Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 366, сноска.
- 27 Памятники литературы Древней Руси (далее - Памятники). XI - начало XII века. М., 1978. С. 78.
- 28 Об этом: Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958 (перейзд. СПб., 1893). Т. I. С. 1171.

- 29 Лев Диакон. История. М., 1988. С.36.
- 30 Памятники. XI - начало XII века. С.78.
- 31 Там же. С.17.
- 32 Молдован А.М. "Слово о законе и благодати" Илариона. Киев, 1984. С.78, 91-92, 99.
- 33 Артамонов М.И. Указ. соч. С.411; Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С.30.
- 34 Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI-XIV вв. М., 1964. С.14.
- 35 Памятники. XI - начало XII века. С.298.
- 36 Там же. С.278.
- 37 ПСРЛ. М., 1962. Т.П. С.715; Памятники. XIII век. М., 1981. С.236; Срезневский И.И. Указ. соч. Т.III. С.249.
- 38 ПСРЛ. Т.П. С.380, 421, 439, 469 и т.д.
- 39 Памятники. XII век. М., 1980. С.390.
- 40 Ключевский В.О. Указ. соч. С.102-103.
- 41 Приселков М.Д. История русского летописания. X-XV вв. М., 1940.
- 42 Памятники. XI - начало XII в. С.156.
- 43 Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880. Л.61 об.
- 44 Сотникова М.П., Спасский И.Г. Указ. соч. С.161, 174, 180.
- 45 Свердлов М.Б. Изображение княжеских регалий на монетах Владимира Святославича // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Вып. IV. С.151-159; Сотникова М.П., Спасский И.Г. Указ. соч. С.78.
- 46 Свердлов М.Б. Указ. соч. С.159; Высоцкий С.А. Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев, 1989. С.100-101.
- 47 Соколова И.В. Несколько замечаний по поводу византийских прототипов древнерусских монет // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1975. (Вып.) 40. С.67-72.
- 48 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. С.140. № 81.
- 49 Срезневский И.И. Указ. соч. Т.1. С.42-43.
- 50 ПСРЛ. СПб. 1856. Т.УП. С.341.
- 51 См. илл. в кн.: Памятники XI - начала XII века; Высоцкий С. Указ. раб. С.69, 104-105; Радзивилловская или Кёнигсбергская летопись. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902; Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г.
- 52 Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С.54-59.

- 53 Там же. С.342 (примеч. к гл.).
- 54 Литаврин Г.Г. Русско-византийские связи в середине X в. // Вопросы истории. 1986. № 6. С.49-50.
- 55 Памятники. XI - начало XII в. С.62.
- 56 Орешников А.В. Классификация древнейших русских монет. С.90; Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XV вв. // Советская археология. 1940. Вып.П. С.227-257.
- 57 Подробнее см.: Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991.
- 58 Янин В.Л. Актовые печати. Т.1. С.40.
- 59 Об этом см.: Каштанов С.М. Русские княжеские акты X-XIV вв. // Археографический Ежегодник за 1974 г. М., 1975. С.97-98.
- 60 Памятники. XI - начало XII в. С.74.
- 61 Фроянов И.Я. Указ. соч. С.21.
- 62 Памятники истории Киевского государства IX-XII вв.: Сб. документов / Подг. к печати Г.Е.Кочинным. Л., 1936. С.43.
- 63 ПСРЛ. Т.1. С.436.
- 64 Памятники. XII в. С.330.
- 65 ПСРЛ. М., 1965. Т.ХУ. С.200.
- 66 Памятники. XII в. С.376.
- 67 Там же. С.682.
68. Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи. С.34-35.
- 69 Рыбаков Б.А. Знаки собственности. С.242-244.
- 70 ПСРЛ. Т.1. С.239-240; Т.П. С.229-230 - о стяге Владимира Мономаха; Т.П. С.323 - киевляне говорят князю Изяславу: "где узримъ стягъ твой, тоу и мы тобою готови есмь"; Т.1. С.499 - о стяге ростово-суздальских князей и т.д.
- 71 Лев Дьякон. История. С.26, 30.
- 72 Там же. С.83.
- 73 Памятники. XI - начало XII в. С.283.
- 74 Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С.9.
- 75 Серебрянский Н. Древне-русские княжеские жития. М., 1915. С.58.
- 76 Там же. С.125-126.
- 77 Памятники. XI - начало XII в. С.286, 288.
- 78 Памятники. XII в. С.192.
- 79 Памятники. XIII в. С.330.
- 80 Памятники. XI - начало XII в. С.164.

81 Там же. С.216.

82 Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т.1. С.16-19. Говоря о титуле на печати Владимира Мономаха - "благороднейший архонт России" и титуле его матери - греческой принцессы Марии - "благородной архонтиссы", он пишет: "Титулование их "благородной" и "благороднейшим" отражает генетическую связь линии Владимира Всеволодовича с византийским императорским домом, родство, которым Мономаховичи гордились и которое в представлении последующих поколений трансформировалось в преемственность великодержавной власти от византийских императоров".

83 Памятники. XIII в. С.130.

84 В.Д.Прозоровский в прошлом веке высказал на эту тему несколько предположений, например: "Предания о венчании Владимира Святого, о приезде в Россию греческих архиереев и о получении Владимиром Мономахом или его матерью наследства после Константина Мономаха или какого-либо подарка от Алексея Комнина, будучи сбиты в одно сказание, отнесены к великокняжеским регалиям, которые и слывут за императорские византийские, сохранившиеся в потомстве Владимира Мономаха". Прозоровский В.Д. По вопросу о регалиях, приписываемых Владимиру Мономаху // Труды III-го археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878. Т.П. С.158-159.

85 Рыбачков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. С.451.

86 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIУ-XVI вв. М.-Л., 1950. С.8, 16, 36, 57, 59, 61, 197.

87 Черепнин Л.В. Пути и формы политического развития русских земель XII - начала XIII в. // Польша и Русь. М., 1974. С.39.

РОГОЖСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ И РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ^{2*}

В данном исследовании рассматривается второй источник первой части Рогожского летописца (далее: Рог.), представляющий ростово-суздальскую летописную традицию. При составлении Летописца 1412 г., т.е. Рог., был привлечен летописный материал "Суздальского памятника", который был близок с Лаврентьевской (далее: Лавр.), Радзивилловской (далее: Радз.), известной по Московско-Академическому списку (далее МАК.) летописями. Однако он не был тождествен до оригинала этим трем летописям и доходил приблизительно до конца XIII в. Выступая с такой точки зрения, А.А.Шахматов ссылаясь при этом на Тверской сборник (далее: Тв.сб.), который сходен за определенный период с обследуемым памятником (после 6796 г.)¹. Первый исследователь Рог. видел в этой летописи XVI в. прямое указание на бытование искомой Суздальской летописи последней четверти XIII в.²

Имеется в виду запись Тв. сб. под 6784 г.: "По то же лето князя Летописец". Помимо этого Шахматов высказался о влиянии за XII-XIII вв. "Суздальского памятника" 1276 г., отраженного в Рог., на Троицкую (далее: Тр.)³ и Симеоновскую (далее: Свм.)⁴ летописи, о их наибольшей близости к нему.

В.А.Лимонов, определяя ростовское происхождение данного памятника, устанавливает его владимирскую основу, доведенную до 1276/77 г.; он дополнил наблюдения Шахматова о зависимости от него (кроме Рог.) МАК., Тв. сб. (с продолжением до конца 80-х гг. XIII в., без ростовской обработки владимирской основы), а также Новгородского краткого летописца (с его главным источником Летописцем патриарха Никифора в ростовской редакции)⁵ и московского "Свода 1479 г."⁶ (через предполагаемый "северо-восточный источник"; далее: МС)⁷. При этом Лимонов не оспорил гипотезу

* Это глава из подготовляемой автором монографии "Рогожский летописец XV в."

Шахматова о том, что сам составитель извлечений из "Свода 1448 г." имел в качестве дополнительного источника "Ростовский свод" (помимо Хронографа), которым воспользовалась НИУ.

Таким образом, восстановление ростово-суздальской традиции в Рог. предполагает привлечение к исследованию целой группы летописных памятников, имеющих в нашем распоряжении: Лавр., Радз. (до 1206 г. — окончание летописи), Тр. (Сим.), МАК. (с 1205 г.), МС, Тв. сб. и Новгородского краткого летописца (помещенного в Новгородской кормчей конца XIII в.). Выделение ростово-суздальского материала в первой части Рог. проведено через сравнительный анализ с параллельными текстами названных летописей. Шахматов частично наметил такой материал и в основном путем сопоставления с Лавр., Радз. и МАК. По характеру текстов он отнес к искомому источнику владими́ро-суздальские известия под 6662, 6666, 6693, 6694, 6695, 6697 (2)*, 6698 (1), 6700 (2), 6702, 6704, 6705, 6706 (1), 6707, 6714 (2), 6718 (2), 6723, 6729, 6735 гг. Такие же близкие тексты Рог. (очищенного от новгородских сообщений) и Новгородского краткого летописца под 6745, 6754, 6756, 6759, 6761, 6779, 6784 гг. назвал Лимонов. При этом не все они находятся в "избытке" Рог., некоторые читаются, например, в летописи Авраамки (далее: Авр.), Летописце епископа Павла (далее: ЛП) — 1246 г. о кн. Ярославe, 1248 г. — о кн. Святославe, 1251 г. — о Неврюе, свидетельствуя о ростовском источнике "Свода 1448 г." или извлечении из него. Однако объем материала, ведущего нас к "Суздальскому памятнику", в самом деле более значителен.

Вначале определим место "избытка" текстов Рог. в этой традиции (Перечень № I), не нашедших отражения в ЛП, сходном Троицком летописце (далее: Тр.805), Авр., а также в исходных Софийской I (далее: СИ), Новгородской IУ (далее: НИУ) летописях.

* Количество известий летописной статьи.

Перечень № I

- 6393 г. - О послах кн. Олега к Радимичам. (Такое известие в сходной, но несколько более подроб. записи включает Лавр.-Радз.).
- 6616 г. - О закладке кн. Святополком церкви св. Михаила. (То же самое).
- 6625 г. - О закладке кн. Владимиром Всеволодовичем церкви св. Бориса и Глеба на Лъте. (То же самое. В Лавр. указано, что церковь каменная, но нет упоминания о месте события).
- 6633 г. - О вокняжении кн. Ярополка в Переяславле (Об этом говорится и в Лавр.-Радз.).
- 6645 г. - О поставлении Мануила епископом Смоленску, Феодора - Владимиру (В одинаковой записи такое сообщение известно Лавр.-Радз.).
- 6651 г. - О женитьбе сына кн. Всеволода Святослава (Здесь Рог. вновь сокращает сходную запись Лавр.-Радз. Далее эта особенность не оговаривается).
- 6653 г. - О поездке митр. Михаила в Царьград (Короткое сообщение дает об этом и Лавр.-Радз.).
- 6654 г. - О взятии кн. Владимиром Прилук (Здесь Лавр. вновь более подроб.).
- 6687 г. - О целовании новгородцами креста кн. Всеволоду, взятии им Торжка (То же самое, но под 6686 г.).
- 6693 г. - О поставлении Луки епископом Владимиру и Ростову (Еще одно следование в сокр. Лавр.-Радз.).
- 6694 г. - О рождении у кн. Всеволода сына Константина (То же самое).
- 6695 г. - О рождении у кн. Всеволода сына Бориса.
- 6696 г. - О страшном громе.
- 6697 г. - О рождении у кн. Всеволода сына Георгия, смерти еп. Луки Ростовского и Владимирского.
- 6698 г. - О поставлении Иоанна епископом Владимиру, рождении у кн. Всеволода сына Феодора - Ярослава.
- 6700 г. - О закладке вел. кн. Всеволодом Суздаля и церкви Рождества св. Богородицы во Владимире.

- 6702 г. - О рождении у кн. Всеволода сына Дмитрия.
- 6704 г. - О рождении у кн. Всеволода сына Гавриила.
- 6705 г. - О "доске" св. Дмитрия, привезенной из Селуни.
- 6706 г. - О смерти кн. Давида Смоленского, рождении у кн. Всеволода сына Иоанна.
- 6707 г. - О походе кн. Всеволода на Половцев.
- 6709 г. - О посылке кн. Всеволодом сына Ярослава на стол в Переяславль Русский (Все известия с 6695 г. содержит Лавр.).
- 6714 г. - О посылке войска вел. кн. Всеволодом на Болгары, восстановлении церкви св. Богородицы в Ростове (В Лавр. о ростовской церкви говорится под 6721 г. Что касается первого известия, то о таком событии читается в ней под 6692 г. Здесь Рог., по-видимому, соответствует Тр., 6713 г.).
- 6718 г. - О взятии кн. Всеволодом Топры, рождении у кн. Константина (ош. Всеволода) сына Иоанна (Об этом сообщает Лавр.).
- 6723 г. - О рождении у кн. Константина сына Дмитрия (Такое сообщение Лавр. дает под 6722 г., а Тр. - то же под 6723 г.).
- 6726 г. - О посылке кн. Константином сыновей Василька в Ростов, Всеволода - в Ярославль, вокняжении во Владимире кн. Юрия Всеволодовича (В такой подборке события описаны в МС, сходно - кроме последнего и в Лавр.).
- 6728 г. - О смерти митр. Матвея.
- 6729 г. - О закладке кн. Юрием Новгорода на устье Оки.
- 67[35] - О поставлении Митрофана епископом Владимиру, смерти сына вел. кн. Всеволода Владимира.
- 6746 г. - О вокняжении кн. Ярослава Всеволодовича во Владимире, передаче им во владение Суздаля - брату, кн. Святославу, Стародуба - кн. Иоанну.
- 6747 г. - О походе кн. Ярослава на Литву, злом пополохе по всей земле.
- 6749 г. - О победе татар над Уграми.

- 6751 г. - О посылке кн. Ярославом сына Константина в Канови.
- 6752 г. - О поездке кн. Владимира Константиновича и др. князей в Орду.
- 6758 г. - О поездке кн. Ярослава к Батью.
- 6755 г. - О поездке кн. Андрея и кн. Александра Ярославича к Батью.
- 6756 г. - О смерти Батя и его преемнике Сартаке, победе суздальских князей у Зубцева.
- 6760 г. - О поездке кн. Александра в Татары.
- 6762 г. - О поездке кн. Ярослава (ош.Александра) Тверского в Ладогу.
- 6763 г. - О смерти кн. Константина Ярославича.
- 6767 г. - О смерти царя Улация и его преемнике Кутлубсе.
- 6769 г. - О рождении у кн. Александра сына Даниила.
- 6773 г. - О смерти хана Беркаи (Все известия с 6728 г. также дает Лавр.).
- 6774 г. - О явлении звезды на Западе (Оба последних известия читаются в Тр. под 6774 Лавр. здесь деф.).
- 6779 г. - О затмении солнца, рождении кн. Михаила Ярославича Тверского (В Авр. - о смерти Михаила. То же самое).
- 6784 г. - О пожаре в Твери (Сходный текст имеется в Тр. и Тв. сб.).
- 6786 г. - О недуге среди людей (Об этом известно Тр.-Сим. и МС. В Лавр. вновь пропуск текста).
- 6787 г. - О затмении луны (Такое сообщение имела Тр. Лавр. здесь деф.).
- 6788 г. - О великом громе, затмении "на небе" (То же самое).

В "Избытке" Рог. против основных сравниваемых памятников находится серия известий (Перечень № 2), которые читаются в СИ и НИУ (или только в НИУ)⁸. Однако редакция изложения в них событий также находит прямые или более близкие (с учетом сокращений) аналогии в Лавр. (или Тр.), т.е. не связана со "Сводом 1448 г."

Перечень № 2

- 6360 г. - О начале царства Михаила и именовании Русской земли.
- 6366 г. - О походе кн. Михаила на Болгары.
- 6392 г. - О походе кн. Олега на Северяны (в СИ и НИУ - это 6391 г.).
- 6409 г. - О пленении Уграми Болгарской земли. (При общей близости это известие более сходно с записью Тр., включая дату 6409 г., а не 6410 г. как в Лавр., СИ и др.).
- 6421 г. - О походе Симеона Болгарского на Царьград (В Тр. - это 6421, Лавр. - 6422 гг.).
- 6426 г. - О поставлении Романа греческим царем (В Тр. - это 6427, Лавр. - 6428 гг.).
- 6552 г. - О постриге Антония (Речь, очевидно, идет об игумене Киево-Печерского мон-ря, о котором Лавр. сообщает под 6559 г.).
- 6623 г. - О перенесении мощей св. муч. Бориса и Глеба.
- 6678 г. - О смерти кн. Владимира Андреевича в Киеве (В СИ и НИУ - это 6679 г., Владимир назван сыном Юрия Всеволодовича).
- 6680 г. - О смерти кн. Глеба Гургевича Киевского.
- 6681 г. - О смерти кн. Мстислава Андреевича.
- 6712 г. - О воевании Ольговичей с Литвой. (В Лавр. - это 6713 г.).
- 6717 г. - О посылке кн. Всеволодом сына Ярослава в Рязань, его походе на Рязань (В СИ и НИУ - это 6718 г.).
- 6720 г. - О смерти вел. кн. Всеволода и его захоронении в церкви св. Богородицы Златоверкой (Сокр. общей записи сравниваемых летописей).
- 6726 г. - О смерти вел. кн. Константина.
- 6741 г. - О смерти митр. Кирила (Более сходно известие читается в МАк.).
- 6744 г. - О взятии осенью татарами Болгар. (В близкой Лавр. записи СИ и НИУ не имеют указания на осень).

- 6755 г. - О вокняжении кн. Святослава Всеволодовича во Владимире.
- 6760 г. - О вокняжении кн. Александра во Владимире, смерти кн. Святослава Всеволодовича. (В НИУ - это 6760-6761 гг.).
- 6763 г. - О рождении у кн. Бориса сына Константина. (В Лавр. - это 6762, НИУ - 6763 гг.).
- 6765 г. - О числиницах в Суздальской, Рязанской и Муромской землях.
- 6777 г. - О смерти кн. Дмитрия Святославича (в НИУ - это 6775 г.).
- 6779 г. - О поездке русских князей в Татары, затмении солнца. (Лавр. - здесь деф. Более близкие сообщения дает Тр.).
- 6780 г. - О вокняжении кн. Василия Ярославича во Владимире. (Более близкий текст хранит Тв. сб.).
- 6786 г. - О смерти кн. Глеба Васильевича Ростовского.

Не ограничиваясь последним Перечнем материала Рог., связанного с Лаврентьевско-Троицкой группой летописей, приводим в дополнение ряд прямых текстологических сопоставлений.

6360 год

Рог.: Индикта 15, наченшу Михаилу царствовати, начать именоватися Русская земля. О сем бо уведеахом, яко при сем цари приидоша Русь на Цариград, якоже пишет в летописанья Греческом. Тем же и отселе почнем...".

Лавр.: Индикта 15 день наченшу Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля. О сем бо увидохом, яко при сем цари приходима Русь на Царьгород, яко же пишется в летописанья Гречьстем. Тем же отселе почнем...".

СИ и НИУ: Индикта (в) 15 (день) наченшу Михаилу царствовати, и начася прозывати Русская земля. Тем отселе почнем...".

6366 год

Рог.: Михаил царь изыде с вои брегом на Болгары. Болгары же увидевше не могоша стати противу, креститися просиша, покорятися Греком...

Лавр.: Михаил царь изыде с вои брегом и морем на Болгары. Болгары же увидевше, не могоша стати противу креститися просима и покоритися Греком...

СИ и НИУ: Михаил царь изыде с вои своими брегом и морем на Болгары. Болгары же, видевше, а не могоша стати противу ему и просише креститися, и покоришася Греком...

6392 год

Рог.: Иде Олег на Северяны и возложи на них дань легку...

Лавр.: Иде Олег на Северяне, и победи Северяны и возложи на нь дань легку...

СИ и НИУ (6391 г.): Иде Олег по Древляны и на Северы и возложи дань на них по черне Куне.

6409 год

Рог.: Леон царь наят Угры на Болгары. Угры же нашедше, всю землю Болгарскую поплениша, Симеон же...

Лавр. (6410 г.): И Леон царь наят Угры на Болгары. Угре же нашедше, всю землю Болгарскую пленоваху. Симеон же...

Тр.: Леон царь наят Угры на Болгары. Угры же нашедше, всю землю Болгарскую поплениша. Симеон же...

СИ и ГИУ (6410 г.): Леон царь наят Угры (и иде) на Болгары. Угры же нашедше, всю землю Болгарскую пленоваху. Симеон же...

6623 год

Рог.: Бысть принесение мощем Бориса и Глеба маиа 2.

Лавр.: ...месяца маиа, в 2 день перенесоша братья вся святоу мученику Бориса и Глеба...

СИ и НИУ: Пренесение мощи святоу мученику Борису и Глебу в каменную церковь.

6680 год

Рог.: Преставися Глеб Горевич Киевский.

Лавр.: Преставися благоверный князь Глеб Киевский Горевич...

СИ и НИУ: Преставися (киевской) князь Глеб Юрьевич (княжив) в Киеве...

6712 год

Рог.: Тое же зимы. Ольговичи биша Литву.

Лавр. (6713 г.): Тои же зимы бишася Ольговичи с Литвой.

СИ и НИУ: Победиша Ольговичи Литву и избиша их 700 и 1000.

6741 год

Рог.: Преставися блаженный митрополит Кирил (П)..

Лавр.: нет такого известия.

Мак.: Того же лета преставися блаженный митрополит всея Руси Киевский Кирил.

СИ и НИУ: В то же лето преставися блаженный митрополит (митрополит) всея Руси Киевский Кирил (родом бе Гречин, приведен бысть из Никиа).

6779 год

Рог.: Поидоша князи в Татары: Ярослав, Василий, Дмитрий.

Тр.: Того же лета поидоша князи в Татары Ярослав, Василий, Дмитрий.

СИ и НИУ: И князи ходиша в Орду Ярослав, Дмитрей, Василей.

Летописный материал, названный в Перечнях № I-2, представляет в основном по своему составу владимирские, ростовские, а также общерусские известия. Он включает и несколько тверских известий под 6762, 6763, 6779, 6784 гг., обнаруживая, надо полагать, подключение к Рог. с конца XIII в. третьего источника – тверского по происхождению. Этот источник, идентичный тому, который использован в Тв. сб. и начинается в Рог. с 1288 г., но имеет в нем вкрапления в предыдущий текст. Если известия Рог. под 6762 г. о поездке кн. Ярослава в Ладогу, читаются в несколько более сходном изложении с Лавр., то известия: под 6763 г. о смерти

кн. Константина, под 6779 г. о затмении солнца, под 6784 г. о пожаре в Твери переданы в близких записях о Тв. сб. В последнем летописном памятнике нет известия Рог. под 6779 г. о рождении тверского кн. Михаила Ярославича (повторим: Авр. пишет тут ош. о смерти этого князя). Оно было, очевидно, известно Лавр. В ней и здесь пропуск текста. Его содержала Тр. (судя по Сим.). Но необходимо иметь в виду, что в Лавр. (как и в Тр.) тоже отразился с конца XIII в. тверской источник. Так известие под 1284 г. о тверском пожаре практически одинаково изложено в Рог, Тр. и Тв. сб.

Рог. и Тв. сб. имеют одинаковый состав статьи 6763 г. Кроме известия о кн. Константине, они включают еще известие о кн. Борисе, которое Лавр. дает в более подробной записи под 6762 г. Статья 6763 г. в Лавр. более обширна.

При этом надо учитывать целый ряд близких, иногда идентичных текстов Рог. и Тв. сб. и до 1288 г., которые ведут ко второму основному источнику памятника ХУІ в., открывающегося 1247 г. и испытавшего влияние ранних памятников ростовской и тверской традиций. Между тем в Тв. сб. обнаруживается пересечение двух его самостоятельных частей в пределах 1247–1255 гг., приведшего здесь к повтору серии статей (за 6756–6763 гг.), с новыми известиями. Во втором случае статьи за эти восемь лет связаны с ростовским материалом и имеют тут прямые аналогии с Рог. и МС.

Вообще следует допускать более широкое использование ростовского источника в первой части Рог., чем это устанавливается, в частности, по его избыточному материалу. Привлекает внимание, например, общие таксты Рог. и Авр. (отсутствующие в ЛП и Тр.805), которые не читаются в СІ и НІУ или имеют отличную от них редакцию. Выше об этом уже упоминалось. (Правда, Шахматов не исключал, напомним, обращение к ростовскому материалу и составителя самих "извлечений" – из "Свода 1448 г."). В определенном общем "избытке" Рог. и Авр. эти летописи тоже дают разные записи об одних и тех же событиях. Дополнительное выявление в Рог.

материала ростовского источника по этой линии затруднено в силу сильных сокращений в нем текстов в целом. Но указать на искомые факты возможно.

Укажем эти факты путем сопоставления общих известий в разных и сходных записях.

6633 год

Рог.: Преставися князь Владимир Всеволодович и положен бысть в Киеве... и седе по нем Мстислав сын его, а Ярополк в Переяславли.

Авр. (6627 г.): Преставися великий князь Владимир Мономах... и по нем седе сын его Мстислав, еще сын детеск...

Лавр.: Преставися благоверный и великий князь Русский Володимир... и седе в Киеве Мстислав, сын его старейший... а Ярополк, брат его, иде Переяславлю.

СІ и НІУ: Преставися князь великий Владимир Манамах... и седе (по нем) на столе в Киеве сын его старейший Мстислав, еще си детеск.

Тв. сб.: Преставися князь великий Владимир в Киеве... и седе по нем в Киеве сын его Мстислав, а другой сын Ярополк в Переяславли.

6637 год

Рог.: Мстислав поточи полотскыя князи к Царюграду с женами и с детми.

Авр. (6638 г.): Того же лета поточи Всеволод князи полоцкни за море к Царюграду и с женами их.

Лавр.: В то же лето поточи Мстислав князи плотские Царюгороду с женами и с детми.

СІ и НІУ (6638 г.): Заточи князь великий Всеволод князи полотескыя и с княгинями (их) к Царюграду.

Тв. сб.: Того же лета князь великий Мстислав поточи полотских князей к Царюграду...

6703 год

Рог.: Великий князь Всеволод заложит град Переяславль.

Авр.: Заложен бысть град Переяславль.

Лавр.: Того же лета заложи благоверный и христоролюбивый князь Всеволод Юргевич град Переяславль.

СИ и НИУ: нет этого известия.

Тв. сб.: нет этого известия.

6710 год

Рог.: Ходи Роман князь на Половци и взят вежи их. Тое же зимы быша знаменна многа на небеси.

Авр.: Знамение велие явися на небеси, небо учинися яко кроваво.

Авр. (6711 г.): Ходи Рюрик, Роман, инне мнози князи на Половец, и полон и стада отъяша.

Лавр.: Тое же зимы ходи Роман князь на Половци, и взя веже половецьские и приведе полона много... Тое же зимы знаменья бысть многа на небеси...

СИ и НИУ: Бысть знамение велие, явися на небеси, учинися небо, акы кроваво. Известия о кн. Романе нет.

Тв. сб.: Того же лета князь Роман ходи на Половци, и взя вежи их, и приведе полона многа... Известие о знаменнии нет.

6713 год

Рог.: Быша знаменна на небеси, в солнци и луне. Того же лета придоша Немци и Венедици и Фрязи на Царьград... Того же лета падеся церкви св. Богородица Рождество в Ростове.

Авр. (6712 г.): Се пакы знамение велие бысть... Того же лета пришедше Немци, Венедци, Фрязи, взяша Цареград...

Авр. (6713 г.): Падеся в Ростове церковь соборная.

Лавр.: Этих известий нет.

СИ и НИУ: Того же лета бысть знамение велие на небеси 3 солнца... О Царьграде — иначе, рассказ; о ростовской церкви нет сообщения.

Тв. сб.: Бысть знамение на небеси, бяху три солнца... Того же лета падеся в Ростове церковь камена св. Богородица. О Царьграде иначе, рассказ.

Рог.: Того же лета убиша Татарове Мстислава Рыльского.

Авр.: Того же лета убиша Татарове Мстислава.

Лавр.: Того же лета Татарове убиша Мстислава Рыльского.

СІ и НІУ: нет этого сообщения.

МАК.: Того же лета убиша Татарове Мстислава Рыльского.

Тв. сб.: Того же лета убиша Татарове князя Мстислава Рыльского, иже град его на Семе реце.

Итак, можно заключить, что первая часть Рог. содержит ростово-суздальский источник, доведенный до 1288 г. Здесь в основном подтверждается соответствующий вывод Шахматова, развитый Лимоновым. Отраженный в разных летописных памятниках, этот источник конца XIII в. представлен в наиболее генетически близкой и полной передаче с Рог. в Лавр.-Тр.

Но прямой их зависимости не прослеживается. Этим во многом можно, наверно, объяснить, некоторые отступления в хронологии соответствующих текстов Рог. Его материал использован в сокращении довольно широко, он читается на всем протяжении первой части Рог. и перемежается с владими́ро-ростовскими текстами "Свода 1448 г.". Это не исключает вероятности дополнительного обращения к нему в процессе самих "извлечений" из названного свода.

В связи с этим укажем на замечание А.А.Шахматова относительно помещения в Рог. обширной хронологической выкладки от Адама до Калкского побоища (начинающейся словами: "купно от Адама до Христа 5500...") перед 6732 г., а не в Повести временных лет под 6395 г., как она читается в СІ и НІУ⁹. В этом месте сходное изложение материала имеет Сказание летом вкратце, опирающееся также на краткие извлечения из "Свода 1448 г." и его обработку, связанную с привлечением ростовского владычного свода, где была помещена, по мнению Шахматова; местная Повесть о Калкском побоище с искомой хронологической выкладкой. Ее краткую версию содержат и НІУ.

Рог., как ранний оригинальный памятник, дает самостоятельное представление о содержании и бытовании не

дошедшего до нас летописного источника ростово-суздальской традиции конца XIII в.

-
- 1 ПСРЛ. М., 1965. (Фототип. воспроизв. текста изд. 1922 и 1928 гг.). Т. I, 15.
 - 2 Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М., 1938. С. 313-316.
 - 3 Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л., 1950.
 - 4 ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18.
 - 5 ПСРЛ. СПб., 1846. Т. I. С. 248-252. См. также публикации: Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 234-239.
 - 6 ПСРЛ. М.-Л., 1945. Т. 25.
 - 7 Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 144-147.
 - 8 ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5; Пг., 1915. Вып. I. Т. 4.
 - 9 Шахматов А. А. Указ. соч. С. 316-321. 323-324.

НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О МОСКОВСКОМ ВОССТАНИИ 1682 ГОДА*

Наиболее полный к настоящему времени обзор повествовательных источников об одном из крупных событий политической истории России XVII в. был сделан в монографии В. И. Буганова¹. Среди русских сочинений специально рассмотрению подверглись "Созерцание" Сильвестра Медведева, "История о невинном заточении", Записки А. А. Матвеева, и Записки И. А. Желябужского, а также три рассказа о движении староверов - "История о вере" их активного представителя Саввы Романова², Слово на Никиту Пустосвята и "Увет духовный", изданные в 1682 г. в Москве от имени патриарха Иоакима. Среди иностранных - донесения Розенбуша и Келлера, "Дневник", "Повествование", Записки Невилля и Корба (отмечены, но не использованы в тексте работы Таннера, Давида, Шлейссингера и Крюлля).

В особую группу Буганов выделил "Летописные повести и записи" - памятники, помогающие переосмыслить традиционно сложившуюся картину восстания, основанную на противопоставлении и сочетании двух версий - медведевской и матвеевской. На сегодняшний день эта группа памятников расширена.

Два памятника отразили голоса восставших стрельцов, солдат и примкнувшего к ним "многого множества" "московских людей черных слобод и всяких чинов". Барсовская повесть была написана стрельцом, непосредственным участником восстания, в разгар событий, для обоснования правомерности выступления против начальства и правительства - "изменников-бояр и думных людей"³. Как выяснилось, автор передал устойчивую устную версию подготовки и проведения восстания, созданную и распространявшуюся самими восставшими⁴.

* Продолжение. Начало статьи см. в сборнике "Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)". М., 1993.

Именно эта версия была зафиксирована в Записках земского дьячка Благовещенского погоста на реке Ваге Аверкия, опубликованных М.Н.Тихомировым и проанализированных В.И.Бугановым⁵.

Сотрудник патриаршего летописного скриптория Исидор Сназин, завершивший к концу 1682, возможно - к началу 1683 г. работу над Мазуринским летописцем⁶, подчеркнуто отстраненно, "без гнева и пристрастия" описывал события в Москве и особенно в Кремле, которые наблюдал лично⁷. Он подробно описал кульминацию восстания и довел изложение до волнений в полку Павла Бохина 27 декабря 1682 г.

Летописец Исидора Сназина дает фактические подтверждения сообщениям восставших о мотивах их поведения. В еще большей мере этому способствуют повременные записи, положенные в основу подробнейшего рассказа о Московском восстании в Летописце 1619-1691 гг.⁸, первая редакция которого была составлена в патриаршем летописном скриптории в конце 1690 - начале 1691 г., вторая - между 1696 и 1700 г.⁹ Пространная редакция Летописца подробнее всех других источников, включая "Созерцание" (текст которого обширнее из-за включения множества документов), описывает нарастание стрелецкого возмущения еще при царе Федоре и обстоятельства, трансформировавшие недовольство начальством и своим положением в вооруженное выступление против правительства, несмотря на многочисленные уступки "верхов".

Желая поддержать официальную версию о "заговоре Хованских", он в то же время признает, что "Хованский во царствующем граде Москве мятежу утолити не возможе, бояшеся мятежников, творяше по их воле".

Летописец наиболее подробно рассказывает об образовании и деятельности организации восставших: "Начаток же смятению бысть во царствующем граде Москве от стрельцов и салдатов", бивших царю Федору челом "во всяких налогах и обидах". Надежды служивых на царя Федора были оправданы - государь лично получил стрелецкое челобитье и велел организовать по нему розыск. Об этом более живописно, но по сути так же рассказывает Барсовская летопись участника

восстания, — обо всем, кроме результата (с.321—323): в ней не говорится, что после всяческих препон, чинимых розыску "поноровщиками" полковников, царь Федор вынес—таки справедливый приговор!

Смертельно больной, умирающий государь, согласно последним разрядным записям его царствования, понял по челобитью стрельцов на Семена Грибоедова от 24 апреля, что обвинявшие начальство в насилии, наглости и разорении служивые головы были "забунтовать". Царь вынес не временное (арест), а окончательное решение по делу Грибоедова: "указал ево, Семена, послать в Тотму, и вотчины отнять, и ис полковником (так в тексте. — А.Б.) отставить". 25 апреля на место Грибоедова был назначен новый полковник, а 27-го, "грех ради всего Московского государства", царь Федор скончался¹⁰.

О готовности стрельцов перед этим царским указом "забунтовать" сообщают очевидцы. Решение "стоять всем за один" было продиктовано осознанием общей незащищенности перед произволом. Но с чьей же конкретно стороны? Автор Летописца 1619—1691 гг. наиболее логично, на мой взгляд, ищет виновника "поноровки" полковникам среди дьяков Стрелецкого приказа, куда Федор Алексеевич, "словесно" объяснившись с челобитчиками, передал дело для розыска. Названный в Летописце дьяк М.П.Прокофьев в ходе восстания был сослан (по сообщению Желябужского, с.204), но вскоре вернулся и еще полтора десятилетия служил припеваючи¹¹.

С другой стороны, дело было решено, как только стрельцы обратились "на двор" к судье своего приказа Ю.А.Долгорукому — за сим последовал розыск и царский указ о заключении Грибоедова (с.190).

Розенбуш со слов самих стрельцов обвиняет в противодействии их поискам справедливости в Стрелецком приказе товарища Долгорукого — думного дворянина (в действительности — окольничего) П.П.Языкова, причем по рассказу восставших до царя дело не дошло (с.39—40). Действительно, по челобитью восставших от 20 мая Языков был сослан (хотя уже 14 сентября вместе с другими окольничими призван в

царское войско под Троицу)¹², но гораздо большую ненависть вызывал у стрельцов и солдат его родич боярин Иван Максимович, казненный 15 мая на Красной площади "за то, что он, — по стрелецкой челобитной от 6 июня, — ставаясь с прежними нашими полковники, налоги нам великие учинил, и взятки великие имал, и прежним полковником на нашу братью наговаривал, чтоб они, полковники, нашу братью били кнутом и батогами/и/ до смерти"¹³.

Именно И.М.Языкова, не без влияния стрелецкой челобитной, с большим удовольствием ставит между царем и подданными Сильвестр Медведев, учитывавший, что этот фаворит царя Федора в последний период его жизни во главе группировки Языковых, Лихачевых и Апраксинных оттеснил от власти Милославских с их сторонниками и способствовал реабилитации Нарышкиных и Матвеева. Согласно "Истории о невинном заточении", И.М.Языков с товарищами не только выступил "сильным орудием" в поддержку "петровцев", но и наложил на их противников "такую жестокую бранду", "что уже при жизни их мало приездом своим двор царской знали" (с.406-409). В этой связи выглядят достоверными мнения передающих ту же матвеевскую версию иностранцев о подготовленности воцарения Петра, подкрепленные независимым донесением Келлера, предвидевшем это событие еще за несколько месяцев.

Очевидно, что, проиграв при дворе, сторонники старшего царевича Ивана могли надеяться только на какие-либо экстраординарные события, на вмешательство некоей внешней силы, что и произошло в результате восстания: противники Милославских были частью перебиты, частью терроризированы.

Мы не можем, вслед за В.И.Бугановым, заявить, что восстание началось при царе Федоре, когда правительство возглавлялось или вдохновлялось Милославскими. "Правительства Милославских" при царе Федоре вообще не было, хотя на некоторое время И.М.Милославский поднимался довольно высоко; все изменения структуры власти в царствование старшего сына Алексея (1676-1682 гг.) довольно явственно отражены дворцовыми разрядами и в руководстве приказов¹⁴.

В.И.Буганов ограничивается, как было принято в литературе, констатацией возможности сочетания медведевской и матвеевской версий. Даже последняя исходит из того, что стрельцы "начали восстание без всяких понуканий со стороны Софьи и Милославского, действовали по своей инициативе, исходя из собственных нужд и стремлений" (Московские восстания. С.415-416), а придворные лишь использовали бунт.

Но в этой трактовке не учтены другие версии источников. Например, "История о невинном заточении", памятник более ранний и в описании придворной борьбы более детальный, начало связей Милославского и К^о со стрельцами, возмущаемыми к бунту в пользу Ивана (с обещанием им чинов и великого жалования) относит ко времени "задолго" до приезда в Москву Матвеевых. Из монографии неясно - в какой мере повлияли придворные интриги на выступление 15-17 мая, самостоятельно ли движение стрельцов и солдат против притеснений и поборов начальства переросло в политическое.

Статьи, публикации и особенно монография В.И.Буганова сыграли в изучении Московского восстания 1682 г. кардинальную роль. В научный оборот вошел целый ряд современных событиям сочинений, авторы коих повествуют о самостоятельном развитии движения стрельцов и солдат, участии в нем посадских людей, и ни в коей мере не обнаруживают в восстании следов придворного заговора. Отныне стало возможно говорить не об оригинальной концепции или "тенденции" Сильвестра Медведева, противостоявшей большой группе сочинений, а о наличии двух противоположных взглядов современников на причины и ход восстания.

Более того, выделилась версия событий, принадлежавшая самим восставшим. Выражая в Барсовской повести и Записках Аверкия, она была критически рассмотрена в Летописце 1619-1691 гг., нашла отражение в донесении Розенбуша, "Созерцании", получила фактические подкрепления в Мауринском летописце.

Версия сообщала о справедливом челобитье стрельцов на полковников, с которого началось движение. Согласно

Барсовской повести, "бояре" помешали "свету нашему" царю Федору разобраться в этом деле, и челобитье новому царю Петру, поданное по общему "совету", затрагивало уже самих "бояр". И вновь "бояре" стали за полковников, хоть и не спасли их от справедливого наказания. Наконец, 15 мая "вестник из государевых царских полат сообщил стрельцам об убийстве царевича Ивана — к счастью, когда вооруженные стрельцы прибежали, Иван был еще жив. Он сам объявил, что его хотели убить Нарышкины, похвалил стрельцов, призвал "стоять верою и правдою — а изменников вам всех видам, кто вам надобет и кого вы знаете сами!"

С теми или иными вариациями, дополнениями эта версия разрабатывается у Аверкия, Розенбуша, в Летописи Самовидца, Спасо-Прилуцком летописце¹⁵, Поденных записках патриаршего приказного¹⁶, Кратком Ростовском летописце¹⁷. Последний отразил новую версию восстания, распространяющуюся правительством с начала осени и сваливавшую вину за разжигание волнений на одного князя И.А.Хованского¹⁸. Эта версия, нашедшая применение во многих (и прежде всего иностранных) сочинениях, положила начал широко известной легенде о "Хованщине", но не пользовалась безусловным доверием современников даже в период регентства Софьи (1682—1689 гг.).

Так, провинциальный священник или монах, делавший в конце 1680-х гг. дополнительные летописные записи в компиляции, сохранившейся в списке 1730—1740-х гг. РНБ, Выземского Q.ССХI (позже протограф был продолжен до 1700 г., а затем — до Анны Иоанновны), считал выступление 15 мая "бунтом от стрельцов", а призыв к бунту от князей Хованских приурочил к их казни 11 сентября (хотя приговор Хованским и особенно объявительные грамоты, использованные автором, относили их "вины" к более раннему времени).

Как "бунт от служилых людей от стрельцов" изображали в конце ХУП — конце ХУШ в. события 1682 г. редакторы Краткого Московского летописца¹⁹. Летописец Черкасских, прекрасно осведомленный о событиях во дворце и проявлявший

интерес к мотивам народных волнений второй половины XVII в., вскоре после событий 1682 г. сообщал, что "добившись наказания полковников, стрельцы и солдаты "Божим поущением... взволновались на столповых болших бояр", а заодно побили "иных многих всяких чинов людей"²⁰.

О движении стрельцов и бутырских солдат писал в 1680-х гг. видный придворный деятель и администратор думный дворянин А.Я.Дашков в своем личном Летописце²¹. Слухам о заговоре в "верхах" не придавали никакого значения редакторы Двинского летописца, Сибирского летописного свода, Нижегородского летописца и других современных событиям памятников²². Летописцы, близкие к патриарху Иоакиму (как показал В.И.Буганов на примере ранней редакции Краткого Московского летописца²³), предпочитали вообще уклоняться от описания событий 1682 г. (Уваровский летописец, Сокращенный временник в редакции Иоасафа Лазаревича, Свод Игнатия Римского-Корсакова²⁴), в которых роль патриарха была явно невыигрышной. Они не пытались уверить читателя в реальности интриг Софьи или "Хованщины".

Впрочем, Исидор Сназин писал о событиях подробно. В Летописце 1686 г., созданном для продолжения крупных патриарших сводов до знаменательной даты подчинения Киевской митрополии Московской патриархии, краткая статья о Московском восстании 1682 г. подчеркивает, что его задумали и осуществили стрельцы²⁵.

Чудовский иеромонах Боголеп Адамов, составивший в 1688 г. краткий "Хронографец", предпочел вовсе не упоминать о Московском восстании, но не преминул воздать хвалу царю Федору и царевне Софье (уподобившись Сильвестру Медведеву). Очевидно, что человек, восхищенный царевной как "премудрым кормчим преславно-величайшего корабля великих царств во Европе сухих и во Азии", не придавал никакого значения слухам об интригах Софьи, наверняка ходивших в обители ее упорного противника-патриарха²⁶.

В 1682 г. автор другого "Хронографца", проявивший симпатию к царице Наталии Кирилловне Нарышкиной и припи-

савший ей (а не Софье) спасение от смерти боярина К.П.Нарышкина "и детей его меньших", описал действия ненавистных ему восставших стрельцов без какого-либо намека на придворный заговор²⁷. Наконец знаменательно, что наиболее существенный вклад в опровержение версий о существовании придворного "заговора" против юного царя Петра и его родственников сделал автор патриаршего Летописца 1619-1691 гг., составленного уже при патриархе Адриане, но на основе записей, ведшихся при Иоакиме, в том числе в 1682 г.

Розенбуш и Медведев ставят во главе угла защиту восставшими династических интересов старшего царевича как возможного укротителя боярского произвола. Их рассказы не могут объяснить неустойчивость позиции восставших, которые, как выяснил Буганов, даже в ходе вооруженного выступления 15-17 мая колебались в своей приверженности "старшему" царевичу и в конечном итоге согласились видеть на престоле Ивана и Петра одновременно. Другое дело, если служивые, согласно Летописцу 1619-1691 гг., лишь использовали династическую проблему для обуздания боярского самовластия, для преподания урока временщикам и утверждения значения народной воли.

Петровские сочинения, начиная с самых ранних вариантов "матвеевской" версии событий, являются органической частью борьбы умов вокруг Московского восстания и должны изучаться не менее широко и всесторонне, чем современные летописные памятники, опровергающие объяснение восстания придворным заговором.

Весьма выразительно постоянство, о котором сочинители обращали внимание на воцарение именно "младшего брата" и мотивировали невозможность выдвижения на престол "старшего" его ущербностью.

В "Кратком описании" 1686 г. говорилось, что Федор "вручил чином своим по себе болшого, по не острое зрение ижецаго брата Иоанна Алексеевича". Но парница Наталия добилась, чтобы болре, "болшого брата ... обшед, и на меньшаго... зело она суца, венец возложили, и между тем ему

дядю его Нарышкина в опекуны приставити помыслиши" (л.206).

Таннер (в издании 1689 г.) привел полученное ранее из Москвы сообщение, что отстраненный от трона старший брат Иван был "обойден вельможами за неспособность", и прокомментировал: "хотя и видели необходимость избрать в цари самого младшего, но в угождение народу не обошли избранием и его убогого брата; вот почему теперь у них два царя - один от народа, другой от знати" (с.125, 128). Но Невиллю "младший" Петр воцарился, "ибо старший брат был неспособен к правлению... страдал падучею болезнию и подвергался ей ежемесячно, как и брат его Федор" (с.436-437).

Петровские летописцы, писавшие об избрании своего кумира, лишь немного разнясь в словах констатировали, что по смерти Федора "никто из царской фамилии толь близок не был к престолу всея России, как брат его царевич Иоани Алексеевич, от одного отца и матери рожденный, но как он не был совершеннаго здоровья (вар.: "не был совершеннаго здравия и вместительства к правлению"; "зело скорбен"), то и соизволили...выбрать ... брата его меньшаго... который в своем здравии и бодрости совершенен и скипетра был достоин" (вар.: "и бысть ... десятилетен, обаче добротю возраста и остротою ума зело одарен от Бога. Того ради... избираша его всенародно на царство, минув болаша его брата"²⁸.

Среди русских авторов, передающих версию "заговора", только Б.И.Куракин не писал о нездоровье Ивана (он указывал, кто конкретно стоял за спинами старшего и младшего царевичей; "Гистория", с.43-44). В то же время авторы, не склонные видеть в восстании интриги царского двора, не упоминали и о здоровье царевичей, выражая лишь удивление воцарению "меньшова царевича ... мимо большова его брата" (Сназин, с.173).

То, что все петровские сочинители, включая А.А.Матвеева, остро ощущали необходимость обосновать законность его воцарения, доказывает от противного факт осознания ими дворцового переворота 27 апреля 1682 г., приведшего к отстранению от престола старшего наследника. Более того,

не всем представлялась убедительной версия "избрания" Петра земским собором, искусственность которой в научной историографии была выявлена лишь недавно²⁹.

Важно подчеркнуть, что от "избирательной" версии отказывается автор наиболее подробного петровского сочинения о восстании. "Подробная летопись" - одно из немногих сочинений, рассматривающих Московское восстание в целом, к тому же основанное, как говорилось выше, на солидных подборках документов по истории царствования Петра. Именно она, а не сравнительно беглые Записки Матвеева, должна быть центральным объектом анализа при сопоставлении "петровского" взгляда на события с версиями более ранних памятников.

Автор "Подробной летописи" жертвует легендой об "избрании" Петра "всенародно и единогласно", чтобы наиболее логично приписать умысел восстания придворным заговорщикам. Ему явно была известна версия восставших о незаконном поспании прав старшего царевича дворцовыми интриганам - потому саму идею избирательного земского собора Летопись приписывает царевне Софье. Картина, рисуемая им, оригинальна; она не может быть отброшена просто потому, что не соответствует привычным представлениям (да и сами они к сегодняшнему дню сильно изменились).

Согласно этому памятнику, Софья, Милославский и Хованский единым фронтом наступали на патриарха, кой в упомянутом собрании защищал Петра грудью, уверяя, что тот венчан (!), следовательно, лишен престола быть не может. Наречение на царство Ивана автор летописца приписал стрельцам, а не Боярской думе, и датировал 18 мая (а не 26-м). По его словам, "того ж числа" (а не 29 мая, как в поддельном акте из "Соверцания") "оные бунтовщики вручили управление царства царевне Софье Алексеевне, якобы малых ради лет царевичев".

Наличие фактических ошибок, преднамеренное искажение сведений в угоду политической концепции позволяет сомневаться в достоверности оригинальных сообщений Летописи

о раннем сговоре Софьи со стрельцами, но не отвергать их. Для последнего необходимо доказать невозможность события или привести весомое возражение другого источника (третий путь – через системообразование – приживается в нашей науке с трудом³⁰).

Среди сочинений ХУП в. возражений против идеи, которая проводится петровским летописцем, нет. Весомое и поддающееся фактической проверке возражение появилось в еще более позднем памятнике – Повести о Московском восстании из собрания Ундольского (см. Приложение)³¹.

Повесть помещена в сборнике петровской направленности³², списанном на бумаге Ярославской фабрики Затрапезного начала 1740-х гг.³³, что подтверждается записью основным почерком на л. 1: "Списана в 1743-м году". Запись относится к списку Повести, что заставляет обратить на дату особое внимание: в тексте многократно говорится о "Троицкой Сергиевой лавре", каковую степень монастырь официально получил лишь в 1744 г.

Учитывая невеликое распространение именованя "лавра" в Северо-Восточной Руси (почти все случаи его употребления, кроме Двинской грамоты ХУ в., относятся к греческим монастырям и Киевской Печерской обители, официально утвердившей за собой это наименование в 1688 г.)³⁴ и жесткость чиноупотребления в послепетровской России можно с большой долей вероятности заключить, что Повесть была написана и списана в Троице-Сергиевой обители, добивавшейся получения статуса лавры.

Мы можем смело говорить об интересе троицких монахов к летописанию и событиям Московского восстания 1682 г. в особенности, поскольку связь с монастырем прослеживается в рукописи наиболее ранней редакции летописного свода, бездоказательно приписанного ученими Федору Поликарпову (он был завершен весной 1715 г.). В нем, в частности, отмечено, что "междоусобная брань" 1682 г. окончилась "молитвами преподобнаго Сергия Радонежского чудотворца..., и о том уставися пети благодарственный молебен во 191-м (1683) году

июли в 5 день"³⁵. В Повести, как и в тексте Свода, вся инициатива восстания безусловно и безраздельно принадлежит "возмутителям стрельцам".

В случае с Повестью речь идет о прямом опровержении ее источника – "Подробной летописи". Сомневаться в производности Повести от Летописи не приходится, поскольку первая в сжатом виде передает материал той сенатской подборки разрядных документов, которую подробно использовал автор Летописи. Новых фактов сравнительно с Летописью в Повести почти нет. Но ее ценность не менее высока, чем у многих современных событиям записок, поскольку автор на основе собственных знаний отваживается опровергать ключевые положения источника.

В Повести нет ни слова о Софье и ее клевретах, об их мифических интригах. О царевиче Иване сказано, что он 18 мая "наименован на царство, дабы обще царствовать с великим государем Петром Алексеевичем" (л.2 об.) – в противность Летописи, где его "избрали" и "наименовали на царство" стрельцы (л.1185 об., с.97). Из рассказа о раскольничьем бунте изъято ложное утверждение Летописи, что главой его вместе с Никитой Пустосвятом был И.А.Хованский (хотя от сходного обвинения в адрес опального князя не удержался даже Медведев).

Собственно, в Повести исключена вся "Хованщина", столь упорно обличавшаяся еще правительством Софьи. Вместо пространных рассказов Летописи об интригах Хованского и его выступлении во главе стрельцов против Милославского, говорится лишь о возмущении стрельцов, вынудившем государей покинуть Москву, а затем Коломенское. Даже о казни Хованских не упоминается – сентябрьское возмущение стрельцов связано автором исключительно с расправой над "злоначальниками стрелецкими" (группа стрельцов действительно была казнена вместе с Хованскими).

Автор Повести исправляет, разумеется, не все ошибки Летописи. Так, он вслед за источником называет огромное число "злоначальников"–стрельцов, ходивших с повинной в Троицу – 3700 человек (л.10, ср.л.1196, с.116), тогда как

по указу их было менее 500. Возможно, эта цифра пришла в текст из рассказов об ужасных стрелецких казнях 1698 г., когда, как отмечено в Синодике дьячка московской Спасской церкви Федота Стефанова, "изволнением Уожиим, а по государеву указу кажнены и перевешаны московские стрелцы разных полков три тысячи семьсот человек" (ГМ. Ф.218. Пост. 1965. № 31.1. Л.8 об.). Эта цифра тоже преувеличена, но поразительно совпадает с названной в Летописи и Повести. Замечу, что обличители Петра, напр., автор, уподоблявший его казни погромам Ивана Грозного, называли и более крупные цифры: "всех же стрелцов смерти предано болши десяти тысяч человек"³⁶.

Автор Повести — отнюдь не противник Петра. Он вслед за источником отводит ему, а не Софье, главную роль в подавлении раскольников бунта и усмирении стрельцов в сентябре, превозносит милосердие и подчеркивает влияние царицы Наталии Кирилловны и ее верного сторонника патриарха Иоакима (разве что уклоняется от прямого утверждения, будто патриарх пошел со стрельцами в Троицу, что не соответствовало действительности, ср.: л.10, П196, с.П17). Более того, он стремится показать законность воцарения Петра и избирает для этого свой путь, отличный от Летописца: вместо морально уязвимых известий о скоропалительном наречении царевича патриархом и нежелании последнего узнать волю народа, Повесть говорит о завещании царства младшему брату Федором.

Именно завещание Федора исполнил Иоаким, "хотя тому наименованию стрельцы и препятствовали, желая всех приятных великому государю Петру Алексеевичу испровергти" (л.1 Б — 1 Б об.). Еще недавно историки сочли бы совершенно очевидным, что здесь автор Повести ошибся, неверно интерпретировав сложный рассказ Летописи. Но в том-то и дело, что версия о завещании царства Петру была наиболее ранней из всех, распространявшихся правительством. Именно на завещание Федора должен был сослаться патриарх, отражая атаки Милославских на свеженазначенного им государя.

Версия завещания царства Петру отразилась в черновых отпусках известительных грамот в иноземные государства, составлявшихся в Посольском приказе. Грамоты о завещании везли по стране первые гонцы 28-29 апреля, что отразил Спасо-Прилуцкий летописец³⁷. Но уже в начале мая, под напором народного возмущения, власти почли за благо объявить о "всенародном и единогласном" избрании Петра земским собором. Видимо, те, кто успел внести записи в свои сочинения, были вынуждены изменить версию, как это сделал Роман Ракушка-Романовский, указавший, что голец с новой грамотой о воцарении Петра прибыл в Стародуб 6 мая³⁸. Впрочем, и избирательная версия, хоть и подкрепленная воззванием патриарха³⁹, продержалась недолго; ее отразили автор Поденных записей очевидца, Сидор Сназин и, из своих соображений, Сильвестр Медведев, а много позже реанимировали авторы петровских летописей.

Как видим, позднейшая Повесть существенно исправляет и уточняет пространную, основанную на документах Летопись, подтверждая в то же время необходимость обращаться при изучении Московского восстания 1682 г. к повествовательным памятникам вплоть до 1740-х гг.

Итог исследования можно сформулировать так: вместо нескольких сочинений русских и иностранных авторов, сводящихся к двум версиям событий (медведевской и матвеевской), мы имеем на сегодняшний день более 30 источников различной направленности, освещающих события значительно более разносторонне. Ценность памятников существенно повышается по мере расширения их числа и углубления анализа всего нарративного комплекса.

I Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. (Далее в тексте - Московские восстания). Более полный текст исследования см. в рукописи докторской диссертации: Буганов В.И. Московские восстания второй половины XVII в. М., 1968. О предшествующих попытках обзора источников о восстании см. также: Буганов В.И. Московские восстания последней четверти XVII в. в до-революционной и советской историографии // История СССР. 1966. № 2.

- 2 Романов Савва. История о вере и челобитная о стрельцах // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н.Тихонравовым. М., 1863. Т.У. С.111-148.
- 3 Буганов В.И. Новый источник о Московском восстании 1682 г. // Исследования по отечественному источниковедению. М., 1964. С.318-324 (текст; далее - Барсовская повесть); он же. Московские восстания. С.17-18, 31-33 и др.; он же. Летописные известия о Московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С.310-319.
- 4 Богданов А.П. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. М., 1983. С.132-133 и след.; он же. Повесть о Московском восстании 1682 г. (Барсовская) // ТОДРЛ. Л., 1988. Т.41. С.78-79.
- 5 Тихомиров М.Н. Заметки земского дьячка второй половины ХУП века // Исторический архив. 1939. Т.2. С.93-100 (текст; далее - Записки Аверкия); Буганов В.И. Летописные известия. С.314-315; он же. Московские восстания. С.17, 28, 156-157; Богданов А.П. Начало Московского восстания. С.133-136; он же. Аверкий // ТОДРЛ. Л., 1990. Т.44. С.3.
- 6 Далее ссылки на ПСРЛ. М., 1968. Т.31. С.11-179. О нем см.: Тихомиров М.Н. Записки приказных людей конца ХУП в. // ТОДРЛ. М.-Л., 1956. Т.12. С.443-444, 448-457; он же. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С.51-52; Буганов В.И. Летописные известия. С.315; он же. Московские восстания. С.28-29 и др.; Корецкий В.И. Мазуринский летописец конца ХУП в. и летописание "смутного времени" // Славяне и Русь. М., 1968. С.282-290; он же. История русского летописания второй половины ХУП - начала ХУП в. М., 1986. С.102-122.
- 7 О нем см.: Богданов А.П. Начало Московского восстания. С.141-143; он же. Без гнева и пристрастия (Исидор Сназний и патриаршие летописи) // Чистякова Е.В., Богданов А.П. "Да будет потомкам явлено..." Очерки о русских историках второй половины ХУП века и их трудах. М., 1968. С.60-75; он же. Летописец и историк конца ХУП века. Очерки исторической мысли "переходного времени". М., 1994. С.14-62.
- 8 Далее ссылки на ПСРЛ. Т.31. С.180-205. См. также: Буганов В.И. Хрестоматия по истории СССР ХУП-ХУП вв. М., 1962. С.471, 509-513; он же. Повесть о Московском восстании 1682 г. // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С.317-354; он же. Летописные известия. С.311-312, 315-317; он же. Московские восстания. С.29-31 и др.; Буганов В.И., Кучкин В.А. Новые материалы о московских восстаниях ХУП в. // Исторический архив. 1961. № 1. С.151-153.
- 9 Богданов А.П. Редакции Летописца 1619-1691 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского

- периода. М., 1982. С.124-151 (с текстом краткой ред.); он же. Начало Московского восстания. С.131-146; он же. Летописец 1619-1691 гг. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т.39. С.III-II2.
- 10 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн.УП. С.319-320 (публикация).
- 11 Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие ХУ-ХУП вв. М., 1975. С.433. Здесь и далее о составе репрессированных восставшими и по их требованию см.: Богданов А.П. Роспись "изменников - бояр и думных людей", казненных и сосланных по требованию восставших в мае 1682 г. // Молодые обществоведы Москвы - ленинскому юбилею. М., 1982. С.II3-II8
- 12 Ср.: Восстание в Москве 1682 г. М., 1976 (далее в тексте и прим. Восстание). С.84, 264, 279.
- 13 Там же. С.37.
- 14 Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т.IV; Богоявленский С.К. Приказные судьи ХУП века. М.-Л., 1946; и др.
- 15 ГИМ. Уварова 591. Л.184-184 об.; Богданов А.П. Начало Московского восстания. С.136-138.
- 16 Богданов А.П. Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 года // Советские архивы. 1979. № 2. С.34-37
- 17 Богданов А.П. Краткий Ростовский летописец конца ХУП века // Советские архивы. 1981. № 6. С.33-37.
- 18 Восстание. № 153, 172, 174 и др.
- 19 Богданов А.П. Краткий Московский летописец // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1991.С.140-160, цит.153, 160.
- 20 РГАДА. Ф.357. Оп.1. № 274. Л.243 об.-245; Богданов А.П. летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники за 1980 г. М., 1981. С.205-206; он же. Род славен в россах (летописание дворянства) // Чистякова Е.В., Богданов А.П. "Да будет потомкам явлено...". С.82-85.
- 21 РНБ. Эрмитажное 567. Л.156-157; Белоброва О.А., Богданов А.П. Дашков Андрей Яковлевич // ТОДРЛ. Л., 1985. Т.39. С.32-33; Богданов А.П. Род славен в россах. С.77-82.
- 22 Подробнее о составе памятников см.: Богданов А.П. Типологические признаки и группы в русском летописании конца ХУП века // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М., 1989. С.197-220.
- 23 Буганов В.И. Краткий Московский летописец конца ХУП в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники за 1976 г. М., 1976. С.283-293.
- 24 ГИМ. Уварова 77. Л.218 об.-219; Q.IV.149. Л.268-268 об. (ср. редакции ХУП в.: РГБ. Ф.218. Пост.1963 г. № 17.

- Л.6 об.; РГБ. Ф.138. № 187. Л.102 об., 104); Богданов А.П. Общерусский летописный свод конца ХУП в. в собрании И.Е.Забелина // Русская книжность ХУ-ХІХ вв. М., 1989. С.183-209.
- 25 Богданов А.П. Летописец 1686 г. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т.39. С.112-114.
- 26 Богданов А.П. "Хронографец" Боголепа Адамова // ТОДРЛ. Л., 1988. Т.41. С.381-399.
- 27 Богданов А.П. Хронографец конца ХУП века о Московском воостании 1682 года // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С.101-108.
- 28 БАН. 17.18.25. Л.422; РГБ. Ф.37. № 415. Л.350; ИМ. Увар. 543. Л.192.
- 29 Богданов А.П. Летописные известия. С.197-206.
- 30 Богданов А.П. Системный анализ источников по социально-политической истории предпетровской России // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. М., 1984. С.143-145.
- 31 РГБ. Ф.310 (собр. В.М.Ундольского). № 792. Л.1-13.
- 32 Состав сборника описан: Славяно-русские рукописи В.М.Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания. М., 1870; № 792. Сборник включает: 1) л.1-13 (л.1 двойной), Повесть; 2) л.14-72 (л.73-34 чистые), "Слово похвальное императору Петру Первому, читанное 14 ноября 1725 году в публичном собрании в Париже в Королевской Академии Наук; 3) л.75-125 (л.125 А - 125 Б об. чистые), Журнал Великого посольства (без конца); 4) л.126-138 (л.138 А - 138 Б об. чистые), "Последнее римского императора воздыхание".
- 33 Филитрань: Герб г.Ярославль в картуше под короной с контрамаркой ЯФЗ - изображение типа Участкиной № 19 - 1739 г., контрамарка употреблялась в 1741-1754 гг. (Участкина, с.273).
- 34 См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т.2. Вып.1. Стлб.1; Словарь русского языка XI-ХУП вв. М., 1981. Вып.8. С.158; Словарь древнерусского языка (XI-ХІУ вв.) в десяти томах. М., 1991. Т.ІУ. С.386.
- 35 РГАДА. Ф.181. № 849. Л.429.
- 36 БАН. Тек. пост. № 104. Л.430 об.
- 37 Подробнее см.: Богданов А.П. Летописные известия. С.203-204.
- 38 Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев. 1878. С.153.
- 39 СИТИД. Т.ІУ. № 132. С.412-413.

ПОВЕСТЬ С МОСКОВСКОМ ВОССТАНИИ 1682 Г.
(УНДОЛЬСКОГО)

(л. 1а) "Во время царствования великих государей царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичах о стрелецком бунте в 1682-м году.

Списана в 1743-м году

(л. 1б) Великий государь Феодор Алексеевич всея России царствовавши 6 лет преиде в вечное блаженство в лето от Создания мира 7190, а от Рождества Христова 1682, апреля 27 дня.

По завещанию великого государя царя Феодора Алексеевича наименован на царство Всероссийское юнейший брат ево Петр Алексеевич от всероссийскаго патриарха Иоакима, хотя тому наименованию стрельцы и припятствовали, желая (л. 1б об.) всех приязных великому государю Петру Алексеевичу испровергти.

Того ради зельне размутились было и дерзновенно на царской двор с оружием приходили. Великаго боярина Кирила Полуектовича Нарышкина, отца великой государыни царицы Наталия Кириловны, наводей в Кирилов монастырь в монахи сослали, а сынов ево, Афонасия да Иоанна Нарышкиных, смерти предали. Також князя Михайла Юрьевича Долгорукова, который тогда ведал Стрелецкой приказ и увещевал их о безстудном дерзновении - (л. 2) я о Красного крыльца бросивши в части копиями разсекли.

И тогда ж в том возмущении князя Юрья Алексеевича Долгорукова, и князя Григория и сына его князя Андрея Рамодановских, да Артемона Матвеева, Иоанна Максимовича Языкова, Иоанна Фомина Нарышкина, да думных дьяков Илариона Иванова, Аверкия Кирилова, стольников Феодора Салтыкова, Василия Иванова, подполковника Григория Горюшкина^ж и иных многих нарочитых бояр побили возмутители (л. 2 об.) стрельцы.

^ж Так в тексте, правильно: Горюшкина.

Однако ж против воли Божии, который всемошною своею властью определяет царство, ему же хочет, сила тех возмутителей весьма истребилась.

Маия в 18 день великий государь царевич Иоанн Алексеевич наименован на царство, дабы обще царствовал с великим государем Петром Алексеевичем.

Того ж года июля^{*} 25 дня великие государи царевичи Иоанн и Петр (л.3) Алексеевичи оба венчаны на царский престол Всероссийской державы венцы и порфирами царскими рукою святейшего Иоакима патриарха всероссийскаго.

Того ж года августа 28 великие государи изволили начать поход свой в Троицкую Сергиеву лавру. Таковыя ради причины, что началнейшие некоторые возмутители стрельцы держали тайно раскол и учение Аввакумово и Никиты Роспопова и прочих раскольников, и истинную православную веру (л.3 об.) нарицали новую, имея ж прежнюю свою крамолу.

Избравше удобное время, еже утвердити свою веру еретическую, православных же истребити, собрася многое число таковых крамолников, и неше пред собою аналогии, и иконы, и възженные свещи, пришли пред собор^{**} и дом царский, держаще и камни в пазухах.

И избрали себе учителя Никиту Роспопа, который прежде был уже^{***} и проклял свое злоумудрие, и прочих чернцов бродяг и пьяниц, написавше челобитную к их царскому величеству, в которой^{****} (л.4) собору к словопрению о вере.

Великие государи рекоша: "Несть обычай собор собирать таковым дерзновением, и не зменится таков собор в соборе -- но убавственное и крамолное соборище!" И сея речи великим государем недокончавши, приидоша стрельцы со всеми

* Так в тексте, правильно: июня.

** Имеется в виду Успенский собор.

*** По смыслу следует: осужден церковным судом на соборе 1666/67 г.

**** Возможно, далее пропущен лист, т.к. по первоначальной пагинации следовали л. 1, 2, 3, 4, 5 - а по второй л.5 стал л.4, л.6 - л.5 и т.д.

мятежники и злоучителя в Грановитую полату. Многие же напившиеся дерзновения ради, имуще и камень в пазухах для побияния. И подали к великим государем челобитную, чего они требуют.

Святейший же патриарх (л.4 об.) со архиереи доволное имел разглаголствование с оными расколниками, изболчая их неправды божественным писанием и показуя им древния книги во свидетельство. Они же ни мало прияха здрых^ж словес тех, но еще изболчающаго их лжу преосвященнаго Афанасия архиепископа Холмогорскаго заушиша.

Великие государя, встав от мест своих, обливаясь слезами поидоша в чертоги своя. Царь Петр Алексеевич, по встани от престола своего, (л.5) снем венец з главы своея, рече со слезами: "Пока сей венец на главе моей будет и душа в теле моем, не дам матери моея церковь воевати и правую веру неправую нарицати! Церковь нарицаю матерю, и веру, в ней же пребываю - истинную, а как я сам содержу, так и вам повелеваю!"

Рече же сигкиту своему: "Что вы стоите и не радуете противу врагов церкви святая?!" - И повеле всех мятежников изгнати вон, и их (л.5 об.) злоучителя Никиту Пустосвята, и помощников его бродяг чернцов.

Святейший же патриарх со архиереом^{жж} и со овященным собором паде пред ногама великаго государя царя Петра Алексеевича, благодарил за его защищение церкви Божия и веры истинныя православныя.

Бывши же тогда во благоверии стрелцы по указу государеву оного расколника Никиту, и чернцов бродяг, и прочих (л.6) помощников его взяли под караул. И вскорости он, Никита, повелением царским казнен был смертию, яко еретик и возмутитель народа. А чернцы бродяги сечены кнутом и разосланы по разным епархиям в заточение.

ж Так в тексте, правильно: здравых.

жж В тексте в единственном числе - видимо, имеется в виду Афанасий Холмогорский.

Такового ради страха умолчала прочии, обаче злобы своей не искорениша, но умножиша. Наипаче стрелцы расколники оттоля начали zelo злобствовать на правоверных за убиение учителя их Никиты. И многия знатныя лица (л.6 об.) смерти предавали, и начали паки возмущение чинить с таким злобным намерением, как бы им ни возможно утвердити расколническое свое зловерие, и на великих государей возмутились окаяннии стрелцы.

Такое злоумышление и неверность стрелцов уздавше, великие государи изволили итти первее из Москвы в дворцовое село Коломенское вышеозначенного августа 28 дня, а с ними, великими государя, бояре, и околничие, и ближние люди, столники и стряпчие.

Сентября во 2 день великие государи уздали (л.7) заподлинно, что возмутители стрелцы учинили на их величество, и на патриарха, и на бояр убийство. И того ж числа великие государи с матерью своею великою государынею царицею Наталиею Кириловною и с царевною Наталиею Алексеевною из села Коломенского изволили итти в село Воробьево, сентября 4 дня из села Воробьево в село Павловско, сентября 6 дня из села Павловскаго в Звенигороде в Савинской монастырь.

Из Савинского монастыря великие государи послали грамоты к Москве и во все города (л.7 об.) ближние, чтобы всяких чинов разные люди были к ним, великим государем, на оборону от стрелцов возмутившихся, и чтобы собиралися в такой поход при Троицкой Сергиевой лавре.

Дворянство же, получивши указ великих государи, со всяким усердием и с равностию и великодушием поспешали к означенному месту. А собралось тогда было в дворянами войска до ста тысяч.

14 сентября пошли великие государи из Савиня монастыря чрез село Павловско и Глебово в село Воздвиженское. А на Москве на их (л.8) государеве дворе оставлены были наблюдать движение стрелцов Михайла Плещеев, Кирило Хлопов, Иван Пушкин, Василий Тяпкин, Иван Суханин, думной дьяк Иван Порохов.

Того ж сентября 17 дня по указу великих государей злоначальницы стрелецкие за измену и за злый продерзностный умысл на их величество здравие в селе Воздвиженском казнены смертью.

Из Воздвиженского великие государи вскоре пошли в Троицкую (л.8 об.) Сергиеву лавру и укрепились тамо на оборону.

Уведавши стрелцы, в Москве бывши, о смертной казни их злоначальников в селе Воздвиженском – возмутились и ударивши в барабаны и в набаты собралися итти к Троицкой Сергиевой лавре со оружием и с пушками, не ведая при великих государех войска час от часу умножающагося.

Всю же царскую казну оруженную и пороховую розграбили. И всяких чинов людям ружье роздавали. И укрепляли себе (л.9) на Москве по всем странам, и улицам, и по воротам крепкими и сильными караулами. Из Москвы же никого не пропускали, а присланных от великих государей под караул брали.

Слышав же стрелцы много собранну у великих государей в войске людей, и видя свое изнеможение, что им противо царских величеств итти и противо многочисленного воинства невозможно, и пришед к патриарху, видя свою последнюю погибель, со слезами просили о ходатайстве, дабы великие государи (л.9 об.) поволили вины их отпустить.

Святейший же патриарх, много наказуя их, обещал зделать по их прошению.

Ноября в I день великие государи из Сергиевой лавры прислали к стрелцам указ, чтоб они начальников бунта прислали к их величеству. Вернейшии стрелцы, не желая на себе имя бунтовщиков иметь, объявили тем, что они, начальницы бунта и мятежницы, вскорости отделились от полков и не надеялися бы ны от кого прикрытия и утайки.

(л.10) Злоначальницы же оны, с три тысячи семьсот человек, особе отлучившеся, просили прочих стрелцов, дабы им дали время ко исповеданию грехов своих и ко причащению святых таин, да они сами пойдут к великим государем и объявят себе, что они повинны смерти.

Прежде исхождения из Москвы, пришед пред дом святейшего патриарха, просили со слезами, дабы его святейшество

сам своею персоною с молением об них потрудился принести к великим государем. Потом пришед (л.10 об.) пред дом великих государынь царевен, просили також, дабы ускорили с молением к великим государем.

Егда стрелцы, взявше плахи и топоры, а инии положише от вервей петли на шею, из Москвы к Троицкой Сергиевой лавре — и шли жены их и дети издавеча оным, держаще в руках свечи — последовали яко осужденны на казнь смертную, народ, видя толикое множество идущи на смертную казнь, аще и зле от них страдали, но сожалели.

Егда приблизилися стрелцы к Троицкой Сергиевой лавре, войско многое (л.11) великих государей обшедше об них смотрели, не имеют ли они ружья гайно сокровеннаго. Но ничтоже у них обретоша, ибо они едва живи итти могоша.

Пришед же стрелцы в Троицкую лавру пред чертога государевы, положили плахи, и вторгнув топоры, и учиня троекратное к окном царского величества поклонение, и на все стороны сотворя крестное знамение, заливаясь слезами легоса на плахи.

Тогда родители, и жены, и дети, и сродницы "Великие государя помилуйте!" овогда вопляху (л.11 об.) "Великая государыня помилуй!" Такое же^ж святейшего патриарха и великих государынь царевен молили о предстательстве великим государем.

Егда же спекуляторы, то есть палачи, пришли и стали между лежащими, тогда стрелцы, видя последний час жития своего, вопляху: "О великии чудотворцы Сергие и Никоне, ускорите, дайте помощь согрешающим нам!"

Великая государыня царица Наталия Кирилловна, аки забыв ея величеству страх, бывший от стрелцов, и поносную смерть братий своих, и святейший патриарх, (л.12) и великие государыни царевны о помиловании стрелцов просили великих государей, дабы великие государи Бога ради, милующаго всех грешных, помиловали их, кающихся.

ж В тексте ошиб.: де.

И великие государи, не презирая прошения матере своей великия государыни Наталии Кириловны, и святейшего патриарха, и благоверных государынь царевен, изволили отворить чертоги своего окна и ко оным стрелцам говорить изволили:

"О безсовестные возмутители, (л. 12 об.) власти нашей царской бысте противници! Моления ради отца нашего святейшаго патриарха и моления ради матери нашей и благочестивых государынь царевен, дерзость и вину возмущения вашего отпускаем и от смертной казни и наказания вас увольем. Вы же идите с миром в дома свои и впредь воле нашей повинуйтесь со страхом в любви истинна"^{*}.

И стрелцы, встав, сотворя троекратное поклонение великим государем, и взяв топоры и плахи, пошли [по прежнему]^{**} в дом свой.

(л. 13) В 6 день ноября великие государи ис Троицкой лавры мирно возвратилися в царствующий град Москву и с великою радостью устретены были за градом от всех граждан".

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского).

№ 792. Л. 1а - 13. Список 1743 г.

* В тексте ошиб.: истиние.

** Квадратные скобки в тексте; возможно, так отмечена внесенная в текст маргиналия протографа или добавление переписчика.

ВЕРЮЩИЕ ПИСЬМА НОВОТОРЖСКОГО КУПЕЧЕСТВА

История российского купечества в последние годы все чаще привлекает внимание историков. Связано это не только с исследованием сложной проблемы генезиса капитализма в России, но и с необходимостью изучения утраченного опыта торговой деятельности.

Купечество Тверского края в XVIII в. вело активную посредническую торговлю. Скупая хлеб, пеньку, солод, железо и другие товары, они доставляли грузы в Санкт-Петербург и различные города страны. Ассортимент товаров, география мест закупки и сбыта, история отдельных купеческих родов, социальный состав торговцев, имущественная дифференциация, формы накопления и преемственности капиталов здешних купцов неоднократно анализировались историками. Источниковой базой при этом чаще всего служили переписные и таможенные книги, ревизские сказки, сводные ведомости о занятиях и численности горожан и другие документы, хранящиеся в центральных архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Материалы местных архивов по данной проблеме изучены в значительно меньшей степени². Но сей день не включены в научный оборот множество категорий массовых источников, хранящихся в областных архивах.

Задача настоящей работы — показать разновидности и информационные возможности верющих писем. Решается она на материалах фонда Новоторжского магистрата за последнюю четверть XVIII в. Верющие письма дошли до нас в составе дел, озаглавленных в описи как "Книги для записки верющих писем". В них скопированы полностью, а иногда переданы в сокращенном виде документы, которые на современном языке можно назвать доверенностями. Их подлинники, подписанные доверителями и членами магистрата, отдавались тому лицу, которое от имени доверителя должно было совершать те или иные действия. Чаще всего поручали покупать и продавать товары от имени доверителя и на его деньги. Достаточно часто встречаются верющие письма на получение денег по

просроченным векселям. Они, как правило, имеют характер единовременного (разового) поручения без указания сумм и фамилий должников. Иногда, но значительно реже, право взимать деньги по векселям зафиксировано в доверенности вместе с правом покупать и продавать товар на деньги поручителя.

Верхние письма этих трех групп очень кратки и не содержат каких-либо конкретных данных, кроме фамилий, имен и отчеств доверителя и доверенного лица. Исключения из этого правила единичны и встречаются в наиболее ранних из хранящихся в Тверском областном архиве книгах Новоторжского магистрата (книги за 1783 и 1785 гг. сообщают некоторые подробности сделок: указания на доверяемые суммы, на предполагаемые места продажи и покупки товаров³, а также в книгах за 1798 и 1799 гг.) указания на доверяемую сумму и срок действия доверенности⁴.

Помимо уже перечисленных разновидностей верящих писем в книгах Новоторжского магистрата встречаются доверенности на получение денег в казенной палате по аттестатам, выданным в городском магистрате. Все они относятся к 1786 г.⁵

Многочисленны верящие письма, связанные с куплей и продажей недвижимого имущества: на право заключения договора купли-продажи, на взятие купчей в казенной палате, на участие в торгах по продаже и т.п.⁶

Доверенности на выдачу векселей в фонде Новоторжского магистрата — большая редкость. В 1792 г. И.Я.Морозов (большой) доверял Д.Г.Комаеву, своему постоянному приказчику, продажу хлебных и кожевенных товаров, находящихся в Санкт-Петербурге и Новой Ладого, взыскание денег по просроченным векселям и выдачу векселей⁷. В 1799 г. он предоставил Е.И.Аввакумову право выдачи векселей на сумму до 5 тысяч⁸, А.В.Вешняков — Т.В.Грибову на сумму до 4 тысяч⁹. Редкой обстоятельностью отличается верхнее письмо А.В.Вешнякова мещанину Г.Голузину. Последний наряду с правом покупать хлеб и нанимать барки для его отправки получил также

право давать векселя от собственного имени сроком на 3-4 месяца. При этом письмо наряду с правами Голузина фиксирует также обязательство А.В.Вешнякова оплатить эти векселя не далее как через 3-4 месяца¹⁰.

Иногда верующим письмом поручалась передача дел от одного приказчика другому. В 1788 г. К.М.Перевозчиков доверил Г.М.Хрыпову продавать хлеб в столице, а также провести ревизию и принять дела у прежнего своего столичного приказчика В.И.Дедова¹¹. Кашинские купцы Д. и И.Манухины поручили дмитровскому купцу С.Машарову принять дела от А.Баранова, их поверенного по питейным сборам в Красном Холме, и содержать эти сборы впредь¹².

В нашем распоряжении есть верующие письма, связанные с фактами записки купцов в купечество двух городов одновременно. В декабре 1798 г. А.Я.Овсянников доверил сыну оформить свою записку в вяземское купечество сроком на один год: подать прошение, заплатить проценты с объявленного капитала и т.п.¹³ В 1792 г. М.И.Вавулин дал своим сыновьям верующее письмо на право торговать в Кашине и в уезде, покупать там товары на его имя и "надлежащие по тому городу ... как казенные подати платить, так и общественные тягости ... правильно исправлять", объясняя правомочность одних и необходимость других действий тем фактом, что "он записан в тамошнее купечество"¹⁴.

В самостоятельную группу следует выделить доверенности, которые выдавали откупщики и подрядчики. Братья Манухины неоднократно давали верующие письма на питейные сборы¹⁵. О практике перепоручения горожанами служб и повинностей, возложенных на них обществом, другим лицам достаточно много известно. Оформлялось это также через верующие письма. Так, в 1791 г. выборные для поставки соли по подряду, заключенному обществом, перепоручили другим горожанам поиск и наем подвод для доставки соли из Рыбинска в Торжок, Осташков и Вышний Волочек¹⁵.

В особую группу можно выделить доверенности, выданные от имени новоторжского общества, городского магистрата или "магистрата и гражданства" на совершение каких-либо

общественно необходимых действий, например, на заключение подряда от лица общества¹⁷. Чаще всего верющие письма этой категории фиксировали поручение съездить в губернский город и получить там какие-либо бумаги, например, "квитанцию на вольнопоступившего в службу в зачет рекрутов"¹⁸.

При всем разнообразии тематики верующих писем большинство из них связано с торговой деятельностью новоторжского купечества. На этом фоне поручение, которое дал А.Я. Морозов Ефиму Ивановичу (фамилия не указана) выглядит несколько неожиданно. Последний должен был поехать в Тверскую духовную консисторию и дать там от имени Морозова обязательство "о неприсоединении" к местным старообрядцам новых лиц¹⁹.

Подавляющее большинство верующих писем выдано новоторжскими купцами второй гильдии местным купцам третьей гильдии. Крайне редко - мещанам²⁰. Доверенностей, выданных иногородними купцами, немного. Мы уже упоминали письма кашинских купцов, содержащих питейные сборы в уездах губернии. Два письма (одно новолодожскому мещанину А.Скориневу, другое - ошашковскому купцу Т.Мосягину) выдал летом 1797 г. петербургский купец второй гильдии М.И.Медников, оба на продажу и покупку товаров²¹. В сентябре 1788 г. ржевский купец Е.И.Шитиков оформил доверенность ржевским мещанам на доставку соли в Вышний Волочек²². Доверенными лицами иногородних купцов во всех без исключения случаях являлись выходцы из других городов.

Распространенной была практика выдачи верующих писем ближайшим родственникам (детям, братьям). А.В.Вешняков и И.Я.Морозов неоднократно выдавали их своим сыновьям. В 1786 г. С.Я.Масленников использовал в качестве приказчика своего брата Ивана. Ф.И.Луковников, активно занимавшийся предпринимательством в конце 80-х гг., систематически прибегал к помощи своих родных и двоюродных братьев. Доверенным лицом Г.Хрыпова во все годы являлся его брат Яков.

Известны случаи, когда верующее письмо выдавалось на двоих. В паре работали в 1791 г. братья Михаил и Семен

Гнидины, в 1790 и 1791 гг. — Яков и Иван Хрыповы²³.

Иногда верющие письма выдавались от имени двух купцов. От имени братьев Манухиных составлено поручение вышеволоцкому купцу В.Петрову собирать питейные сборы в Зубцове и уезде²⁴. В 1786 г. А.Я.Морозов и А.В.Вешняков доверили Е.М.Камляшникову организацию доставки хлеба, закупленного на их деньги, в Санкт-Петербург²⁵.

Обзор верющих писем Новоторжского магистрата показывает, что едва ли следует пытаться выделить среди них тематические группы: их может быть бесконечное множество. Преобладали доверенности на продажу и покупку товаров на деньги доверителя, а также на взыскание денег по векселям. Исследование каждой из этих групп, несомненно, может дать важные сведения о функционировании купеческого капитала. При изучении функций и полномочий городского гражданского общества в качестве объекта исследования могут быть использованы верющие письма, выданные от его имени. Наблюдения о правовом статусе доверенных лиц и доверителей представляют интерес для анализа социально-правовых проблем.

В источниковедческом аспекте имеет смысл выделить верющие письма в чистом виде: документы доверяющие право распоряжения деньгами и товаром поручителя; верющие письма, имеющие в большей степени характер поручения, чем доверенности (на право взыскивать деньги по векселям, ежегодно выдаваемые И.Морозовым поручения заплатить в столице за арендуемый им амбар и др.); верющие письма, которые не только предоставляют доверенному лицу какие-либо права, но и возлагают на него некоторые обязанности (верющее письмо М.И.Вавулина сыновьям); верющие письма, в которых наряду с правами доверенного лица оговариваются обязательства доверителя (письмо А.В.Вешнякова Г.Голузину). Последняя категория в книгах записи верющих писем встречается редко, т.к. для такого рода документов, имеющих характер договора, в магистратах велись особые книги.

Для выяснения возможностей использования верющих писем как исторического источника в качестве объекта

изучения взята наиболее многочисленная их разновидность — доверенности на право продажи и покупки товаров от имени доверителя и на его деньги.

Сведения о том, кто из купцов города и в какие годы давал такие документы, сообщает табл. Из нее видно, что практикой выдачи верющих писем систематически пользовались лишь 7 купцов города: А.В.Вешняков, Ф.И.Луковников, А.Я.Морозов, И.Я.Морозов, К.М.Перевощиков, Г.И.Хрыпов и Е.Цвылев. 189 писем выдал за эти годы И.Я.Морозов, 108 — А.Я.Морозов, 79 — А.В.Вешняков, 77 — Г.Хрыпов, 38 — К.М.Перевощиков.

Более всего верющих писем было выдано в 1786, 1790 и 1797 гг. Самая высокая цифра — 77 приходится на 1786 г., первый после издания Калованной грамоты городам. В этот год 15 новоторжских купцов решили попытать счастья. Оно улыбнулось немногим; уже в следующем году количество купцов, прибегающих к этой практике, сократилось, а начиная с 1789 г., оно держалось в пределах 5–7 человек на год (в 1792 г. — 9).

Высокая цифра верющих писем за 1790 г. объясняется увеличением их выдачи всеми ведущими купцами города, т.к. год был достаточно урожайный, а большинство из них торговали сельскохозяйственными продуктами.

Сложнее складывается высокая цифра 65 за 1797 г. В этом году количество верющих писем, выданных купцами, увеличилось по сравнению с предшествующим годом лишь у К.М.Перевощикова и Г.И.Хрыпова; у И.Я.Морозова и А.Я.Морозова оно осталось на прежнем уровне, а у А.Вешнякова даже уменьшилось по сравнению с предыдущими и последующими годами.

На графике I представлены колебания в функционировании капитала наиболее состоятельных новоторжских купцов. Он составлен на основе анализа данных о количестве выдаваемых ими верющих писем.

Как видим, у И.Я.Морозова периоды активности, удач и некоторой стабильности чередуются с резкими падениями — кризисами. Причем кризисы становятся все более глубокими,

Таблица.

отражающая выдачу вероших писем кушмам г. Торжка

Кушма	1785	1787	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1796	1797	1798	1799	Всего
Бурков Ф.К.	7	7	1										15
Везулин Ф.А.								1					1
Вавулин Я.И.									3				3
Везулин Матв.						1							1
Везулин Мих.						1							1
Вешняков А.В.	3	4	2	15	5	6	8	7	9	6	7		79
Грузинцев Я.П.	1	1											2
Елизаров А.Л.	7	3											10
Кисельников С.С.	2												2
Козьмин П.А.						1							1
Кочеров Н.Т.		3											3
Кочеров М.Н.	1	1											2
Кутафьев Я.Б.	2												2
Луковников Ф.И.	7	4	2	2									15
Луковников Ф.Ф.												2	2
Масленников С.Л.	4												4
Масленников С.В.	1	2											3
Морозов А.Я.	10	3	4	11	14	15	13	7	9	9	7	6	108
Морозов И.Я. (б.)	20	24	13	23	21	20	7	15	17	17	3	9	189

Купца	1786	1787	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1797	1798	1799	Всего
Морозов Е.И.						1				2			3
Мишурич С.В.	1												1
Молвиц А.И.								1					1
Мокошев И.Ф.	1												1
Перевощиков К.М.	3	1	1	6	3	4	1	3	1	5	6	4	38
Перенников Я.												1	1
Сапожников Л.Д.							2						2
Хрыпов Г.И.							14	4	14	24	12	9	77
Цыплёв Е.	3			1	1	1							6
Чернышев И.И.	1		1										2
Всего купцов	16	11	7	7	5	9	6	6	5	7	6	7	
Всего верёвок писем	73	52	24	60	44	50	45	37	50	65	37	38	575

а подъемы — все менее значительными. О постепенном упрочении финансового положения и росте капитала свидетельствует линия А.В.Вешнякова. Даже при резком снижении после пика 1790 г. она все же не опускается ниже стартовой цифры за 1786 г. Достаточно благополучной предстает перед нами финансовая деятельность А.Я.Морозова, но даже на фоне этой стабильности заметен значительный и продолжительный подъем, приходящийся на 1790—1794 гг.

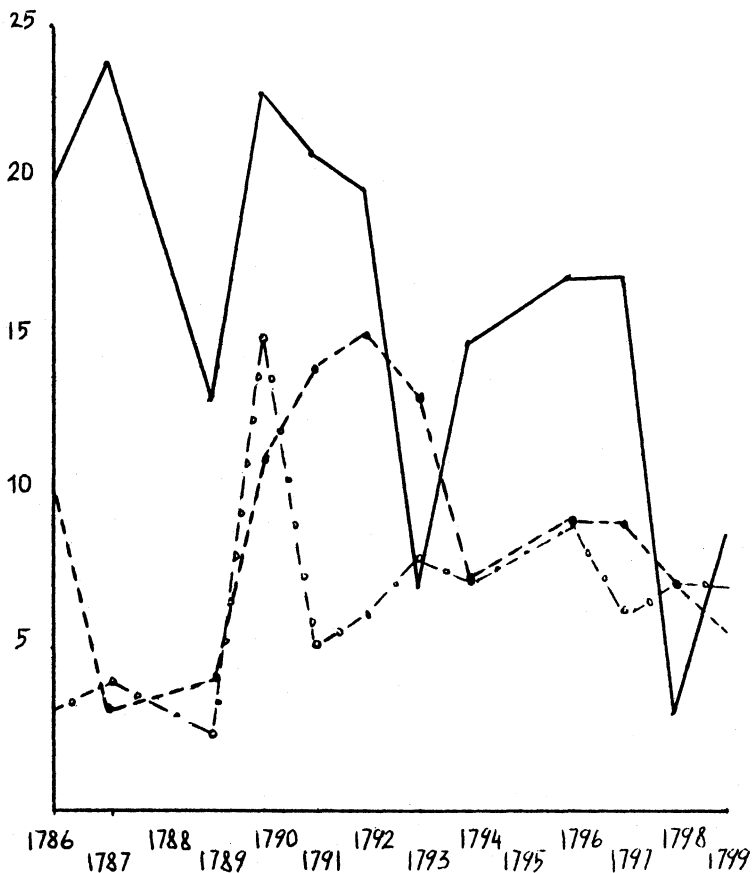
Если сравнить этот график с графиком 2 колебания по годам денежных сумм, которые получали купцы по аттестатам²⁶, то нетрудно заметить некоторую синхронность колебаний.

Так, линия А.Я.Морозова отличается стабильностью в каждом из этих графиков. В каждом из них зафиксирован достаточно длительный подъем финансовой деятельности в период с 1790 по 1794 гг. Оба графика свидетельствуют о нарастании предпринимательской деятельности и постепенном накоплении капитала А.В.Вешняковым. Годы подъема (1790, 1792, 1796) зафиксированы в каждом из графиков. Нестабильность в функционировании капитала И.Я.Морозова (б) также отражают оба графика. Но линии их не столь синхронны, как у А.Я.Морозова и А.В.Вешнякова. Если в первом графике кризис приходится на 1790, 1792, 1797 гг., то во втором — на 1789, 1793, 1798 гг. Годы подъема в первом — на 1791, 1796, 1799; во втором — на 1790, 1794—1797, 1799.

Сделанные наблюдения интересны и в источниковедческом и в историческом планах. Высокая степень синхронности линий двух графиков, отражающих функционирование капиталов наиболее состоятельных купцов, свидетельствует о том, что каждая из групп источников, на основе которых составлялись таблица и графики, отражает этот процесс достаточно достоверно. А это значит, что каждая из них может быть использована для анализа различных проблем исторического плана, в том числе для изучения истории отдельных купеческих фамилий.

- I Клокман Ю.Р. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине ХУШ в. М., 1960; он же. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина ХУШ в. М., 1967; он же. Торгово-промышленная деятельность населения Осташковской слободы в середине ХУШ в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России. ХУП-ХУШ вв. М., 1958. С.З -403; Волков М.Я. Города Тверской провинции в первой четверти ХУШ в. // Историческая география России, XII - начало XX в. М., 1975. С.143-163; Демкин А.В. К вопросу о преемственности торговых капиталов второй половины ХУП - начала ХУШ вв.: По материалам верхневолжских городов // История СССР. 1982. № 1. С.135-141; он же. Торговые люди Твери ХУШ в. - предприниматели в мукомольном промысле // Промышленность и торговля России ХУП-ХУШ вв. М., 1983. С.21-27; он же. Тверь и Торжок как центры торговли второй половины ХУП в. // Феодализм в России. М., 1987.
- 2 Сорина Х.Д. Социально-экономическая история города Твери в начале ХУШ в. // Учен. зап. Калин. гос. пед. ин-та им.Калинина. М., 1956. Т.19. Вып.1. С.101-124; она же. Очерк социально-экономической истории г.В.Волочка во второй половине ХУШ - начале XIX в. // Там же. Калинин, 1963. Т.35. С.122-136; она же. Место Твери и других городов Тверской губернии в волжской водной системе во второй половине ХУШ в. // Из истории Калининской области: Статьи и документы. Калинин, 1960. С.78-104 и др. ее работы; Ильин М.А. Тверь в ХУШ столетия // Там же. С.41-71.
- 3 Государственный архив Тверской области. Ф.172. Оп.2. Д.427, 443. Далее будут указываться лишь номера дел и листов.
- 4-25 Д.467. Л.20 об.; Д.463. Л.3 об., 23 об., 31; Д.463. Л.31 об., 39; Д.456. Л.20 об.; Д.456. Л.24; Д.492. Л.20; Там же. Л.16 об.; Д.467. Л.12; Д.230. Л.16 об.; Д.426. Л.11; Д.467. Л.23 об.; Д.456. Л.12; Д.426. Л.11; Д.426. Л.16, 18; Д.478. Л.4 об.; Д.482. Л.20; Д.492. Л.5 об.; Д.230. Л.20 об., 24 об.; Д.463. Л.40; Д.473. Л.6 об., 9 об.; Д.230. Л.24 об.; Д.426. Л.8, 10; Д.482. Л.15; Д.426. Л.11; Д.463. Л.34.
- 26 В Торжке получила распространение практика выдачи купцам денежных сумм из годовых доходов уездного казначейства по аттестатам, оформляемым в магистрате и свидетельствующим о наличии денег в другом городе. Копии аттестатов вместе с прошениями купцов о их выдаче хорошо сохранились в фонде Новоторжского магистрата. Графи 2 составлен на основе сведений дел № 4211, 4306 (Оп.1); № 94, 520, 706, 810, 891, 838, 912, 946, 984, 1017 (Оп.2).

График №1

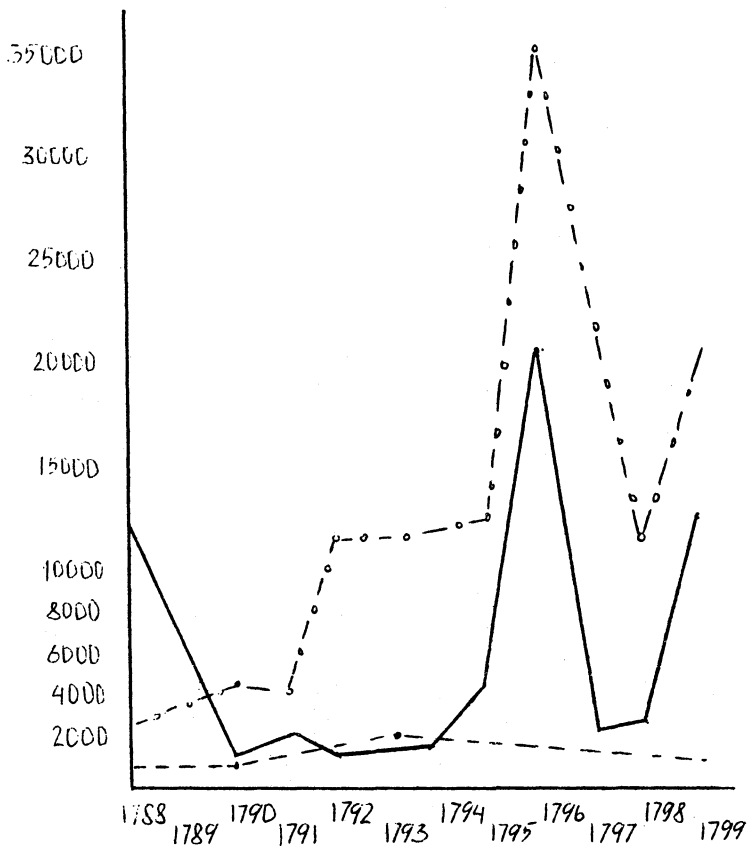

— Морозов И.Я.

- - - Вешняков А.В.

○ ○ ○ Морозов Л.

График №2

— Морозов И.Я

- - - Вешняков А.В

- o - o - o Морозов А

АНТИЕРЕТИЧЕСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ СОЧИНЕНИЯ КОНЦА ХУ —
НАЧАЛА ХУІ ВЕКА И ВЛИЯНИЕ НА НИХ ДРЕВНЕРУССКИХ
АПОКРИФИЧЕСКИХ КНИГ

Вторая половина ХУ в. ознаменовалась тяжелым кризисом в мировом православии. Потрясенные падением Византийской империи, главного оплота православного мира, другие православные церкви одновременно были вынуждены бороться с усилившимися еретическими движениями. На Руси среди подобных движений выделяется новгородско-московская ересь (ересь "жидовствующих"), борьба с которой сыграла важную роль в становлении классической средневековой православной теологии. Именно в этот период православные богословы стали активно привлекать апокрифические книги в качестве книг "священного предания" для подтверждения своих теологических построений.

Особое внимание следует обратить на несколько произведений раннего периода развития ереси на Руси, обычно не столь пристально рассматривающихся исследователями, из-за того, что, как отмечает Я. С. Лурье, они несут слишком мало информации о конкретных событиях антиеретической борьбы¹.

В первую очередь, это так называемая "Псалтырь жидовствующих" в переводе Феодора-евреина. В настоящее время в науке господствующей является версия Д. И. Иловайского, вкратце сводящаяся к тому, что переводы "псалмов Махазор" не использовались "жидовствующими", а были в употреблении у православных верующих, поскольку не содержали ничего еретического². (К подобным взглядам примыкали А. И. Соболевский, Н. А. Казакова, Я. С. Лурье)³.

Противоположных воззрений придерживался М. Н. Сперанский, утверждавший, что "псалмы Махазор" использовались еретиками для богослужений, и что именно их имел в виду архиепископ Геннадий, писавший, что "жидовствующие" "псалмы Давидова или пророчества испревращали". Исследователь подчеркивал, что автором перевода был крещеный еврей Феодор, также переводивший на русский язык "Книгу Есфирь"⁴.

"Псалмы Махазор" дважды включались в сборники известным Кирилло-Белозерским книжником Ефросином⁵. Из послесловия Феодора к псалмам и записи Ефросина известно, что псалмы были переведены по заказу великого князя Ивана III и митрополита Филиппа. (По наблюдениям М.Н.Сперанского - между 1464 и 1473 гг.)⁶.

Текст перевода начинается введением: "Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, и живоначальна Троици, и неразделима, и пречистна его матери и всех святых. Се яз, Феодор-новокрещеной, познавши от тьма свет, от зла добро, и познавши святое крещение и православную веру хрестыаньскую, обновил сердце от закона старого, от веры еврейския, привел есмь от языка еврейска в православных хрестыан, в рускии язык дватцат кафизм псалтири Давидова пророка"⁷. Четко видно, что введение писал православный христианин, верующий в догмат о троичности божества, против которого, как хорошо известно из более поздних источников, выступали антитринитарии - "жидовствующие".

Самое важное доказательство в пользу искреннего принятия Феодором христианства - это система оглавления псалмов. В оригинале "Махазора", составлявшегося в течение нескольких веков Иосифом-бен-Иосифом, Елеазаром-бен-Калиром, Гаоном-бен-Амрамом и Моисеем Маймонидом, отсутствует надписание авторства псалмов (да и сам иудейский "Махазор" - не псалтирь, а молитвенник)⁸. В переводе же Феодора псалмам и песням приписано авторство. Автором большинства псалмов назван, естественно, Давид (56 псалмов), часть приписана одновременно Давиду и Аарону (5), Давиду и Моисею (6), Давиду и Соломону (3), Давиду и Иакову (1). Этим переводчик указывал на исключительную древность текстов и на боговдохновенную обработку их Давидом, специально избранным из иудейских пророков для написания "Псалтири".

В отличие от псалмов, отдельно пронумерованные песни приписываются одному библейскому лицу - песни Давида (4), Соломона (1), Моисея (3) и Иоила (1). Вероятно, в оглавлении разделов "Псалтири" уже проявились зачатки тенденций,

характерных для переработки апокрифической литературы в XVI в., когда анонимному, но авторитетному сочинению приписывалось авторство библейского лица или "отца церкви".

Специфика "псалмов" Феодора еще в том, что они явно не предназначались для исполнения в церкви. Ни митрополит Филипп, ни другие иерархи церкви не могли ставить на один уровень каноническую "Псалтырь", предназначенную для богослужений, и новопереведенные с еврейского "псалмы", которые могли восприниматься только как неканоническая, "четья" литература.

Сами "псалмы Феодора" не являются точным переводом "Махазора", а лишь его переработкой со значительными дополнениями, которые также сближают их с апокрифической литературой⁹. Так, псалом 18 ("Слава, псалом Давидов") включает такие строки: "Бог отворяет на всяк день двери врат въсхода солнычнаго и открывает окна небесные, испушает солнца из места ея, и луна из места, почитет его которыи, светить на земли, и которым живущим на нем, с милостию и добродетелию его обновить всяк день прежнее дело"¹⁰. (Сходны по смыслу и псалмы 22 и 24)¹¹.

В этих "псалмах" прослеживается влияние "Книги Еноха" в ее полной редакции, а именно слов II-16, где описано видение иудейским протцом и патриархом солнечных ворот ("Взяша Еноха ангелы и поставиша его на востоце у врат солнечных" и "Взяша Еноха и паки поставиша его на восток на лунное растечение")¹².

Следует отметить, что Феодору в древнерусской книжности приписывается еще одно произведение - "Послание Федора жидовина", сохранившееся в рукописи, принадлежавшей Кирилло-Белозерскому монастырю и датированное М.И.Соколовым периодом не ранее 1448 г. и не позднее 1461 г.¹³. Послание обращено Феодором к бывшим единоверцам, и в нем он доказывает превосходство христианства над иудаизмом, а также то, что все обетования, данные в Ветхом Завете, были исполнены Христом.

Упоминаний апокрифических сюжетов в послании два - одно касается видения Авраамом Троицы у дуба Мамврийского,

другое - событий, связанных с воскресением Иисуса Христа. Видение Авраама описывается и толкуется следующим образом: "Явись Бог Аврааму в Троицу от дуба Амаврйиска. Авраам же изнесе ему хлеб и закла телец, и испече, принесе пред них, и воду принесе мыте вози их. Хлеб же прообразуя тогда святую просфору, воду же, яже намы, - святое крещение"¹⁴. Описание базируется на "Сказании об Аврааме", вошедшем в "Толковую Палею", и продолжает традицию соотнесения событий Ветхого Завета с событиями Нового, традицию, развивавшуюся в апокрифической литературе. Феодор здесь, как и во вступлении к переводу "Маказора", выступает активным противником антиринитаризма, как видно, уже начавшего распространяться в середине XV в.

Не менее любопытно и упоминание в послании о событиях воскресения Христа: "И с собою възвед изво ада святых, оугодьшише ему и иже явльшась мнози - трие строци - Анания, Авария и Мисаил, и сынове Симеона Богопрjemца, Корюн Личеш, и инии мнози, их же не можно чернилом исписати"¹⁵. Речь идет о целых трех апокрифических сказаниях - "Сказании о сошествии Христа в ад", приписанном св. Евсевию Кесарийскому, "Евангели от Никодима" и, как показал М.И. Соколов, своеобразной редакции "Мучения трех отроков в пещи огненной"¹⁶.

Феодор, судя по его сочинениям, целиком отказался от иудаистских воззрений и не интересовался еретическими идеями. Так что его сочинения можно отнести скорее не к источникам по истории идеологии еретических движений, а к источникам по идеологии антиеретической. Именно с необходимостью создания подобной идеологии, приведения в порядок православного "предания" и привлечения новых источников, оправдывающих это предание, связан и обработанный в православном духе перевод "Маказора", сделанный Феодором. Иудейский молитвенник, который могли использовать еретики, попытались превратить в православную "четвь" книгу, оформляя его соответствующим образом, тем более, что сам текст достаточно нейтрален и отношение к нему зависело от трактовки.

К трансформации известных неканонических текстов прибегает и инок Савва в своем "Послании на жиды и еретики". В ходе создания антиеретического трактата дополняются и комментируются отрывки из "Толковой Палей" и некоторых канонических текстов (например, "Послания апостола Павла к евреям"). Автором послания является "инок Савва Сенного острова" (т.е. Троицкого-Сенного монастыря на Ладожском озере), и адресовано оно, как определил Я.С.Лурье, боярину Д.В.Шенину, отправлявшемуся на переговоры с Захарией Скаррой Гуни Гурсисом (Захарией Гвигольфи, генуэзским купцом, собиравшимся перейти на русскую службу). По утверждению Я.С.Лурье, Гвигольфи ошибочно считали "ладовином", тогда как он был католиком, и именно эта ошибка и привела Савву к составлению послания¹⁷.

При исследовании текста следует обратить внимание на то, какие именно части апокрифических книг, включенных и не включенных в "Толковую Палею", цитирует Савва. С.А.Белокуров при публикации отметил 25 отрывков из "Палей", в том числе и полное заимствование "Заветов 12 патриархов"¹⁸. Об отношении автора к цитируемым книгам говорит заголовок послания: "Сия книга събрана от апостол, и пророк, и святых богоносных отец"¹⁹. Следовательно, все упоминаемые иноком Саввой тексты воспринимаются им как писания, почти канонические по своему авторитету.

Четыре главных темы развиваются автором - доказательство существования трех божественных ипостасей, единство "священной истории", указание на беды, которые ожидают отступивших от христианства и пока еще очень слабый антиэсхатологический и антихилиастический мотив. Догмат Троицы подчеркивается подбором определенных цитат из "Палей". Трактатка сотворения человека, как оно описано в послании Саввы, развивает палейные традиции и совпадает с теологическими воззрениями конца XV в.: "Рече бо Отец к Сыну: "Сотворим человека по образу нашему и по подобию, владыку всей твари"²⁰. Здесь и в комментарии к палейному сказанию об Аврааме, Савва исходит из такого толкования догмата

Троичности, какое впоследствии выражал Иосиф Волоцкий в "Послании к иконописцу" и которое выразил Федор в своем послании – толкования, при котором видение патриархом Авраамом трех ангелов однозначно понималось как видение Отца, Сына и Святого Духа.

Для Саввы характерно стремление усиливать духовную связь между событиями Ветхого и Нового Заветов. Он выбирает для включения в свое послание рассказ "Толковой Палей", основанный на двух апокрифах сразу ("Сказание о сходе Христе в ад" и "Первоевангелие Иакова"). Сцена же поклонения волхвов предуведомляется следующей цитатой: "Услыше бе Господь Бог въздыхание окованых во аде, сядящих от Адама и весь род его. Смотри же и сего, голь велик грех Адамов, греха его ради во ад пошли. И сего ради Христос послушал Отца своего небесного, послал архистратига Гавриила"²¹.

Описание поклонения привлекает внимание Саввы – он дважды цитирует палейный рассказ, причем во второй раз выбирает комментарий, основанный на еще одном апокрифе ("Сказании Афродитпана"): "А иже в прихождение его телица медная, и золотая, и серебряная, и каменная, и всяка изваянная глас даша по три дни, и то и се убо сбысться: егда родился Христос от Пречистыя Девицы, тогда бо в то время бысть знамение в Персеях, вся изваянная и бездушная даша глас... В то время жрецы их чюдидаша изрядне, что творяху бездушная изванная их, тем же в многоразмышление входящи, чюдяхуся. Те же, убо учению последующи волхва Валама и воспоменуца притчю, еже рече: "восиает звезда от Иакова и восстанет муж от Израиля", и начаша зрети звезды; видевши же возрадовавшася радостию великою, яко небесный червь родися на земли плотию, и на звезду зрящи путьствовашу, вземши же дары: ливан, золото и змирно"²². В настойчивом подчеркивании событий прихода волхвов к Иисусу видно, что Савва был сторонником идеи того, что не только иудеи, но и лучшие из язычников, пророки-язычники знали о грядущем пришествии мессии и о его значении для всего человечества.

Идея же общей истории Ветхого и Нового Заветов, "проброобразования" героями Пятикнижия Моисея событий евангелия кажется Савве настолько важной, что приводимую им палейную историю Иосифа и его братьев, и так переполненную сравнениями Иосифа с Христом, он дополняет следующим замечанием: "И сице Иосифу глаголющу и братиа его быша, яко мертви. Сице будет и во второе пришествие Христово. Егда придет Сын Человеческий в славе своей и вси святии ангели с ним, тогда сядет на престол славы своея, и сберутся пред ним вся языци"²³.

Здесь же он переходит к развитию третьей темы в своем послании: "Тогда вы, жидове, узрите, его же прободосте, и познаете, яко той есть Исус Христос, Сын Божий, и той есть судиа живым и мертвом, и вы станете пред ним безответны"²⁴. Антииудаистский пафос послания Саввы не совсем понятен, если не принимать во внимание его религиозный подход к теме: "Сего ради всяк прилагаяся ко Христу во христианскую веру, аще жидовин, аще тотарин, аще ин кто ис поганския веры, приложитя во Христову веру, той будет семя Аврамово благословенное и наследник будет царства небесного. Аще ли кто преложитя от христиан к жидовам, той не токмо отпадет от благословеннаго семени Аврамова, но с теми будет проклят, с распешими Христа, и наследник будет огню вечному и муки бесконечной, яко же рече Аввакум пророк"²⁵.

Отпадение еретиков от православия позволяло Савве напрямую сравнивать их со сторонниками иудаизма, что существенно увеличивало возможность привлечения более ранних антииудейских сочинений для антиеретической борьбы. В оценке иудаизма Савва следует за автором "Толковой Палеи", считая, что евреи уклонились от веры своих праотцов, которая была ближе к христианству, чем к средневековому иудаизму.

Основывалось подобное убеждение также на своеобразной редакции ветхозаветных апокрифических книг, вошедших в "Толковую Палею". Так Савва упоминает сказание об Иакове: "Три бо жезлы приим Иаков, и спестрив их и в воду вложив, напаяше овцы тестя своего; и сие прообразуя крещение Христово именованием трисугубного существа, яко же ныне напаяет

словесная овца и спасает стадо Христово во имя Отца, и Сына, и Святого Духа"²⁶.

В избранных из "Палей" "Заветах 12 патриархов" Савву интересуют не морально-этические поучения, а пророчества, посвященные отпадению иудеев от "веры патриархов" и непризнанию ими мессии. В "Завете Левия" выделяется: "И ныне удадах в книгах Еноховых, яко седмицею прелститесь, и святительство бешествуете, и закон погубите, и словеса пророческая ни во что же вмените, в житии проженете мужа правдивы и благочестивы возненавидите, и праведныя слова омерзуют вы"²⁷.

Савва является сторонником исторического толкования христианских пророчеств, толкования, традиции которого восходят к отцам церкви прежде всего - к Андрею Кесарийскому. Все события Апокалипсиса, согласно такому подходу, уже давно разворачиваются в реальной истории²⁸. И Савва придерживается таких взглядов - для него "последние времена" были уже в период крещения Руси: "Паче же нам подобает радоваться, яко в последнее время возвысил Бог Русскую землю, и возвысил рог христианский, государя нашего князя Владимира Киевского и всяя Росии, равнаго апостолом"²⁹.

Можно отметить, что в конце 60-х - начале 70-х гг. XV в. антиеретические и антеедаистские послания уже используют аргументацию, применявшуюся в более поздних сочинениях на эти же темы. Угроза возможной релязии православия заставляла иерархов русской церкви заняться упорядочением книг "священного предания" и в целях борьбы с ересью - привлечением новых источников или соответствующей обработкой старых "четых" книг.

Более глубокое изучение православной традиции заставляло обратить внимание на апокрифы, с их изначальной ориентированностью на заподнение разрыва между идеологиями Ветхого и Нового Заветов. Уже в достаточно ранних памятниках, обличающих ересь еще под псевдонимом "иудовства" (послания Феодора и Саввы), отредактированные апокрифы воспринимаются как естественная часть "священного предания".

Такое понимание апокрифической литературы получило развитие в теологических сочинениях конца XV - начала XVI в.

К концу 80-х гг. XV в. уже ясно виден подъем ереси, усиление ее влияния на множество людей в Новгороде. Выступая против еретиков, новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов) составляет на протяжении 1487-1492 гг. ряд посланий, в которых используются апокрифические книги. Геннадий цитирует в своих сочинениях "Палее" и полную редакцию "Книги Еноха".

Из палейного сказания взяты сведения, используемые Геннадием в послании епископу Прохору Сарскому (1487 г.): "А то звездознание дано бысть Сифу, третьему сыну Адамову. Да потом Енох праведный исписал дни, и часы, и лета, и потом Ной последнему роду предаде"³⁰. О Сифе же было сказано в "Палее Хронографической" (1477 г.): "Сия же Сиф нарече 4 времени, лет, и годы, и месяцы, и имена звезд"³¹. Упоминание о Ное тоже взято из "Палей"³². Подобный рассказ повторяется и в послании архиепископа Геннадия Иоасафу, бывшему архиепископу Ростовскому: "А то звездознание дано бысть Сифу, третьему сыну Адамову. Да потом Енох списал праведны дни и часы, и лета, и потом Ной последнему роду предаде"³³.

Сложнее с идентификацией источника сообщения о Енохе - в "Палее" о нем обычно говорится очень кратко. Более того, в посланиях новгородского архиепископа Прохору Сарскому, Иоасафу и неизвестному (1492 г.) приводится цитата из "Книги Еноха":

I. - послание епископу Прохору Сарскому (1487 г.): "И Енох праведный написал: "Преже даже вся не быша, постави Бог века тварного и потом сътвори всю тварь видимую и невидимую, и по всем том създа человека в образ свой, а тогда раздели Бог век человека ради на времена и лета, на месяцы, и на дни, и часы, и да разумеет человек времен перемену и чет своея жизни конец. И егда скончается тварь, вже сътвори Бог, тогда времена погьбнут, и лет не будет, к тому дние и часы не почтутся, но станет век един"³⁴.

2. - послание Иоасафу, бывшему архиепископу Ростовскому (1489 г., февраль):

"Да и Енох праведны писал сице: "Преж даже вся не быша, постави Бог века тварнаго, и потом сътвори всю тварь видимую и невидимую и по всем том създад человека в образ свой. И тогда раздели Бог век человека ради на времени, на лета, на месяцы, и на дни, и на часы, - и да разумеет человек времен перемену и четт своеа жизни конец. И егда скончается вся тварь, уже сътвори господь, тогда времена погибнут, и лета не будет, к тому дние и часы не почтутся. Но станет век един, и вси праведници убежат суда великого и прикупятся праведницех" и прочая. "Чтет лета, и месяцы, и часы, и перемение, и зачала, и конца, и да четт свою жизнь, от зачала и до смерти, и помышляет свой грех, и да пишет свое дело, злое и доброе, понеже всяко дело несть утаенно пред господнем, да знает всяк человек свое дела, и да не приступает никогда все заповеди его, и рукописание мое да держит твердо в род и род, егда скончается вся тварь видимая и невидимая, яко же сотвори господь, тогда всяк человек идет на суд великий, и тогда все времена погьбнут, и лета, и к тому не будет ни месяцы, ни дни, ни часы"³⁵.

3. - послание к неизвестному (1492 г., сентябрь):

Якоже писал естъ Енох праведный: "Преж даже вся не быша, постави Бог века тварного и потом сътвори всю тварь видимую и невидимую и по всем том съезда человека в образ свой. И тогда раздели бо век человека ради на времена, и на лета, и на месяцы, и на дни, и на часы - да разумеет человек времен перемену и четт своеа жизни конец"³⁶.

Краткая редакция "Книги Еноха" известна с XIY в. (рукопись "Мерила Праведного" XIY в.)³⁷. Древнейший же список пространной редакции относится как раз к концу XV в.³⁸ Но в краткой редакции обнаруживается только два, причем разделенных в тексте стрывка, которые близки к упоминаемым в тексте посланий³⁹. Текстуальные совпадения здесь только с началом цитаты в послании Геннадия Иоасафу, в посланиях же Прохору Сарскому и неизвестному отсутствует

предложение: "рукама своима мала и велика, и вложи ему очи видети, и оуши слышати, и сум световати"⁴⁰. (Сама же краткая редакция носит название "От книг Еноха праведного", что позволяет предположить существование полной редакции "Книги Еноха" ("Книги святых таин Еноха") уже в XIV в.).

Пространная редакция гораздо ближе к тексту посланий: "Прежде даже не бе створена вся тварь, господь створи все видимая и невидимая, колико времена быша, и мимоидоша, разумеите, яко по тех всех созда человека в образ свой, по подобию, и вложи ему очи видети, и суши слышати, и сердце помышляти, разумей советовати; и зряше господь все дела человека, и створи всю тварь его, и раздели времена, от времен устави лета, и от лет положи месяца, и от месец положи дни, и дний положи седьмь, и в тех положи часы, размери подробну, да человек размышляет времена, да четет лета, и месяци, и часы, и премение, и зачала, и конца, и да четет свою жизнь, от зачала и до смерти, и помышляет свой грех, и да пишет свое дело злое и доброе. Понеже всяко дело несть утаенно пред господнем, да знает всяк человек своя дела, и да не преступает никогда заповедя его, и рукописание мое да держит твердо в род и род. Егда скончается вся тварь видимая и невидимая, яко же сотворы господь, тогда всяк человек идет на суд великий, и тогда все времена погьбнут, и лет, и к тому не будет ни месяца, ни дни, ни часы, прилепится и к тому не почтутся. Настанет век един и вси праведницы, иже убегнут суда великаго господня прикупятся в вещь велицем"⁴¹.

Что же касается "исписания" Енохом "дней и часов", то вполне вероятно, что речь идет о словах I3 и I5 полной редакции "Книги Еноха", где описывается за сколько часов движения солнце над землей и сколько дней содержат лунный и солнечный годы⁴². В слове же 36 сказано (от лица Еноха): "Аз измерых, и исписах звезды, и много множество безчисленно, кий человек виде превращения их, аз же имена всех написах, и солнечный круг измерых, и луна измерых, часы изчтох"⁴³.

Характерно для воззрений Геннадия и мнение об искаженности и вторичности предания, существовавшего в современном ему иудаизме. Так подчеркивается единство божественного откровения в "священной истории" от ветхозаветных патриархов к христианским апостолам. Иудеям же, согласно историко-софским взглядам новгородского архиепископа, приходилось заимствовать утраченные ими знания у языческих народов: "Авраам в Египет шед, египтяна учил землемера, да и розчет земный. Да потом и жидова от них тому навывкли"⁴⁴. Сам иудаизм Геннадий объявляет ересью, утверждая, что все тексты "священного писания" в иудейском варианте погибли при взятии римлянами Иерусалима, а существующий текст Торы евреи получили от еретиков⁴⁵. Историко-софские и теологические взгляды Геннадия развил в своих трудах Иосиф Волоцкий.

Сведения из апокрифических книг привлекались им, так же как и его предшественниками, для обоснования истинности догмата троичности в православной теологии. Для этого в послании Вассиану Иосиф Волоцкий цитирует "Сказание об Аврааме" из "Толковой Палеи". Трактовка явления Аврааму Троицы, как и у инока Саввы, связана с символическим пониманием действий Авраама и Сарры: "И рече жене своей Сарре: "Подвижися, смести три спуды муки чисты". А сам тече в стадо, поим отрока с собою, и взял телец избран, приведе и уготови, и взяв масло, и мед, и млеко, и постави пред ними, и сам стояще пред ними. Разумевай - единого жда, и три ему явися в человечестве образе! Он странницы приат и телец, аки человеком, уготови, и Сарре повеле три спуда муки смесити, в образ троица, и представи има трапезу. О дивно! Три юноши сидя, а патриарх старец столетен пред ними стоя! Виджь, яко не един седя, а два бы предстояли, аки рабы, сиречь ангелы, но все три равно во едином месте сидят, и всем равне патриарх нозе нозе умы, и трапезу постави, и всем равну честь подает!"⁴⁶ Толкование сходно, во-первых, с палеинным сказанием, где четко озаглавлен раздел текста "О явлении святна Троица", а, во-вторых, с отдельным апокрифом "Страннолюбие Аурамле, слово святие троице", где сказано: "Прииде святая Троица: Отец же и Сын, и Святой

Дух, образом юнотским, яко трие поутници"⁴⁷.

Волоцкий пишет в "Слове на ересь новоградских еретиков, глаголющих, яко не подобает писати на иконах святую и единосущную троицу" (5-е слово "Просветителя"): "Они же седяше вси три в едином месте, равни славою, равни честью, и не един вещущи, ниже менши, равно и послужение, равно я поклонение от Авраама прияша. И аще бы Бог был с двумя аггелома, то како бы дрзнули аггели съпрестолни быти Богу? Нигде же бо в писаниях обрящещи, яко аггели съпрестолници быша Богу когда, но спрестолен есть Отцу Сын и Святой Дух, яко же сведетельствуют божественая писания, ветхаа же и новая"⁴⁸ (Иосиф Волоцкий подчеркивает единство Ветхого и Нового Заветов, утверждая, что в "религию патриархов" входило поклонение Святой Троице).

Защищает православный теолог и еще две богословские идеи, отвергнутые еретиками: святость икон и церкви, а также неисповедимость, но неизбежность "конца света". В "Слове о почитании икон" (6-е слово "Просветителя") Иосиф Волоцкий сопоставляет действия ветхозаветных и новозаветных героев (даже рассказ о них оформляется одинаково - в виде образцовых ответов еретик). Но если в повествовании о поклонении библейских героев скинии и храму Соломона Волоцкий основывается на тексте Ветхого Завета, то в рассказе о сотворении икон использован апокриф о написании первых икон евангелистом Лукой: "Потом же святии апостоли повелеша святому апостолу и еуангелисту Луце написати на иконе пречистый его образ и поклонятися обожествленному его человечеству и на небеса възнесуся. Тако ж и пречистыя его матере, иже вьистинну богородица сущи, написа святыи апостол и еуангелист Лука"⁴⁹.

Согласно "Сказанию от божественных писаний..." (7-е слово "Просветителя") традиции иконописания освящены преданием, идущим от самого Христа - при этом автор "Сказания..." опирается на апокрифический рассказ о переписке Христа с эдесским князем Авгарем, приписанный апостолу Луке и вошедший в ВМЧ (18 октября)⁵⁰. После опять повторяется

рассказ о написании Лукой образа богородицы и добавлено апокрифическое сказание о сотворении апостолами Петром и Иоанном церкви в честь богородицы: "И паки Петр и Иоанн в Лиде церковь съставиша во имя богоматере. Пишет же Климент, ученик Петров, яко Петр апостол в Риме, егда исцели Софию, сродницу цареву, тогда блаженаа София, повелением апостола Петра създа в велицей своей полате церковь во имя пречистыа Богородица; иже и донныне есть в Риме и нарицаема София, и даст ю Петрови; Петр свети ю, взем мощи первомученика Стефана, положи в ней"⁵¹.

В "Сказании о скончании седьмой тысячи" (8-10 слово "Просветителя") Иосиф Волоцкий обращается к апокрифической "Книге Еноха". Он упоминает этот апокриф в рассказе о будущем "страшном суде": "Преже убо всех о сем рекл есть древний пророк праведный Енох сице: "Се прииде господь во святых тмах ангел своих, сотворити суд по всех и избобличити все нечестивыа; о всех делах нечестия их, их же нечестоваша"⁵².

На одном уровне восприятия, в одном сказании, как равнозначные книги "священного предания", воспринимаются и цитируются Иосифом Волоцким апокриф о Енохе и слово "о конце света", традиционно приписывавшееся Ефрему Сирину, произведение, о котором Волоцкий написал, что еретики "не токмо святого Ефрема писания укоряюще, но и все божественная писания отческиа укоряху"⁵³.

Значительная часть ссылок на апокрифические книги возникает у Волоцкого попутно к его основным рассуждениям, как упоминание всем известных сюжетов. Среди таких сюжетов можно выделить сказание о возрасте Адама, о взятии Еноха на небо, о душах, воспринимаемых архангелами Гавриилом и Михаилом, о родителях богородицы - Иоакиме и Анне, а также целый ряд апокрифических деталей из житий апостолов Петра, Павла, Иоанна и Андрея (особенное внимание автор уделяет рассказам "о прении Петра с Симоном-волхвом" и о пришествии апостола Андрея на Русь)⁵⁴.

К началу XVII в. и другие православные теологи, дискутировавшие с Волоцким, начинают придерживаться таких же

взглядов на единство "священной истории". В "Ответе кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого о наказании еретиков" аналогично перечисляется ряд сюжетов о наказании еретиков, взятых из канонических и неканонических книг: от Моисея до Льва, епископа Катанского⁵⁵. Как на достоверный факт указывается и на сказание о смерти Симона-волхва: "А Петр апостол Симона волхва молитвою разби; понеже прозвася прелудавный злодей сыном божим при Нероне царе, и тогда достойный суд приат от Бога за превеликую леть и злобу"⁵⁶. Видно, что в начале XVI в. апокритические книги воспринимаются уже всеми православными теологами как часть "священного предания". Иная ситуация сложилась в еретическом движении.

В еретической среде первые книги Ветхого Завета были распространены наряду с христианскими книгами, как - том свидетельствует Геннадий (послание к Иоасафу 1489 г.): "Да есть ли у вас в Кирилове, или в Ферапонтове, или на Каменном книги: Селивестр, папы Римски, да Афанасей Александрийски, да Слово Козмы презвитера, на новоявльдуяся ересь на богумилу, да Пророчества, да Бытия, да Царьства, да Менаандр, да Исус Сирахов, да Логика, да Леонисей Ареопagit? Зане же те книги у еретиков все есть"⁵⁷. Из подбора книг виден удивительный эклектизм мировоззрения еретиков, пытавшихся сочетать христианство и иудаизм.

Как еретики пытались приспособить внешние формы христианской литературы для своих целей свидетельствует заголовок "Лаодикейского послания" Федора Курицына, с заголовком, заимствованный из бытовавшего в западноевропейской апокрифической литературе послания апостола Павла к лаодийцам, которое не имеет ничего общего с еретическим сочинением Курицына⁵⁸. По данным Я.С. Лурье и А.И. Клибанова, еретики активно редактировали книги библейского канона, причем исключительно в рационалистическом плане, исключая, например, мистические видения из пророческих книг Исаии и Иезекииля⁵⁹. И до сих пор не обнаружено ни одного упоминания в источниках об использовании новгородско-московскими еретиками апокрифических книг. Более того, рационалистическая

направленность еретической теологии, ее критический подход к Библии делал почти невозможным восприятие апокрифов, наполненных видениями и чудесами. Так "жидовствующие" выступили против творений отцов церкви о "конце света", в том числе и против псевдоэпиграфа Мефодия Патарского⁶⁰.

Ясное понимание отношения еретиков к апокрифическим книгам затемнял тот факт, что еретики испытывали особый интерес к астрологическим и гадательным книгам, в источниках называвшимися "отреченными книгами".

"Отреченные книги" во всем корпусе антиеретических сочинений упоминаются два раза – во втором "Слове о почитании икон" (7-е слово "Просветителя") Иосифа Волоцкого и в "Поучении по случаю соборного осуждения еретиков жидовствующих" митрополита Зосимы (1490 г.). Причем в первом случае поминание не относится к конкретной ситуации, сложившейся на Руси в конце XV в., а входит в ряд общих моральных поучений, приводимых в "Слове": "С присными веры имей мир, еретика человека отвращайся, завещенныя книги прочитай, отреченныя же отнюд не чти"⁶¹.

Сложнее с посланием Зосимы, так как митрополит прямо упрекает еретиков в использовании "отреченных книг": "И там была еретицы и врази Христове церкви, прелестницы и отступницы, губителие душ православных человек, зовущиеся священницы, и поныне сокрывающиеся от человек и тайно пишуще, и учат держати книги отметные, и похваляют в себе отреченный ветхий закон, и веру жидовскую хвалят"⁶².

Свой список "отреченных книг" Зосима, видимо, вообще выступавший за более строгое отношение к неканоническим книгам, привел в "Сказании Изосимы, митрополита Русьского, о отреченных книгах" (1490–1494 гг.). В "индексе" упоминаются апокрифические тексты, но большая часть их названий переписана формально, из старых списков: "Адам, Енох, Ламех, патриарси, молитва Иосифова, псалмы Соломони, песни Давидовы, 12 Иаковлич, нарицаемая лествица, обавления Илиана, обавления Софоньина"⁶³. Столь краткие наименования ничего не говорили древнерусскому читателю, будучи дословным переводом из греческих индексов, тогда как на Руси

названия апокрифов были более развернуты. Некоторые упомянутые апокрифы ("Ламех", "лествица") вообще не существовали в средневековой русской книжности вне "Палей".

Кроме того, Зосима лишь запрещал службу в церкви по апокрифам, которые называл "неисправленна и сокровенна" книги: "Яко ни мирских составленных псалмов глаголите в церкви, ни неисправленных книг читите, но токмо исправленна Нового и Ветьхого Завета"⁶⁴. Основная же критика направлялась на "суеверные" книги, которые характеризовались как "богоотметныя и ненавидимыя книги"⁶⁵.

Правда, для части апокрифов были составлены краткие характеристики, по которым можно определить апокриф и использовать "индекс" для запрещения книги: "Паралипомена Иеремии, о пленении Иерусалимте, что орла слали в Вавилон с грамотою к Иеремии, о Соломани цари и о Китоврасе басни... о древе крестном, что солгано, имена ангелом, прение дьяволе со Христом, по мукам хождение Бьгородичино"⁶⁶. Выделение этих апокрифов (и особенно сказаний о Соломоне) связано с еще одним явлением в духовной жизни средневековой Руси, также оказавшим свое влияние на новгородско-московскую ересь — с явлением секуляризации сознания, со стремлением к отказу от "сакрального" восприятия исторических событий.

Такого рода стремление в литературе конца XV в. отметил Я.С.Лурье в сборниках книжника Ефросина. Секуляризованное мышление Ефросина (Я.С.Лурье характеризует его как "светское") проявилось в отборе апокрифов для сборников — книжника интересуется апокриф-притча, апокриф-сказка, научно-познавательный апокриф⁶⁷. Ефросин тщательно подбирает сказания о Соломоне для сборников, причем включает даже отдельный своеобразный рассказ "О Китоврасе от Палей". Книжник, хорошо знавший о запрещениях "индекса" и сам переписавший его, вставляет в свои сборники в качестве произведений с интересным сюжетом, апокрифические тексты "Об Адамовой главе" и "Об иерействе Иисуса Христа".

В особом варианте "Палей" Ефросина ("Книга, нарицаемая Палея, богослова единство трисвятое") отсутствуют

богословско-полемические выпады; книга почти принимает вид сборника сказок на библейские сюжеты⁶⁸. Скорее всего, против таких профанирующих высокое религиозное содержание списков апокрифов и выступил митрополит Зосима – особенно против сказаний о Соломоне и Китоврасе, снижавших образ второго по значению в православной неканонической книжности (после Давида) царя-пророка.

Я.С.Лурье был прав, несмотря на некоторую резкость выражений, утверждая: "Укрепившаяся в ХУІ в. религиозная идеология была идеологией крайне нетерпимой и не допускавшей никаких шатаний и "сумблений". Светская научно-познавательная и художественная литература, отразившаяся в сборниках Ефросина, должна была исчезнуть со страниц рукописных сборников. Она исчезла более чем на столетие"⁶⁹. Анонимные последователи "светского" подхода к книжности в начале ХУІ в. еще пытались сохранить такого рода литературу, скрывая ее под иными названиями. Так, под видом "Слова Иоанна Дамаскина о благовещении" был переписан вопросно-ответный апокриф о благовещении, базировавшийся на чешских и южнославянских источниках и имевший "развлекательный" характер⁷⁰. Но подобные попытки вскоре прекратились и было возобновлено, действительно, лишь в ХУІІ в.

Секуляризованный подход к "священному преданию" повлиял на "жидовствующих", но, видимо, незначительно. Например, существует совпадение в рационалистических пристрастиях и в увлечении астрологией – Ефросин выписывает астрологические сказания из "Пален", еретики изучают "Шестокрыл". Но хотя трактовка "священного предания" как "сказок" должна была быть близка еретикам, все же в их эклектической, искусственно выстроенной системе воззрений нет места апокрифическим книгам.

К середине ХУ в. под воздействием крушения Византийской империи и значительного подъема еретических движений в православной церкви особенно остро встала проблема расширения православной традиции, углубленного изучения книг "священного предания". Результатом подобного изучения стало повышение интереса к апокрифическим книгам, в тот период

развития церкви воспринимавшихся, по большей части, как книги, равные по своему авторитету книгам отцов церкви.

Апокрифы привлекали православных theologов прежде всего тем, что давали материал для критики идеологии еретических движений. Апокрифические книги, изначально создавшиеся как произведения, не только восполняющие лакуны в отдельных частях библейских книг, но и заполняющие идейный разрыв между Ветхим и Новым Заветами, стали использоваться для создания историософской теории единой "священной истории", истории непрерывного развития божественного откровения от сотворения мира до "конца света". Такая теория была противопоставлена воззрениям еретиков, "похвалявших отреченный закон Ветхий" и противопоставлявших Ветхий и Новый Заветы. Апокрифы содержали и конкретный материал для опровержения взглядов еретиков - в них защищался догмат Троицы, святость икон и церкви, утверждалась неизбежность "конца света" и "страшного суда".

Но не всякие апокрифические книги (особенно внесенные в "индекс отреченных книг") изучались и цитировались богословами. Можно выявить целый ряд использованных текстов. В первую очередь, это апокрифические сказания об Аврааме, Иакове, Иссифе и "Заветы 12 патриархов", вошедшие в "Толковую Палею". Сказания заимствовались вместе с толкованиями, в которых ветхозаветные события усиленно христианизировались. Во-вторых, апокрифическая "Книга святых таин Еноховых", ставшая исключительно популярной в конце XV в. В-третьих, апокрифическое "Сказание о нерукотворенном образе", включавшее переписку Христа с эдесским князем Авгарем. И, наконец, апокрифические жития апостолов Петра, Павла, Андрея и Иоанна.

Идеологами новгородско-московской ереси апокрифы отвергались, но форма апокрифической книги могла использоваться ими для пропаганды собственных взглядов ("Лаодикийское послание" Федора Курицына). Еретиков, отрицавших реальность мистических откровений, гораздо больше интересовали астрологические и "суеверные" книги, использование которых давало надежду на получение "реальных благ" в этом

мире. Также своеобразное отношение к апокрифам проявляли сторонники "секулярного" взгляда на духовный мир, для которых апокрифы постепенно становились не религиозной, а развлекательной литературой, источником для эстетических переживаний. При редактировании апокрифов они выкидывали теологические рассуждения, оставляя сказочные подробности.

Однако ни еретический, ни секулярно-гуманистический подход к апокрифическим книгам не мог победить в начале XVI в. Большинство в образованном русском обществе этого времени придерживалось характерных для средневековья мистических, "метаисторических" воззрений на исторический процесс. И апокрифы, в которых подобный взгляд был выражен с предельной ясностью, получают еще большее распространение и пользуются еще большей популярностью в первой половине XVI в.

-
- I Словарь книжников и книжности Древней Руси: вторая половина XIV - XVI в. Л., 1989. Ч.2 (Л-Я). С.318.
 - 2 Иловайский Д.И. Мелкие сочинения, статьи и письма. М., 1882. Вып.2. С.238; он же. История России. М., 1884. Т.2. С.502, 581-582.
 - 3 Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. СПб., 1903. С.400; Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV - начала XVI века. М.-Л., 1955. С.311.
 - 4 Сперанский М.Н. Предисловие к "Псалтыри жидовствующих, в переводе Феодора-еврея" // ЧОИДР. М., 1907. Кн.2. С.12.
 - 5 ОР ГПБ. Кирилло-Белозерск. собр. № 9/1086; там же. № 6/1083.
 - 6 Сперанский М.Н. Указ. соч. С.37.
 - 7 Псалтырь жидовствующих, в переводе Феодора-еврея. // ЧОИДР. М., 1907. Кн.2. С.53.
 - 8 Сперанский М.Н. Указ. соч. С.50.
 - 9 Там же. С.48-49.
 - 10 Псалтырь жидовствующих, в переводе Феодора-еврея" // ЧОИДР. М., 1907. Кн.2. С.56.
 - II Там же. С.57, 58.

- 12 Попов А.Н. Библиографические материалы. М., 1880. Т.П-УП. С.97-99.
- 13 Соколов М.И. Предисловие к "Посланию Федора-жидовина" // ЧОИДР. М., 1902. Кн.З. С.97.
- 14 Послание Федора-жидовина // ЧОИДР. М., 1902. Кн.З.С.108.
- 18 Там же. С.107.
- 16 Соколов М.И. Указ. соч. С.101-102.
- 17 Словарь книжников и книжности Древней Руси: вторая половина XIV - XVI в. Л., 1989. Ч.2 (Л-Я). С.317; Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI в. М.-Л., 1960. С.131-135, 224-225, 239.
- 18 Белокуров С.А. Предисловие к "Посланию инока Саввы на жидов и еретиков" // ЧОИДР. М., 1902. Кн.З. С.УП.
- 19 Послание инока Саввы на жидов и еретиков // ЧОИДР. М., 1902. Кн.З. С.1.
- 20 Там же. С.4.
- 21 Там же. С.6.
- 22 Там же. С.32-33; ср.: Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып.З. С.73-74.
- 23 Там же. С.40.
- 24 Там же. С.40.
- 25 Там же. С.12.
- 26 Там же. С.35; Палея Толковая, по списку, сделанному в 1406 г. М., 1892-1896. Вып.2. Стб.333.
- 27 Там же. С.66; ср.: Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т.1. С.111.
- 28 Толкование на Апокалипсис св.Андрея, архиепископа Кесарийского. М., 1901. С.93.
- 29 Послание инока Саввы на жидов и еретиков // ЧОИДР. М., 1902. Кн.З. С.5.
- 30 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV - начала XVI в. Приложение: Источники по истории еретических движений XIV - начала XVI в. М.-Л., 1955. С.311.
- 31 Толковая Палея 1477 г. СПб., 1892. Л.56 об.
- 32 Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып.З. С.19.
- 33 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С.319.
- 34 Там же. С.311-312.
- 35 Попов А.Н. Указ. соч. С.78-80.
- 36 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С.390.

- 37 Мещерский Н.А. История текста славянской книги Еноха // Византийский временник. М., 1964. Т.24. С.98.
- 38 ГИМ. Собр. А.С.Уварова. № 3/18. Л.626об.-638 об.; Соколов М.И. Славянская книга Еноха праведного. М., 1910. С.III-130.
- 39 Тихонравов Н.С. Указ. соч. С.20, 23.
- 40 Там же. С.20.
- 41 Попов А.Н. Указ. соч. С.135-136.
- 42 Там же. С.97-99.
- 43 Там же. С.II9-120.
- 44 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С.3II.
- 45 Там же. С.3I9.
- 46 Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л., 1959. С.14I.
- 47 Толковая Палея 1477 года. СПб., 1892. Л.82; Лавров П.А. Апокрифические тексты // СОРЯС. СПб., 1899. № 3. С.74.
- 48 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С.36I.
- 49 Там же. С.334.
- 50 Там же. С.336; Великие Минеи-Четии. СПб., 1874. Октябрь, 4-18. Стб.III5-II2I.
- 5I Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С.343.
- 52 Там же. С.403, 409, 4I3.
- 53 Там же. С.4I2.
- 54 Там же. С.330, 340-34I, 4I3, 4I4, 477-478, 490, 494.
- 55 Там же. С.5II.
- 56 Там же. С.5I2.
- 57 Там же. С.320.
- 58 Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIY - первой половине XVI в. М., 1960. С.64.
- 59 Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI в. М.-Л., 1960. С.190; Клибанов А.И. Указ. соч. С.246.
- 60 Лурье Я.С. Указ. соч. С.167.
- 6I Казакова Н.А., Лурье Я.С. Указ. соч. С.357.
- 62 РИБ. СПб., 1860. Т.6. Стб.785.
- 63 Там же. Стб.790.
- 64 Там же. Стб.789.
- 65 Там же. Стб.793.
- 66 Там же. Стб.79I-792.

- 67 Лурье Я.С. Литературная и просветительская деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.-Л., 1961. Т.17. С.158.
- 68 Там же. С.145; ОР ГПБ. Кирилло-Белозерск. собр. № II/1088. Л.267-326 об.; № 9/1086. Л.194-200, 269 об.-271.
- 69 Лурье Я.С. Литературная и просветительская деятельность... С.168.
- 70 РГАДА. Ф.196. Оп.1. № 599. Л.352-372 об.

"ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ
О БОГОСПАСАЕМОМ ГРАДЕ СУЗДАЛЕ"

Среди материалов по истории города Суздаля и Суздальской епархии особое место занимают три сочинения, опубликованные в разное время и отражающие последовательность накопления сведений, прямо или косвенно относящихся к теме:

1. "Летопись о построении града Суздаля".
2. "Суздальский Летописец".
3. "Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале".

"Летопись о построении града Суздаля и в нем монастырей и о бытии и о преставлении суздальских чудотворцев, и о родословии Российских князей вкратце"¹ (составлена во времена правления императрицы Елизаветы Петровны (1742-1762 гг.): раздел "О родословии" начинается князем Рюриком и заканчивается Елизаветой Петровной. Отсутствуют какие-либо указания на автора или владельца "Летописи". Нет ни одной ссылки на источники, но из содержания явствует, что автор использовал русские летописи, жития святых, Минея, Степенную книгу, Хронограф Русский и лишь однажды привел собственное наблюдение: "...и те иконы и по днесь в тябле целы суть".

Текст содержит несколько ошибок (или описок) в датах, титулах, именах собственных. Так, река, на которой стоит Суздаль, названа Каменьницей, хотя в писцовых книгах начала XVIII в. и в последующих документах она именуется Каменкой. При перечислении князей и царей, которые "владели великим Суздальским княжением", дается только прямая родовая линия - от отца к сыну. Отмечается лишь преемственность по отношению к Московскому княжеству, - в результате этого "выпала" целая ветвь князей: собственно Суздальских, Владимиро-Суздальских и Суздальско-Нижегородских, хотя начало С. Сос.-Евфимьева монастыря автор связывает с временем

княжения суздальского князя Бориса Константиновича, не упомянутого в "родословии".

Оказался пропущенным великий князь Московский Василий Васильевич Темный, поэтому великий князь Иван III Васильевич назван "сыном" Василия I Дмитриевича. В одном случае автор называет Василия III Ивановича великим князем всея России, в другом же - великим князем, царем и государем и самодержцем всея России.

Датирование некоторых событий, отмеченных в "Летописи", искажено при переводе цифр кириллических в арабские: буква Ц (ци) принята за букву Ψ (пси), что "молодит" событие на 200 лет: получается, что епископ Дионисий скончался в 6893 г., а мощи его перенесены в 6709 г.; преподобный Евфимий пришел в Суздаль в 6865 г., а скончался в 6712 г., "поживе всех лет 88". Подобная же небрежность переписчика, "состарившая" документ на 200 лет, отмечена В.А.Кучкиным при исследовании возраста грамоты черницы Марины (Кучкин В. "Данная" черницы Марины // Исторические записки. М., 1982. Т.108. С.294).

Кроме вступительной части, где пересказывается легенда об основании Суздаля неким князем Великосаном, "Летопись" имеет разделы: "О родословии", "О суздальских чудотворцах", "О суздальской соборной церкви", "Начало Спасо-Евфимьева монастыря во граде Суздали", "О построении Покровского девичья монастыря", "О построении Ризположенского монастыря". Отсутствуют упоминания об Александровском, Борисоглебском, Васильевском, Введенском, Дмитриевском и Троицком монастырях.

Повествование ведется с преобладанием церковно-славянской лексики и фразеологии, с соблюдением летописных традиций отмечать событие "в лето" от Сотворения мира. Не исключено, что "Летопись" создана в Суздале и автор ее - духовное лицо или обитатель одного из монастырей Суздальской епархии.

Как источник материалов для истории Суздаля "Летопись", по-видимому, ценности не представляет, поскольку дублирует известные к середине XVIII в. по летописям, жи-

тиям и Минеям легенды и другие сведения, но может считаться оригинальным произведением, автор которого попытался ввести историю провинциального города в лоно государственной истории.

В 1815 г. князь И.М.Долгорукий, состоя в переписке с писателем и историком М.Н.Макаровым, обратился к нему с просьбой: "Если встретитесь случайно с протопопом суздальским Дмитрием Алексеевичем Смирновым, пожалуйста, отправьте ему мой поклон..."² Макаров побывал в Суздале в 1819 г. Результатом его общения с Д.А.Смирновым стало знакомство с рукописным сочинением по истории Суздаля и дальнейшая публикация фрагментов этого сочинения под заголовком "Суздальский Летописец"³.

Делая вступление к статье, Макаров сообщает: "Рукопись сия в лист, писана довольно четким и частым, но во многих местах неправильным письмом, близко подходящим к уставному; она разделяется на три части, и вообще составляет только двести девятнадцать страниц. Собиратель ея был коренной суздальский житель, какой-то трудолюбивый секретарь и богомолец Воронов, воспользовавшийся, по-видимому, как и покойный Татищев, многими для нас неизвестными источниками историческими. Но История Татищева по крайней мере осталась для всякого любителя истории не тайною; а сия рукопись, с 1812 г. принадлежав уже библиотеке суздальского Рождественского собора, еще и до сей поры остается неизвестною"⁴.

В подстрочном примечании на с.275 Макаров дает полное название рукописи: "Историческое собрание и полное описание знаменитого в древности богоспасаемого града Суждаля, от начала основания онаго, о построении, и о именовании его, и о бывшем прежде в нем великом княжении, и о прочем, до того принадлежащем, до 1796 г. из разных летописей ради любопытных собранное и в свободное время сочиненное, а в 1800 г. потребным на некоторыя места изъяснением дополненное".

Публикация включает в себя первую главу первой части "Исторического собрания" и краткое обозрение остальных 14 глав этой части, а также второй и третьей частей.

Рукопись, послужившая основанием для публикации, не найдена. В книге учета имущества суздальского Рождественского собора (раздел "Библиотека"), составленной в 1815 г., "Историческое собрание" не учтено⁵.

В опубликованном тексте мало конкретных указаний на использованные автором источники. Цитируются два послания архиепископов суздальских: царю Михаилу Федоровичу (1645 г.) и царю Федору Алексеевичу (1678 г.). О первом из этих документов сказано, что копия его, заверенная преосвященным Серапионом, хранится в соборной ризнице, а о месте хранения второго документа не сказано ничего.

В комментариях к отдельным частям "Собрания" Макаров выделяет те сведения, которые представляются интересными ему самому: "За сим следует Алфавит прежде находившимся единственно в Суздальской епархии, то есть в Суздальском, Юрьеве-Польском и Шуйском уездах, селам. Из них я почитаю любопытнейшими: 1-е - городища, 2-е - погосты и 3-е - селения с коренными древними славянскими, равно также и с иностранными именами. Все таковые здесь выписаны..."⁶ Далее дается список селений по классификации Макарова, а не автора. Сам того не сознавая, Макаров нарушил цельность географического и топонимического источника.

Продолжая описание "Собрания", Макаров обращается к читателям: "Разсматривая третью часть Летописца, вы увидите приложенный к первой главе оной чертеж или план города Суздаля с показанием некоторых древних мест, как-то на пример: великокняжеских увеселительных теремов, дворцов и проч."⁷ Такой план, несомненно, представлял бы интерес для археологов, исследователей постройки древних городов и этнографов, но Макаров его не скопировал.

Фрагментарность публикации не дает возможности оценить содержание рукописи в целом и затрудняет привязку сведений к датам. Пользоваться "Собранием" как источником сведений по истории Суздаля и епархии можно, по-видимому, лишь с большим оговорками.

Макаров утверждает, что автором "Исторического собрания" был "коренной суздальский житель, какой-то трудолюбивый

секретарь и богомолец Воронов", однако не уточняет, в каком контексте упоминается в рукописи его имя. В пересказе содержания рукописи Макаров называет Воронова "историком", "сочинителем", "автором", "стариком Вороновым", "богомольцем секретарем", "секретарем-богомольцем" и "г.секретарем".

Подворные переписи Суздаля 1709 и 1710 гг. Вороновых среди суздальских жителей не зафиксировали. Суздальские книги - Купеческая (1722-1724 гг.) и Обывательская (1788-1791 гг.) также не содержат сведений о Вороновых.

Полные списки монахов суздальских мужских монастырей (Спасо-Евфимьева и Васильевского) за XVIII в. не найдены. Из всех воеводских книг, составлявшихся в XVIII в. в городах, приписанных к Суздальской епархии, лишь книга г. Шуи числит в 1710 г. Вороновых помещиками в Шуйском уезде: "Стольника Петра Осипова сына Воронова село Богородское, Волокобино тож, деревня Лопырево, деревня Лошковка, деревня Высоково"⁸.

Как явствует из допроса, снятого в Синоде со старца Павла Воронова в конце 1723 или в начале 1724 года, Воронов происходит из московских дворян, в мире назывался Петром, служил стольником и десять лет тому назад по обещанию постригся в монашество и жил в Суздале в Спасо-Евфимьевом монастыре; от роду ему 71 год. 14 января 1724 г. Синод постановил: "По требованию монаха Павла Воронова, жить ему Суздальской епархии в Троицком Шуйском монастыре в братстве до кончины жизни неисходно"⁹.

После упразднения Троицкого Шуйского монастыря "за неимущество братства и монастырских служителей" в 1732 г. монах Павел Воронов вновь был отправлен в Суздаль и определен в братство Спасо-Евфимьева монастыря¹⁰.

А.В.Елпатъевский сообщает: "В сентябре 1732 г. в указе "Об устройстве монашествующих" Синод отмечал, что, несмотря на предыдущий указ, в сентябре нет сведений о монахах по монастырям и предписывал всем монастырям составить реестры, "кто именно и где обретаются монахи и монахини, и как зовутся по прозваниям и из каких светских чинов в монашество пришли", их возраст и число лет от

пострижения, где принято монашество, сколько лет пребывает в данном монастыре и каким ремеслом владеет..."¹¹

Стольник Петр Воронов, очевидно, служил в Москве в одном из приказов до 1713 г. (в этом году столица была перенесена в Санкт-Петербург) и, возможно, исполнял какую-то секретарскую должность. Приняв в том же году монашество, Воронов жил до 1724 г. в Суздале, затем до 1732 г. в Шуе, а последние годы жизни — снова в Суздале. В соответствии с указом Синода "Об устройстве монашествующих", Воронов после 1732 г. уже мог добавлять к своему монашескому имени и положению ("богомалец") еще и "как зовется по прозванию и из каких светских чинов в монашество пришел", — то есть быть "богомольцем и секретарем Вороновым", суздальским жителем.

Предположение Р.П.Дмитриевой о том, что, возможно, труд Воронова послужил одним из источников для "Исторического собрания о богоспасаемом граде Суздале" А.Федорова¹², обретает в этих условиях поддержку. В самом деле, — Воронов поселился в Суздале тогда, когда Анании Федорову было только 4 года. Он был достаточно грамотен, деловит и напорист — иначе не стали бы его держать на царской службе до 60 лет. Монастырский режим позволял заниматься сбором материалов по истории Суздаля и епархии, и Воронов мог быть первым из тех, кто эти материалы свел в единое собрание.

Не следует, по-видимому, пренебрегать и таким предположением: "Летопись о построении града Суздаля", опубликованная Н.И.Новиковым, есть сочинение Воронова. Правда, при условии, что Воронов дожил до времени правления императрицы Елизаветы Петровны (в 1742 г. ему должно было быть 90 лет).

В 1825 г. К.Калайдович и П.Строев, описывая рукописи из библиотеки Ф.А.Толстого, отметили наличие в ней "Исторического собрания о богоспасаемом граде Суздале" как сочинения ключаря суздальского собора Анании Федорова¹³. Список "Собрания" из библиотеки Ф.А.Толстого не найден, поэтому невозможно судить о том, почему Анании Федорову приписана роль автора рукописи.

В 1827 г. митрополит Евгений (Болховитинов) назвал Аналию Федорова сочинителем "Исторического собрания", ссылаясь на то, что в библиотеках Н.П.Румянцева и Ф.А.Толстого имеются списки "Собрания", автором которого признан А.Федоров¹⁴.

В 1842 г. А.Востоков, описывая рукопись "Собрания", находящегося в Румянцевском музее, заметил: "В настоящем списке собиратель не наименован; но имя и звание его известны из "Описания рукописей" графа Толстого, где это самое сочинение имеется в Отдел. IУ под № 34. Здесь только под предведомлением собирателя подписано имя и звание его монограммами: "всех всегда наименьший раб и всегдашний богomoлец А.К.Р." вероятно читать должно: "Аналия Ключарь Рождественский"¹⁵. Заканчивая описание этой рукописи, А.Востоков указал, "что "Суждальский летописец", о коем в 20 номере "Вестника Европы" за 1821 г. сообщено сведение, и коего собирателем назывался какой-то "секретарь Воронов" есть не иное что, как список с настоящего сочинения ключаря Аналии, в некоторых только статьях распространенный и доведенный до новейших времен"¹⁶.

В 1851 г. во Владимирских губ. ведомостях появилась статья правнука Аналии Федорова — Е.Знаменского. Утверждая авторство своего прадеда в сочинении "Собрания", Е.Знаменский ведет речь о подлиннике рукописи: "Летопись эта, писанная в лист, рукою сочинителя, прекрасным четким и правильным полууставом, состоит из трех частей"¹⁷. И далее: "Летопись Аналии Федорова была подлинником требована в 1825 году в Императорскую Академию Наук, где оставлена с нее копия как для Академии, так и для Румянцевского музея древностей, и потом с письменною благодарностью возвращена через год моему родителю, получившему эту летопись от своего тестя, сына Аналии, суздальской Козмодамианской церкви священника Никифора Анаяева. Более списков верных с летописи нигде нет, а если и попадаются, то неверные или носящие это название". О дальнейшей судьбе рукописи, которую Е.Знаменский называет подлинником, в статье ничего не сообщается.

Появлению статьи Е.Знаменского предшествовало несколько публикаций, имевших в своей основе сведения, явно заимствованные из "Исторического собрания" и снабженные комментариями авторов. Н.Шаганов, купец и собиратель материалов по истории Владимирской губернии, публикует в 1847 г. сообщение "О древних гробницах в Суздале"¹⁸, сведения о которых содержатся в списке "Собрания", находившегося в то время в Румянцевском музее. Если принять во внимание, что список этот не публиковался, то получается, что Шаганов располагал данными какого-то другого списка, идентичного "румянцевскому".

В 1848 г. Д.Кислинский опубликовал статью "История Суздаля и его древностей"¹⁹, где практически пересказал содержание "Собрания", не называя точно источник, но неоднократно осылаясь на некий Летописец: "по сказанию Летописца...", "Тут, говорит Летописец..." и т.п.

В 1849 г. иеромонах Иоасаф начал публикацию во Владимирских губернских ведомостях серии статей под общим заголовком "Суздальские достопамятности". В "Предуведомлении" Иоасаф пишет: "Бывшего суздальского кафедрального Рождественского собора ключарь Анания Федоров составил опись, назад тому около 80 лет обо всем, что было и есть достопамятного в Суздале"²⁰. В подстрочном примечании автор указывает на публикацию "Летописи" в "Древней Российской Вивлиофике" и добавляет: "Таковую же летопись около 70 лет тому назад составил и секретарь Воронов, суздальский житель". Во втором примечании, относящемся к составленной А.Федоровым "описи", Иоасаф указывает: "Списки с этой летописи находятся в библиотеках канцлера графа Румянцева, графа Толстого (см. Словарь Исторический о духовных писателях. Т. I. Стр.34) и у некоторых обывателей суздальских".

В 1850 г. В.Доброхотов, редактор Владимирских губернских ведомостей, поместил в этой газете свою статью о суздальской Дмитриевской церкви, где говорится: "Суздальский летописец прошедшего столетия Анания Федоров пишет:...". Далее следует большая цитата из "Исторического собрания"²¹.

Этих примеров достаточно для представления о возрас-
ставшем в первой половине XIX в. интересе к истории Суздаля
и епархии среди различных слоев населения Владимирской гу-
бернии и о распространении в этой связи списков "Историчес-
кого собрания". Упоминания Знаменского и Иоасафа о хожде-
нии копий с сочинения А.Федорова среди жителей Суздаля и
заинтересованность собирателей древностей в приобретении
"Собрания" побудили нас к поискам в архивах, книгохранили-
щах и в справочной литературе самих списков или сведений о
них. Результаты поисков могут быть сведены в следующий пе-
речень.

1. Книгохранилище Владимиро-Суздальского музея-запове-
дника (далее - ВСМЗ). В-29600/1477. "Анания Федоров. Ис-
торическое собрание о граде Суждале". Середина XIX в. Фи-
лигрань "ФКНГ" с датой 1826 и 1838 гг. В 2^о (32,5x21 см),
скоропись, 121 л. Переплет XX в., картонный с корешком из
холста. Надписи: 1. "Книга принадлежит суздальскому гражда-
нину Александру (неразборчиво) Шершеву" - на обороте верх-
ней крышки переплета. 2. "Суздальского Богородице-Рождест-
венского собора" - на верхней крышке переплета, на первом
нумерованном и на последнем листах. Печать: "Владимирский
Гос. Областной музей" - на последнем листе. Название на
верхней крышке переплета: "Анания Федоров. Суздальский ле-
тописец XVIII в." Предупреждения нет. На листе 97 об. -
"Чертеж города Суздаля крепости кремля".

2. ВСМЗ, В-29003. "Историческое собрание о граде Суж-
дале". Автор и переписчик не указаны. Скоропись. В 4^о
(20?3 x 16,5), 126 л. Вторая половина XVIII в. На л. 124 об.
надпись красными чернилами: "Сия книга принадлежит прото-
попу Михаилу Степановичу Снегиреву". Книга приобретена у
внучки М.С.Снегирева - Ольги Владимировны Снегиревой - со-
трудниками суздальского филиала музея в 1983 г. В конце
книги вклеено 3 листа машинописного текста под заголовком:
"Добавления к истории А.Федорова, найденные И.М.Стаховским
в Рукописном отделе Румянцевского музея". И.М.Стаховский
работал в Отделе рукописей ГБЛ в 1950 г.

3. ВСМЗ, В-6675. "Историческое собрание о древностях града Суждала, состоящее в краткости". В 4^о, 13 л. Конец ХУШ в. Сведения в списке приведены к 1786 г. Автор и переписчик не указаны. На нижних полях листов переходящая надпись, частично срезанная при переплете: "Сия книга...суздальского купца...Матвеева сына Бибанова". На л.13 об. надпись: "Сие описание о древностях града Суждоля списанное от его высокородия господина полковника Ивана Афанасьевича Владыкина". Владыкины - помещики Суздальского уезда.

4. ВСМЗ, В-6675. "Историческое собрание о граде Суждале о построении и именовании его и о бывшем в нем великом княжении и о прочем ради любопытных собранное вкратце". В 4^о, приплетено к предыдущей тетради (см. № 3) под общей обложкой (л.14-134). Конец ХУШ в. Автор и переписчик не указаны. На нижних полях переходящая надпись, частично срезанная при переплете: "Сие Историческое собрание о граде Суждале, о построении и о именовании его и о бывшем в нем...суздальского купца ... Матвеева сына Бибанова". Рукопись начинается "Предуповедением". На л.120 - чертеж по фундаменту соборной церкви Рождества Богородицы с обозначением мест захоронения разных особ.

Оба списка за № В-6675 писаны одним почерком. Скоропись, приближенная к полууставу.

5. Государственный архив Владимирской области. Отдел редких книг. Подотдел рукописей. № 28450. "Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале, о построении и о именовании его и о бывшем прежде в нем великом княжении и о прочем к тому потребном ради любопытных собранное из различных показаний вкратце". В 2^о, 10 л. Пронумерована постранично (1-20). Начинается Предуповедением. На с.2 запись: "Онны летописец писан суждальским соборным священником и ключарем Ананием Федоровым, около 1740 г. А я, суждальский соборный диакон Петр Виноградов, списывал с него 1853 года. Начал писать апреля 27 дня, а кончил июня 22 дня". На с.20 штамп: "Библиотека Владимирской духовной семинарии". Рукопись включает в себя первую, вторую и часть

третьей главы первой части "Собрания". Последняя запись о епископе Серапионе: "О нем свидетельство: в Степенной владимирской, и в надгробных тамо листах".

6. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (далее – РГБ). Ф.256, № 5. "Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале, о построении и о именовании его и о бывшем прежде в нем великом княжении и о прочем к тому потребном ради любопытных собранное из различных показаний в кратце". На 205 л. Описан А.Востоковым (см. прим.14).

7. РГБ. Ф.178. № 2764. "Историческое собрание из разных летописей и повествований о граде Суздале, о построении и о именовании его, и о бывшем прежде в нем великом княжении и о прочем до него следующем". Рукопись начала XIX в. Скоропись. 112 л. (31,2 x 21,3). Сведения приведены к 1803 г. Автор и переписчик не указаны. Предупреждения нет. На обратной стороне верхней крышки переплета надпись: "1882 г. От А.Г.Кольчугина. Вход. № 2764". Ниже экслибрис: "Московского Публичного и Румянцовского музеев. № 2764". Описание рукописи имеется в Музейном собрании РГБ. М., 1961. Т.1. С.360).

8. РГАДА. Ф.188. Оп.1. Ед.хр.164. Л.1–35. "Суздальский летописец". Подзаголовок: "О богоспасаемом граде Суздале: историческое собрание о построении и именовании его, о бывшем в нем великом княжении и о прочем". Рукопись 1838 г., включает два самостоятельных произведения: 1) л.1–26 – сокращенный вариант "Исторического собрания" Анании Федорова: "писано с летописца, хранящегося в суздальской соборной ризнице"; 2) л. 26 об.–34) – "Выписки из других летописцев, собранных в 1783 году". Рукопись 2^о, первая часть выполнена одним почерком с подписью в конце: "Суздальского Рождественского собора священник Иоанн Грацилевский". "Выписки из других летописцев" предварены замечанием И.Грацилевского: "Отсель писал Ильинский священник Петр Добродельнев". На л.35 чертеж суздальского собора с приделами. В тексте рукописи имя Анании Федорова не упоминается

Списки "Исторического собрания" упомянуты в следующих публикациях:

1. Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке Ф.А.Толстого. М., 1825. С.630. № 34. "Историческое собрание о боіоспасаемом граде Суздале, о построении и о именовании его, и о бывшем прежде в нем великом княжении и о прочем к тому потребном, ради любопытных собранное из различных показаний вкратце. В трех частях. Сочинение суздальского Богородичного Рождественского собора Анании Федорова; на 103 листах". Список РНБ.

2. Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке Ф.А.Толстого. М., 1825. С.637. № 50. "Отрывок Исторического собрания о Суздале. См. выше № 34. На 8 листах". Список РНБ.

3. Альшиц Д., Шапот Е. Каталог русских рукописей Эрмитажного собрания. Л., 1960. С.143. "Сокращенное описание знаменитого в древности града Суздаля от начала его основания до настоящего 1783 года из разных летописей в свободное время собранное. Список. К нему приложены списки 4 грамот, данных попам соборной церкви св.Дмитрия во Владимире. Почерком М.М.Щербатова вставлены пропущенные писцом слова, а в конце его же помета: "Списана во Владимире". 122 л.; 19,5 x 16,2. № 267". Список РНБ.

4. Соколов Е. Библиотека Императорского Общества истории и древностей Российских. Вып.2. Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 г. // ЧОИДР. М., 1906. Кн.1. С.402. № 539. Выписки из Суздальского соборного летописца избранные. Писано в 1823 году. В лист, на 7 листах. На обороте 7 листа: "Его высокородию милостивому государю Павлу Петровичу честь имеем представить выписки сии с истинным почитанием и преданностию. Суздальского собора протоиерей Дмитрий Смирнов. Сентября 10 дня 1823 г.". Список РНБ.

Даже если принять во внимание этот далеко, по-видимому, неполный перечень, можно усмотреть, что в ризнице суз-

дальского собора постоянно находился один из списков "Собрания", с которого делались выписки того или иного объема. Списки, датированные XVIII в. и первой четвертью XIX в. (в перечне № 2, 3, 4, 7, II и I2), не называют Ананию Федорова автором "Собрания". Имя же Воронова как составителя "Собрания" было названо лишь М.Макаровым в 1821 г. и больше никем не повторено, хотя и М.Макаров, и И.Грацилевский, и Д.Смирнов пользовались, по их словам, списком, хранившимся в соборной ризнице.

Рукописная традиция "Собрания" не изучалась. Лишь И.М.Стаховский (1892–1952 гг.) занимался сличением списков. В "Листе использования рукописи" (РГБ. Ф.256. № 5) им сделана запись в марте 1950 г.: "Просмотрена и сравнена с другими списками, в частности, с Кольчугинским (№ 2764. Собр. Рум. Музеума)". Труды Стаховского не изданы²². Планировалось передать его архив в Отдел рукописей РГБ, но дело это не было завершено. Местонахождение архива Стаховского неизвестно.

Публикация "Исторического собрания" состоялась в 1855 г.²³ Рукопись, предложенная для публикации, писана в 1846 г., принадлежала священнику суздальской Смоленской церкви Иоанну Грацилевскому и была доставлена в Московское отделение Императорского Общества истории и древностей Российских Я.А.Соловьевым. Под общим заголовком "Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. О построении и о именовании его, и о бывшем прежде в нем великом княжении, и о прочем к тому потребном ради любопытных собранное из различных показаний в кратце" опубликовано два разных списка.

Первый список (с. I–II, I–198) является собственно "Историческим собранием": с "Предупреждением", полным составом частей и глав и заключением. Автором назван ключарь суздальского собора Анания Федоров. В подстрочном примечании на стр. II сделано предположение, что А.Федоров писал это "Собрание" в 1754 г. Рукопись, послужившая основанием для публикации, не найдена. Второй список (с. 199–206) озаглавлен: "Выписка из другого летописца" и имеет название

"Краткое собрание о богоспасаемом граде Суждале, о древности его, о княжении, о соборной церкви и о преосвященных епископах, архиепископах и митрополитах из различных летописцев сочиненное с 773 года по 1763 год. Итого 990 лет". Сведения в списке приведены к 1850 г. Автор, переписчик и владелец списка не указаны. Рукопись не найдена.

По объему сведений, заключенных в "Собрании", данная публикация превосходит не только две предыдущие, но и любой из известных рукописных вариантов. Качество сведений гарантируется ссылками на множество источников и оговорками, если за источник принята легенда. Перечисление всех использованных источников заняло бы слишком много места, достаточно назвать лишь часть их — упомянутых на первых 20 страницах (сохранена терминология автора).

1. Представление письменное в 7151 году благочестивейшему Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу Самодержцу Всероссийскому от бываго в Суждале преосвященного Серапиона архиепископа Суздальского и Тарусского (с.5).

2. Книга правильная кормчая печатная (с.6). Правильная Кормчая печатная книга, лист 9 на обороте (с.18).

3. Грамота, данная преосвященному Илариону митрополиту Суздальскому на митрополию (с.6).

4. Патерик Печерский, листы 92, 113 (с.7). Патерик Киевопечерский, послание святителя Симона епископа Владимирского и Суздальского к блаженному Поликарпу, лист 267 на обороте (с.20).

5. Книга Степенная Российская, степень пятая, грань пятая, глава первая. Той же степени глава шестая (с.8). Той же степени глава пятая. Той же пятая степень, глава девятая (с.9). Книга Степенная, степень 6, грань 6, титла 10. Той же титлы глава 12-я (с.11). Книга Степенная, степень 8, грань 8, глава 3 (с.13). Книга Степенная, II степень, грань II, глава II. Книга Степенная, 12 степень, грань 12, глава 4. В той же степени глава 8. В Степенной, в степени, грань 13, глава 4 (с.14). 13-я степень

глава I2 (с. I5) Степенная Российская письменная о крещении России, грань I, степень I, глава 42 (с. 20).

6. Житие святителя Иоанна (с. I5).

7. Житие преподобного Евфимия архимандрита (с. I5).

8. Житие преподобной благоверной Княжны Ефросинии Суздальской чудотворицы (с. I5).

9. Родословие Государя Царя и Великого Князя Василия Иоанновича, рекомого Шуйского (с. I5).

10. Описные города Суздаля стройные 6960 году книги (с. I6).

II. Данная грамота по указу благочестивейшего Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича Самодержца Всероссийского Суздальской соборной церкви Рождества Пресвятыя Богородицы протопопу с братиею (с. I7).

II. Синописис Российский, печатный в I735 году в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук третьим тиснением, страница сотая (с. I9).

I2. Надписание, писанное на стене в 7I43 году (с. I9).

I3. Жития святителей Ростовских Леонтия и Исайи чудотворцев (с. 20).

I4. Пролог Киевопечерский (с. 20).

Значительную ценность представляют собой статистические, топонимические, географические сведения, личные наблюдения автора, описания монастырей и церквей и материалы о деятельности суздальских епископов, архиепископов и митрополитов. Российские историки почти безоговорочно приняли "Историческое собрание" в качестве источника для своих работ, посвященных изучению прошлого Владимиро-Суздальского края.

Фактически на основе "Собрания" иеромонах Иоасаф создал свой труд о суздальских церковных достопамятностях²⁴. Много сведений о суздальских монастырях и церквях включил в "Историю русской церкви" архиепископ Макарий (Булгаков), ссылаясь на "Историческое собрание"²⁵. Некоторые сведения о Житиях суздальских святых использовал В.О. Ключевский²⁵. Исследуя историю Суздальского княжества, А.В. Экземплярский также обращался к "Историческому собранию"²⁷.

После 1917 г. интерес к труду Анании Федорова упал. "Собрание" стало использоваться утилитарно – главным образом в целях музеефикации Суздаля. Имя Анании Федорова оказалось почти забытым. Так, на предложение о присвоении имени Анании Федорова одной из улиц Суздаля Владимирский обл-исполком ответил: "Присваивать имя А.Федорова одной из улиц г.Суздаля нецелесообразно, ибо в один ряд с национальным героем Д.М.Пожарским, декабристом Шаховским, создателем русского фарфора Виноградовым, создателем суздальской партийной организации, первым председателем исполкома г.Ирининим, орденоносцем Ленина заслуженным деятелем искусств РСФСР, первым почетным гражданином г.Суздаля А.Д. Варгановым и др., чьи имена носят улицы города, его просто не поставить. Несоизмеримы, неравноценны заслуги"²⁸.

К настоящему времени известны лишь основные вехи жизни Анании Федорова. Он родился в Суздале в начале октября 1709 г. Получил воспитание, причисляющееся к сыну приходского священника, служил в суздальских церквях чтецом, пономарем, а в 1743 г. – после женитьбы – был рукоположен в дьяконы. В 1745–1747 гг. был в Петербурге при суздальском епископе Симоне, состоявшем членом "постоянного присутствия" синода. По возвращении в Суздаль получил сан священника и должность в Казанской церкви. Примерно с 1752 г. исполнял обязанности ключаря Рождественского собора. Скончался 26 декабря 1761 г. и был погребен в паперти Казанской церкви²⁹.

Возрождение интереса к краеведению позволяет надеяться, что "Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале", его рукописная традиция, автор и редакторы станут объектами специального глубокого исследования.

1 Новиков Н. Древняя Российская Вивлиофика. М., 1791. Изд.2. Т.ХІХ. С.358–367.

2 Дамский журнал. М., 1829. Ч.ХХVI. № 18. С.75.

3 Макаров М. Суздальский летописец // Вестник Европы. М., 1821. № 20. С.274–301.

- 4 Там же. С.274.
- 5 Архив суздальского филиала Владимиро-Суздальского музея. Описание документов Ризположенского монастыря, ед. хр.135. Книга учета имущества суздальского Рождественского собора.
- 6 Макаров М. Суздальский летописец. С.290.
- 7 Там же. С.295.
- 8 РГАДА. Ф.350. Оп.3. Ед. хр. 469. Л.389.
- 9 ОДЛАС. Т.Ш. СПб., 1878. С.661. № 608/283.
- 10 РГАДА. Ф.1203. Оп.1. Вяз.113. Ед.хр.112, л.1-1 об., ед. хр.123. Л.1-2.
- 11 Елпатьевский А. Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности в Царской России (XIII-начало XX в.). // Источниковедение отечественной истории, 1984. М., 1986. С.37.
- 12 Дмилева Р. Библиография русского летописания. М.-Л., 1962. С.22.
- 13 Калайдович К., Строев П. обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Ф.А.Толстого. М., 1825. С.630, 637.
- 14 Евгений /Болховитинов/. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. СПб., 1727. Изд.2. Т.1. С.34.
- 15 Востоков А. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. С.7-9.
- 16 Там же. С.9.
- 17 Знаменский Е. Анания Федоров. Владимирские губернские ведомости, 1851, № 2.
- 18 Шаганов Н. О древних гробницах в Суздале // Нижегородские губернские ведомости. 1847. № 40.
- 19 Кислинский Д. История Суздаля и его древностей // Прибавление к ЖМНП, 1848. Кн.2. Труды воспитанников учебных заведений. С.19-47.
- 20 Иоасаф, иеромонах. Суздальские достопамятности // Владимирские губернские ведомости. 1849. № 3.
- 21 Доброхотов В. Дмитриевская церковь в г. Суздале // Владимирские губернские ведомости. 1850. № 28.
- 22 Рогов А. Забытый историк Суздальской земли (научное наследство И.М.Стаховского) // Археографический ежегодник, 1973. М., 1974. С.238-241.
- 23 Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале // Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских. Кн.22. 1855. Отд.П. С.1-П, 1-210.

- 24 Иоасаф, иеромонах. Церковно-историческое описание суздальских достопамятностей. Чугуев, 1857.
- 25 Макарий /Булгаков/. История русской церкви. СПб., 1857. Т.Ш. С.40, прим.90; Т.ІУ. Кн.І. С.192, прим.254; С.212, прим.293.
- 26 Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С.233, 284.
- 27 Экземплярский А. Великие и удельные князья Северной Руси в Татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т.І. С.377-378.
- 28 Исполком Совета народных депутатов Владимирской обл. Управление культуры. Иск. № 564 от 29 июня 1987 г.
- 29 РГАДА. Ф.350. Оп.І. Ед. хр.392. Л.5; Знаменский Е. Анания Федоров; Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т.18. С.492.

"ОН В СТАРОМ МУНДИРЕ ВРЕМЕН ПЕТРА I-ГО..."

(Комментарий к мемуарному свидетельству, записанному
А.С.Пушкиным со слов И.И.Дмитриева)

Летом 1833 г. Пушкин встречался и беседовал с поэтом Иваном Ивановичем Дмитриевым (1760-1837), расспрашивая его — как свидетеля Пугачевского восстания — о событиях и людях той поры и прежде всего об Емельяне Ивановиче Пугачеве. Пушкин записал устные рассказы Дмитриева и использовал их в "Истории Пугачева" и в секретных "Замечаниях о бунте"[¶], посланных 26 января 1835 г. Николаю I. В черновике "Замечаний о бунте" Пушкин, ссылаясь на показание Дмитриева, саркастически изобразил двух персонажей своей "Истории" в сценке из светской жизни российской провинции того времени, когда она не была еще встревожена грохотом пугачевских пушек:

"Ив.Ив.Дмитриев описывал мне Корфа как человека очень простого, а жену его как маленькую и старенькую дуру; муж и жена открывали всегда губернаторские балы маневетом à la reine^{¶¶}. Он в старом мундире времен Петра I-го, она в венгерском платье и в шляпе с перьями" (IX, 476)^{¶¶¶}.

В тексте этом речь идет о бригадире Алексее Алексеевиче Корфе (1712-1786) и его жене Марии Карловне (1720-1790). Бригадир Корф последние двадцать лет его жизни, включая и времена "Пугачевщины" (1773-1775), служил в гарнизонных войсках Оренбургской губернии, занимая пост коменданта Верхне-Озерной дистанции укреплений по правому берегу Яика (Урала).

[¶] Помимо того, в восьмой главе "Истории Пугачева" и в примечаниях к ней Пушкин, воспользовавшись разрешением Дмитриева, привел из неизданных его воспоминаний рассказ о казни Пугачева. Следует заметить, что воспоминания Дмитриева "Взгляд на мою жизнь" впервые были изданы в 1866 г.

^{¶¶} Королевский менуэт.

^{¶¶¶} Пушкин не включил этот текст в беловой экземпляр "Замечаний о бунте".

То, что в пушкинском изложении супружеская чета Корфов открывала собою губернаторские балы, не может не вызывать сомнения. В действительности же Корф по его должности не мог, конечно, предводительствовать губернаторскими балами, дело это было "штатной" обязанностью и привилегией губернатора. Поначалу можно было предположить, что упоминание Корфа связано с какой-то ошибкой, то ли с обмолвкой Дмитриева, то ли с опиской Пушкина. Но в том то и дело, что Пушкин вполне обдуманно назвал Корфа: включенный в черновик "Замечаний о бунте" рассказ о Корфе и его супруге, "всегда" открывавших собою губернаторские балы, судя по ремарке Пушкина — "Стр.64", должен был служить комментарием к соответствующей странице первого издания "Истории", где речь идет о тех же Корфах. Здесь сообщалось, что в конце ноября 1773 г., когда Пугачев подошел со своим войском к Верхне-Озерной крепости, ему "непреренно хотелось кк взять, тем более, что в ней находилась жена бригадира Корфа", с которой он намеревался расправиться в отместку за коварство ее мужа. (За пару недель до того бригадир Корф, находившийся в осажденном Оренбурге, предпринял попытку обмануть Пугачева лживыми переговорами, подослав к нему казака "с предложением о сдаче Оренбурга и с обещанием видти к нему навстречу", с тем, чтобы внезапно схватить его. Пугачев подъехал было к Оренбургу, но "усумнясь в искренности предложений", скоро возвратился в свой лагерь)¹.

Обратимся к прежде высказанному нами утверждению, что Дмитриев в беседе с Пушкиным, вспоминая губернаторские балы допугачевского времени, имел в виду не Корфа, а какого-то знакомого ему губернатора. Может быть, то был генерал-поручик Иван Андреевич Рейнсдорп, управлявший Оренбургской губернией в 1768—1781 годах? Предположение это следует отклонить, потому что Дмитриев в молодые его годы да и позднее в Оренбурге не бывал и, следовательно, не был знаком с Рейнсдорпом, а также и с Корфом, служившим под начальством Рейнсдорпа в той же Оренбургской губернии и не выезжавшим из нее. Поисковым ориентиром к установлению имени

и места службы неведомого губернатора послужили мемуары Дмитриева, посмертно опубликованные в 1866 г. В мемуарах этих Дмитриев писал, что в детские свои годы он жил в Казани². А в допугачевскую пору губернаторами в Казани служили: с 1764 по лето 1770 г. действительный статский советник Андрей Никитич Квашнин-Самарин, а с 1770 по середину 1774 г. генерал-поручик (с 1773 г. генерал-аншеф) Яков Ларионович Брант.

По мнению известного пушкиниста Ю.Г.Оксмана, истинными персонажами пушкинского рассказа, записанного со слов Дмитриева, были Брант и его супруга: именно они и открывали своими менуэтами губернаторские балы в Казани. Комментируя пушкинскую запись, Оксман заметил, что в тексте имеется, видимо, описка: вместо ошибочно упомянутого "Корфа" правильное следовало бы назвать "Бранта"³. Это суждение справедливо, однако, лишь наполовину, в первой его части: нельзя не согласиться с тем, что Корф назван в пушкинской записи по описке, но в то же время ошибочно подменять Корфа Брантом, как это было сделано Оксманом, причем без какой-либо аргументации.

То, что Брант и его супруга не могли фигурировать в пушкинской записи, видно из следующих фактических оснований:

Первое. Из опубликованных мемуаров Дмитриева известно, что он был вывезен из Казани отцом в симбирскую его вотчину (село Богородское Сызранского уезда) летом 1769 г.⁴ И лишь год спустя, в июле 1770 г., приехал на губернаторство в Казань Яков Ларионович Брант⁵ (1714-1774) и пробыл на этом посту четыре года, по день своей смерти, последовавшей 3 августа 1774 г.⁶ Что же касается семьи Дмитриевых, она все время казанского губернаторства Бранта безвыездно жила в симбирской вотчине, которую оставила в июле 1774 г., поспешно бежав в Москву по получении известий о приближении войска Пугачева⁷. Из сказанного следует, что И.И.Дмитриев не мог видеть и знать ни Бранта, ни его жену.

Второе. Пушкинская запись характеризует губернаторшу как "маленькую и старенькую дуру". Оставляя в стороне данные о росте и умственных способностях губернаторши, заметим, что характеристика — "старенькая" никак не приложима к жене Бранта — Анне-Катарине, урожденной Краузе (1735—1815). Она вступила в брак с Брантом в ноябре 1768 г. в возрасте 33 лет и в пору супружества с ним (1768—1774) все еще оставалась женщиной "бальзаковского" возраста. Ничего нельзя сказать о ее уме, но, видимо, была она наделена житейской хваткой: ведь Я.Л.Брант был уже третьим ее мужем (в первом браке была за Густавом Эссенем, во втором — за Фридрихом Эмме)⁸. Как бы то ни было, но, вопреки версии Ю.Г.Оксмана, Анна-Катарина Брант не была той губернаторшей, которую изобразил Пушкин в своей записи.

Несомненно, что реальными персонажами пушкинского рассказа были казанский губернатор А.Н.Квашнин-Самарин и его супруга, которых мог видеть и знать И.И.Дмитриев в юные годы его жизни в Казани в конце 1760-х гг. Поскольку в литературе встречаются лишь отдельные, крайне отрывочные упоминания о Квашнине-Самарине и его жене, есть необходимость привести здесь более полные биографические справки о них, основанные преимущественно на неопубликованных документах, выявленных в архивах.

Андрей Никитич Квашнин-Самарин родился в 1718 г. и был младшим сыном в семье Никиты Тимофеевича и Марфы Андреевны, людей среднего достатка, владевших небольшим поместьем в Новгородском уезде. 12-летним юнцом Андрей Квашнин-Самарин начал службу комнатным пажом при дворе царевны Прасковьи Ивановны, а с апреля 1732 по апрель 1740 г. обучался в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, из которого выпущен полковым адъютантом в армию⁹. При выпуске он получил аттестат, в котором отмечались его хорошие познания в арифметике, тригонометрии, географии, истории, немецком и французском языках ("с российского на немецкий переводит хорошо..., в немецком штиле пишет хорошо и говорит изрядно... по французски читает и экспликует* на российской и говорит,

* То есть переводит.

и при том учит грамматику и пишет хорошо"), продемонстрировал он успехи и в фехтовании ("в фехтовании лекционы^к принимает хорошо") и в танцах ("танцует балет"), в военной же топографии проявил меньшее прилежание ("рисует ландшафты тушью посредственно")¹⁰.

С апреля 1740 г. Квашнин-Самарин служил адъютантом в Ингерманландском пехотном полку, в составе которого участвовал в русско-шведской войне и, в частности, был в бою под Вильманстрандом (23.УШ-1741), при взятии Фридрихсгама (28.УІ.1742) и Гельсингфорса (24.УШ.1742). Вскоре начальству потребовался молодой офицер, сносно владевший европейскими языками и обладавший светскими манерами. Выбор пал на Квашнина-Самарина, оставив свой полк, он в начале 1743 г. прибыл в Петербург и был определен на должность переводчика - "немецкого секретаря" к президенту Военной коллегии генерал-фельдмаршалу князю В.В.Долгорукову. Несколько месяцев спустя, в ноябре того же года, Квашнин-Самарин получил новое и, пожалуй, более выгодное назначение - в Коллегию иностранных дел, на пост адъютанта-переводчика к вице-канцлеру графу М.И.Воронцову, при котором и находился около четырнадцати лет, до марта 1757 г. Формально все это время он продолжал числиться на армейской службе, состоял в штатах сперва Ингерманландского, а с 1751 г. Кексгольмского пехотных полков. Воронцов не раз ходатайствовал об офицерском чинопроизводстве своего адъютанта, и он последовательно был произведен в чины поручика (1747), капитана (1751), секунд-майора (1757), получая приток соответствующее повышения в жаловании¹¹. Благосклонность Воронцова к Квашнину-Самарину выходила за рамки службы, они были в домашнем приятельстве и дружили семьями. По свидетельству известной мемуаристки Е.Р.Дашковой (родной племянницы М.И.Воронцова), Квашнин-Самарин "принадлежал к числу приближенных моего дяди и бывал у нас положительно каждый день", а он - в свою очередь - принимал Воронцовых в своем доме¹². Такое знакомство открывало выгодные перспективы

^к Речь идет о фехтовальных правилах нанесения и отражения ударов.

для служебной и придворной карьеры Квашнина-Самарина, так как Воронцов через свою жену (урожденную графиню А.К.Скавронскую) был в двоюродном родстве с императрицей Елизаветой Петровной.

Но в 1757 г. случилась осечка. В распре, разгоревшейся между правителями Коллегии иностранных дел по поводу внешнеполитической ориентации России, канцлер граф А.П.Бестужев-Рюмин, хотя и ненадолго, но взял верх над вице-канцлером Воронцовым. Одним из побочных последствий этого происшествия стало то, что Квашнин-Самарин, как ближайший приспешник Воронцова, лишился своего места при вице-канцлере, отошедшем на второй план. В Военной коллегии припомнили, что Квашнин-Самарин давно уже и бесполезно проедал армейский хлеб и решили вернуть его на военную службу. Указом от 31 июля 1757 г. он был определен в Главную провиантскую канцелярию на должность с пышным наименованием - генерал-провиантмейстер-лейтенант, - но в прежнем чине секунд-майора¹³. Затем он получил назначение в действующую армию, находившуюся в Пруссии, но из-за обострения давней болезни, начавшейся еще в 1751 г., надолго задержался в Петербурге. Лечившие его доктора Крузе и Паульсен констатировали в медицинских аттестатах, что он при ненастьях страдает припадками ревматизма, артричными болями в голове и суставах и что ему грозит глухота¹⁴. Несколько подлечившись, он отправился к месту назначения - в Кенигсберг, но добрался только до прибалтийского города Митава, где болезнь снова уложила его в постель. В таком состоянии нечего было помышлять о службе. Квашнин-Самарин возвратился в Петербург и подал прошение об отставке. Однако Военная коллегия отказала ему в этом и в своем указе от 23 октября 1758 г., отметив, что он "летами еще молод и при добром пользовании¹⁵ от болезней вылечиться и к службе способным быть может", и определила: предоставить ему для излечения болезни отпуск на год, после чего явиться в Военную коллегию¹⁵.

* То есть, лечения.

Продолжительное лечение и отдых в течение года не исцелили Квашнина-Самарина. Более того, состояние его здоровья ухудшилось. Это удостоверил доктор Крузе в медицинском заключении, отметив, что его пациент находится в "великой слабости" от застарелых недугов, "всем корпусом дряхл", болезни его неизлечимы и он не может нести воинскую службу¹⁶, 21 января 1760 г. Квашнин-Самарин подал в Военную коллегия челобитную, адресованную на имя императрицы Елизаветы Петровны, просил "от воинской и статской службы отставить вовсе, с награждением за долговременную и беспорочную службу, и отпустить в дом на мое пропитание", мотивируя это свое решение неизлечимостью болезней, от которых он "всеми силами старался" исцелиться, находясь в годовом отпуске, был в "беспременном лечении", но, "вместо чаемого от оных излечения, пришел в такое состояние, что с великим трудом в Санкт-Петербург приехал"¹⁷. (Возможно, что относящаяся к 1760 г. оценка здоровья Квашнина-Самарина была чрезмерно мрачна. По-видимому, состояние его и тогда, и позднее не было столь уж отчаянным, коли он в течение последующих пятнадцати лет провел на ответственных постах в статской службе, а к тому же, судя по воспоминанию И.И.Дмитриева, держал себя молодцом, открывая в паре с супругой губернаторские балы королевским менюэтом). Вернемся, однако, к событиям 1760 г. В середине февраля Военная коллегия уволила Квашнина-Самарина в отставку по болезни, без выплаты пенсии, на собственное "его пропитание"¹⁸. Четыре месяца спустя, 19 июня 1760 г. императрица Елизавета Петровна именным указом, адресованным в Военную коллегия, повелела произвести уволенного в отставку Квашнина-Самарина в чин полковника¹⁹. Обращает внимание редкостная щедрость этого пожалования: сразу из секунд-майоров в полковники, минуя чины премьер-майора и подполковника. Надо полагать, дело не обошлось без ходатайства давнего благодетеля и приятеля М.И.Воронцова, который после недолгой немилости снова вошел в большую силу и даже возвысился, стал кнцлером и членом Конференции при высочайшем дворе. Кстати говоря, указ императрицы относительно пожалования Квашнина-Самарина

был контрассигнован (скреплен) подписью Воронцова.

Выйдя в отставку, Квашнин-Самарин удалился в родовое свое имение - Никольский погост в Новгородском уезде. Но долго отдыхать ему не довелось: указом Сената от 3 ноября 1760 г. он был вызван в Петербург и назначен на службу в Комиссию сочинения Нового Уложения, где "по довольному ево немецкого и французского языков знанию" ему было поручено "разсмотрение" (изучение и комментирование) старинных узаконений Лифляндии и Эстляндии. С марта 1761 г. ему стали выплачивать оклад армейского полковника²⁰. В мае 1761 г. последовало новое назначение: указом Сената он был определен в вице-президенты Штатс-конторы²¹ (центральное финансовое учреждение, ведавшее государственными расходами), где и служил до начала марта 1762 г. В промежутке между двумя этими датами он временно занимал еще один пост: 25 декабря 1761 г. умерла императрица Елизавета Петровна и для церемонии прощания с ней и погребения была создана Печальная комиссия, председателем которой назначили генерал-фельд-маршала князя Н.Ю.Трубецкого, членами - отставного полковника А.Н.Квашнина-Самарина, герольдмейстера Д.И.Лобкова, коллежского советника Ф.С.Голубцова и профессора Я.Я.Штелина²².

Император Петр III указом от 9 марта 1762 г. уволил Квашнина-Самарина из Штатс-конторы и определил в придворное ведомство, пожаловав в церемониймейстеры²³ (рангом выше чина полковника). Обласканный милостью Петра III, он был равнодушным свидетелем его устранения с престола в ходе дворцового переворота 28-29 июня 1762 г. и по всем статьям пришелся ко двору новой правительницы. Екатерина II хорошо узнала и по достоинству оценила светскость, усердие и деловые способности Квашнина-Самарина и, пару лет спустя, когда ей потребовался опытный администратор на губернаторство в Казани, она остановила свой выбор на этом царедворце.

Именным указом императрицы от 24 августа 1764 г. Квашнин-Самарин был назначен губернатором Казанской губернии и одновременно пожалован в чин действительного

статского советника²⁴ (что соответствовало чину генерал-майора). На этом посту он прослужил около шести лет, а в июле 1770 г. переведен на должность губернатора в Нижегородскую губернию.

По указу Екатерины II от 21 апреля 1773 г. Квашнин-Самарин был отозван из Нижнего Новгорода в Петербург, назначен сенатором в Правительствующий Сенат и пожалован в тайные советники²⁵ (чин, соответствовавший рангу генерал-поручика). Одновременно с ним назначены были сенаторами: генерал-поручики Н.А.Бекетов и М.М.Измайлов, тайный советник С.Ф.Ушаков. Сенат определил Квашнина-Самарина присутствующим во Второй департамент²⁶, в ведении которого находились уголовные и гражданские судебные дела. Три года спустя Квашнин-Самарин подал прошение об увольнении в отставку по болезни, что и было санкционировано Екатериной II указом Сенату от 8 ноября 1776 г., с предписанием о пожизненной выплате отставному сенатору полного его денежного жалования²⁷. Из переписки Квашнина-Самарина со Штатс-конторой по поводу выплаты жалования²⁸ видно, что он, выйдя в отставку, намеревался поселиться в Астраханской губернии под городом Царицыным²⁹ (видямо, получив приглашение от Никиты Афанасьевича Бекетова, владевшего крупным имением под Царицыным). Он поехал было туда, но добрался лишь до Твери, где заболел и надолго слег³⁰. Переписка Квашнина-Самарина со Штатс-конторой прекратилась в мае 1778 г. и, несомненно, причиной тому была его кончина на 60-м году жизни.

Если жизненный путь Квашнина-Самарина довольно подробно освещается выявленными документальными источниками, то биографические данные о его жене чрезвычайно скупы.

Из воспоминаний Е.Р.Дашковой известно, что сама она и семейство ее дяди М.И.Воронцова были знакомы и дружны с супругой Квашнина-Самарина³¹. Однако указаний насчет имени и отчества последней и ее возраста не встретилось ни в воспоминаниях Дашковой, ни в других источниках. Для установления этих "паспортных" данных потребовалось обратиться к книгам церковного учета Петербургской духовной

консистерия, хранящимся в Центральном государственном историческом архиве Петербурга (ЦГИАП). Такие данные нашлись в исповедной книге церкви Вознесения за 1758 г., где среди прихожан учтены: "Генерал-провиантмейстер-лейтенант Андрей Никитич Квашнин-Самарин; 41 [год] и жена его Мария Яковлевна 36 [лет]"³² и, следовательно, родилась она в 1722 г.

В 1767 г. Екатерина II предприняла путешествие по Волге, во время которого провела целую неделю, с 25 мая по 1 июня, в Казани, знакомилась с достопримечательностями города и его округа, тесно общалась с губернатором Квашниным-Самариным, верхами местной администрации и дворянства. Императрица нашла казанское общество расколотым на два враждующих лагеря, один из них возглавлял губернский прокурор П.Р.Екимов, другой – губернаторша, супруга Квашнина-Самарина. Такое положение подрывало авторитет и власть губернатора. Екатерина II в письме к генерал-прокурору Сената князю А.А.Вяземскому от 3 июня 1767 г. поведала о казанских расприях и о предпринятых ею мерах к прекращению междоусобия. Ниже приводится отрывок из этого письма, с сохранением орфографии не очень твердой в русском языке императрицы: "В Казани нашла я губернатора в ссоре со всеми почти дворянами. А главной заводчик сей ссоры слывется прокурор Есипов"³³. Услыша я сих сплетни, кои суть более с бабьи стороны, однако производят отвращении от персону губернатора, я за благо нашла налить с обеих сторон воду в вино, дав вырозуметь, а не сказать, что то делается по моему приказанию. Губернаторши"³⁴ сказано, чтоб она была приветливое и ласковее к людям. А Есипову показано, сколько чину и должности его противно, что он людей ссоривает с той персоны"³⁵, у коей моя власть в руках и коя, имея против себя огорчении в людех, не может уже отправить дела по званию своему с той свободой, как

* "Есипов" – описка; на самом деле казанским прокурором был Екимов Петр Васильевич.

** Речь идет о М.Я.Квашниной-Самариной.

*** Имеется в виду губернатор А.Н.Квашнин-Самарин.

мне желается, и что он, господин прокурор, не только иногда потерять может свое место, но еще ему и в Казанской губернии жить не дадут, как нелюбящего мир и тишина. А на другой день ему советовано, чтоб вымирил всех, дабы иную об нем имели мнение. За что [он] взялся, испугався первого увещания. Однако, я думаю, что, если от себя еще изволишь ему дать приметить, что на него думают, и подтвердишь ему его должность и напишешь, как я желаю, что тишина везде сохранялась, то, думаю, что перестанет мутити между дворянами и губернатором. А губернаторши уже мы вымыли голову^{*33}. Из письма следует, что, хотя главным виновником казанских распрей был губернский прокурор, но во многом повинна была в том и губернаторша, женщина своенравная, подчинившая себе простодушного супруга и способствовавшая разжиганию конфликта с местным дворянством.

Имеется еще одно свидетельство о М.Я.Квашниной-Самариной, относящееся к двум последним годам службы ее мужа в Казани. С весны 1769 г. в Казань стали прибывать крупные партии ссыльных поляков-конфедератов (участников так называемой Барской конфедерации, выступивших с оружием в руках против короля Станислава Понятовского, его сторонников и поддерживавших их русских войск). Со временем рядовых конфедератов стали отправлять из Казани в Оренбург, Кунгур, Соликамск, Астрахань, Тобольск, Тюмень, Томск и в другие города Урала, Сибири и Поволжья. В Казани остались несколько десятков пленных польских штаб- и обер-офицеров и лиц из знатного шляхетства³⁴. Среди них были видные вожаки конфедератов маршалок сандомирский граф Петр Потоцкий, староста черешинский Антоний Пулавский, стольник Михаил Чернецкий и другие. Один из бывших в ссылке конфедератов Карл Любич Хоецкий, возвратившись на родину, опубликовал в Варшаве в 1789 г. воспоминания, в которых поведал, в частности о том, что ссыльные конфедераты, а особенно представи-

* "Вымыли голову" - в значении, видимо, "намылили шею", что точнее соответствует смыслу текста и иносказательному словоупотреблению.

тели знатного шляхетства, содержались в Казани без строгости, особо отметив гуманное отношение к ним со стороны губернаторской четы. Коснувшись положения Пулавского, Хоецкий писал: "Казанский генерал-губернатор Андрей /Квашнин-/Самарин был сановник человеколюбивый и великодушный, бывший некогда посланником в Варшаве^{*}, и его жена, "дама очень умная^{**}, получившая воспитание при императорском дворе", проникнувшись сочувствием к 18-летнему Пулавскому, они ежедневно приглашали его к себе и "принимали его весьма гостеприимно", а в городе ему была отведена лучшая квартира в некоем "дворце"³⁵.

Можно предположить, что причиной перевода Квашнина-Самарина из Казани в Нижний Новгород в июле 1770 г. послужил поступивший в Петербург донос какого-то из казанских недоброжелателей губернатора, указавших на предосудительность приятельского его отношения с политическим ссыльным Пулавским и другими конфедератами.

Прочитируем еще раз рассказ Дмитриева в записи Пушкина, обратив внимание на некоторые подробности:

"Ив.Ив.Дмитриев описывал мне Корфа^{***} очень простого, а жену его как маленькую и старенькую дуру; муж и жена открывали всегда губернаторские балы мановетом *à la reine*. Он в старом мундире времен Петра I-го, она в венгерском платье и в шляпе с перьями" (IX, 476). Миниатюрный рассказ этот исполнен в жанре исторического анекдота, полон сарказма и построен на резком контрасте: лиричная, изящно-

* Явная ошибка. В действительности Квашнин-Самарин никогда не занимал такого поста. Но, возможно, он в годы своего адъютантства у вице-канцлера М.И.Воронцова (1743-1757) не раз бывал в Варшаве.

** Примечательна противоречивость характеристик М.Я.Квашниной-Самариной: если К.Л.Хоецкий полагал, что она "дама очень умная", то И.И.Дмитриев считал ее "дурой".

*** На самом деле то был не Корф, а Квашнин-Самарин, о чем уже знает читатель.

игровая мелодия менуэта никак не гармонировала с видом санных танцоров, которые не смущались "тряхнуть стариной" на балах, что было, по мнению Дмитриева, и смешно и неуместно при почтенном их возрасте; комизм сцены подчеркнут описанием почти что маскарадного одевания танцующих: вышедший из обихода мундир времен "блаженной памяти" Петра Великого на плечах кавалера-ветерана, а на его "старенькой" даме претенциозная и явно не по возрасту шляпа с перьями и венгерское платье. Впрочем, на нынешний взгляд, Квашины-Самарины не были столь уж пожилыми людьми, в 1768 г. (когда Дмитриев в последний раз видел их на губернаторском балу в Казани) Андрей Никитич только что перешагнул за рубеж своего 50-летия, а Марии Яковлевне было лишь 46 лет.

И последнее. То, что, вопреки суждениям Екатерины II и Хоецкого, Дмитриев склонан был принимать М.Я.Квашнину-Самарину за "дуру", можно отнести на счет субъективного его впечатления, скорее всего не соответствующего истине.

Обращение к источникам и - главным образом - к архивным документам дало возможность точнее и полнее прокомментировать пушкинский текст, основанный на рассказе Дмитриева, атрибутировать его персонажей, воссоздать их биографии, воскресив тем самым из исторического небытия.

-
- 1 Пушкин А.С. История Пугачевского бунта. СПб., 1834. С.64 и примечания к ней.
 - 2 Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С.11-13.
 - 3 Оксман Ю.Г. От "Капитанской дочки" к "Запискам охотника". Пушкин-Рылеев-Кольцов-Белинский-Тургенев. Исследования и материалы. Саратов, 1959. С.118.
 - 4 Дмитриев И.И. Указ. соч. С.5-8.
 - 5 Рапорт Я.Л.Бранта в Военную коллегию от 21 июня 1770 г. об отъезде из Петербурга на пост губернатора в Казань // РГБИА. Ф.9. Оп.5. Д.339. Л.100.
 - 6 Рапорт генерал-майора П.М.Голицына в Военную коллегию от 4 августа 1744 г. // РГБИА. Ф.20. Д.1233. Л.415-416 об.
 - 7 Дмитриев И.И. Указ. соч. С.8-9.

- 8 Genealogische Handbuch der baltischen Rittschafteu. Teil Estland. Görlitz, 1929. B.3. S.292; Deutschbaltisches Biographische Lexicon. 1710-1760. Köln, Wien, 1970. S.96.
- 9 Челобитная А.Н.Квашнина-Самарина, поданная в Военную коллегию 3 июня 1758 г. и освещающая прохождение службы // РГВИА. Ф.18. Кн. Ш. Д.1. Л.48-48 об.
- 10 Имянной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе штаб- и обер-офицерам и кадетам, с показанием кто из оных, с какими удостоверениями, в какие чины выпущены и в каких чинах ныне. СПб., 1761. Ч.1. С.26.
- 11 Послужной список А.Н.Квашнина-Самарина от 20 марта 1757 г. и его показания о службе от 3 июня 1758 г. // РГВИА. Ф.18. Кн.110. Д.3. Л.2-3; Кн.Ш. Д.1. Л.48-47 об.
- 12 Екатерина Дашкова. Записки. 1743-1810. Л.1985. С.8.
- 13 РГВИА. Ф.18. Кн.110. Д.3. Л.6.
- 14 Там же. Кн.Ш. Д.1. Л.45-45 об. (аттестаты от ноября 1757 г. и января 1758 г.).
- 15 Там же. Л.21-22.
- 16 Там же. Л.36 (медицинское заключение от 20 января 1760 г.).
- 17 Там же. Л.35-35 об.
- 18 Там же. Л.62-63 об.
- 19 Там же. Л.68.
- 20 РГАДА. Ф.342. Д.44. Ч.1. Л.31-32 об., 33-33 об.
- 21 РГАДА. Ф.286. Д.479. Л.611.
- 22 РГАДА. Ф.248. Д.7454. Л.1-3 (указ Сената от 30 декабря 1761 г.).
- 23 Баранов П.И. Опись высочайшим указам и повелениям за XVIII век. СПб., 1878. Т.3. С.488.
- 24 Сенатский архив. СПб., 1910. Т.14. С.417-419.
- 25 РГАДА. Ф.248. Д.4971. Л.957.
- 26 Там же. Л.958.
- 27 Там же. Д.4096. Л.697.
- 28 РГАДА. Ф.279. Оп.1. Ч.5. Д.17876. Л.1-20.
- 29 Там же. Л.5, 8-8 об., 19, 20.
- 30 Там же. Л.8-8 об., 17-17 об., 19.
- 31 Екатерина Дашкова. Записки. Л., 1985. С.8. О приятельских отношениях жены А.Н.Квашнина-Самарина (не названной по имени) с Анной Карловной Воронцовой (урожденной Скавронской), супругой вице-канцлера М.И.Воронцова, говорится и в мемуарах Екатерины П (Записки императрицы Екатерины П. М., 1990. С.218).

32 ЦИАП. Ф.19. Оп.112. Д.141. Л.165.

33 РГАДА. Ф.10. Оп.3. Д.464. Л.130-131.

34 РГИА. Ф.16. Оп.1. Д.276. Л.94-100 об.

35 Цит. по русскому переводу этих мемуаров: Хоецкий К.Л.
Записки. Киев, 1883. С.19-20.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА Г.А.ПОТЕМКИНА
ЕКАТЕРИНЕ II 1783 Г. О ПРИСОЕДИНЕНИИ КРЫМА К РОССИИ

Присоединение Крыма явилось одной из наиболее интересных страниц истории внешней политики России в царствование имп. Екатерины II. Оно позволило России укрепить свои позиции на берегах Черного и Азовского морей, построить сильный черноморский флот, гарантировать спокойствие южных границ империи, приступить к хозяйственному освоению богатых плодородных земель Тавриды, начать широкое строительство городов, крепостей и поселков в Северном Причерноморье.

Источники по истории присоединения Крыма к России многочисленны и разнообразны. Они включают в себя активные материалы – манифесты и указы имп. Екатерины II; богатую делопроизводственную документацию – рескрипты Екатерины II Г.А.Потемкину, его рапорты и доклады императрице, Сенату и Военной коллегии, отношения, ордера, служебную переписку Екатерины II и светлейшего князя с различными должностными лицами (А.А.Безбородко, Я.И.Булгаковым, А.В.Суворовым и др.); переписку иностранных дипломатов, аккредитованных в Петербурге, со своими дворами, в частности австрийского посла графа Кобенцеля и английского посла Гарриса; а также источники личного происхождения – переписку русских государственных и военных деятелей (П.А.Румянцева, А.В.Суворова, А.И.Иловайского) и другие документы.

Важное место среди них занимает переписка Екатерины II и Г.А.Потемкина. Если большинство писем Екатерины II 1783 г. издано¹ и широко использовалось как дореволюционными русскими², так советскими и зарубежными⁴ исследователями при изучении присоединения Крыма, то письма Потемкина, задумавшего и осуществившего эту операцию, до сих пор остаются в тени из-за отсутствия их публикации.

В данной работе автор ставит своей целью познакомить читателей с письмами светлейшего князя имп. Екатерине II периода присоединения Крыма к России 1783 г.

Эти письма хранятся в Российском государственном архиве древних актов, среди фондов быв. Государственного архива Российской империи, в Разряде I "Секретные пакеты", в деле № 43 "Переписка кн. Потемкина и имп. Екатерины II". Здесь находятся в основном письма Потемкина, относящиеся к 1783, 1789, 1790 и 1791 гг.

Некоторые письма Г.А.Потемкина Екатерине II публиковались вместе с письмами императрицы в русских исторических журналах второй половины прошлого века⁵ и в журнале "Вопросы истории" за 1989 г.⁶

Так, Я.К.Грот поместил 15 недатированных записок Г.А.Потемкина в разных томах "Бумаг императрицы Екатерины II, хранящихся в Государственном архиве Министерства иностранных дел". Они интересовали его, поскольку на них имелись приписки императрицы, воспринимаемые Гротом как самостоятельные записки. Такой подход нашел отражение в заголовках публикуемых издателем документов. Например: "Собственноручная записка Екатерины II на записке, писанной рукой Г.А.Потемкина".

Предпринявший в 1876 г. публикацию "Екатерина и Потемкин. Подлинная их переписка" М.И.Семевский поместил в "Русскую Старину" 19 писем Г.А.Потемкина, подготовленных к печати вместе с письмами Екатерины II профессором П.С.Лебедевым. Лебедев работал с копиями, снятыми для него кем-то из сотрудников архива министерства иностранных дел. При сличении их с подлинниками встречается ряд серьезных различий.

Н.Я.Эйдельман опубликовал в 1989 г. в журнале "Вопросы Истории" "Письма Екатерины II Г.А.Потемкину" по корректуре, сделанной Я.Л.Барковым еще в 1931 г. В это издание было помещено 8 записок Потемкина. Из-за крайней археографической неряшливости публикации в "Вопросах Истории" эти записки Потемкина были приписаны Екатерине II, что теперь, после выхода издания в свет создает некоторую путаницу.

Специальных источниковедческих исследований, изучающих письма Г.А.Потемкина, в настоящий момент нет. Очень

важным в этой связи является ряд замечаний, сделанных П.И.Бартеневым палеографических особенностях рукописей Г.А.Потемкина вообще. Публикуя в 1865 г. некоторые интересные документы светлейшего князя из Решетилковского архива В.С.Попова (правителя канцелярии Потемкина), Бартенев остановился во вступительном слове на особенностях орфографии писем Григория Александровича, его почерке, указал, какую бумагу князь употреблял чаще всего.

Бартенев считал Потемкина человеком весьма грамотным, но небрежным. "Князь...писал вообще довольно правильно, — сообщает ученый, — не хотел знать только и не употреблял никаких знаков препинания"⁷. Следует отметить, что Григорий Александрович все же нередко использовал точку и запятую, а также в исключительных случаях восклицательный и вопросительный знаки. Для выделения абзацев в письме он пользовался линией, которой отчеркивал один абзац от другого. При общей грамотности бросается в глаза нежелание Потемкина писать мягкий и твердый знаки внутри слова. Для выделения на письме звука [io] который Н.М.Карамзин впоследствии предложил обозначать буквой "ё", Потемкин использовал особый значок "ю". Например: "вою", или "удаются". Этот значок больше не встречался автору в других рукописях. Возможно, князь сам придумал его.

Характеризуя почерк сподвижника Екатерины, Бартенев пишет: "Рука его (Потемкина — О.Е.) довольно четка и разборчива, чем отличаются вообще рукописи екатерининского века". Почерк светлейшего князя действительно являет собой один из образцов четких и вполне разборчивых почерков екатерининского времени, которые своей твердостью, размеренностью и легкой читаемостью выгодно отличаются от почерков первой половины XVIII в. Вместе с тем почерк Григория Александровича очень далек от каллиграфии, он размахист, порой нервен и приближается к скорописи начала XIX в. Кроме почерка, Бартенев остановился на характеристике бумаги, которую чаще всего использовал Потемкин. "Потемкин писал на больших листах грубой по нынешнему бумаги, но с золотым обрезом и с остатками золотого песку, как в рукопи-

ях Екатерины: это было тогда великой роскошью". Следует отметить, что светлейший князь нередко писал на дорогой голландской бумаге со знаком "Pro Patria" хотя иногда использовал и более грубую отечественную бумагу с золотым обрезом.

П.И.Бартеневым была сделана первая попытка изучить па-леографические особенности собственноручных документов Потемкина. К сожалению, ученый не стал исследовать этот вопрос дальше, и его соображения, высказанные в крайне сжатом виде, не превратились в цельное, пусть даже небольшое исследование.

Прежде чем приступить непосредственно к анализу писем Г.А.Потемкина Екатерине II 1783 г. кратко остановимся на событиях, предшествовавших присоединению Крыма к России.

После подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора, в разработке которого Г.А.Потемкин принял непосредственное участие⁸, Крымское ханство получило независимость от Оттоманской Порты, что означало резкое снижение его обороноспособности⁹. В 1777 г., после провала попытки хана Давлет-Гирея восстановить протекторат Турции над Крымом, его брат Шагин-Гирей, поддержанный русскими войсками, был избран диваном на ханский престол. Шагин-Гирей являлся сторонником самостоятельности Крыма и превращения его в европеизированное государство. Торопливость, с которой молодой хан принялся за реформы в Крыму, и деспотизм, с каким они проводились, породили волну национального и религиозного недовольства.

Восстания, вспыхивавшие в Крыму против власти Шагин-Гирея, заставляли хана обращаться за военной помощью к своей союзнице России. Г.А.Потемкин действовал в этой связи весьма умело, оставляя за русскими войсками положение разводящей силы между ханом и его бунтующими подданными. "Вступая в Крым, — пишет командующий 27 сентября 1782 г. ген.-поручику графу А.В.де Бальмену, — обращайтесь с жителями ласково, наказывая оружием, когда нужда дастся, сонмища упорных, но не касаясь казнями честных людей. Казни же пусть хан производит своими, если в нем не подейст-

вует дух кроткой монархии нашей, который ему сообщен"¹⁰. Шагин-Гирей, как и предполагал Потемкин, после восстановления русскими войсками спокойствия в Крыму, обрушивал на головы подданных многочисленные казни. В 1782 г. только вмешательство Екатерины II спасло жизнь родным братьям хана — Батыр-Гирею и Арслан-Гирею¹¹. Создалась странная ситуация, когда население Крыма начало видеть в России силу, способную защитить их от собственного хана.

Русская партия среди татарских вельмож, поддерживаемая Потемкиным и существовавшая на деньги России, предлагала светлейшему князю понудить хана к отречению от престола и организовать со стороны жителей Крыма просьбу о принятии их в русское подданство¹².

В октябре 1782 г. в записке "О Крыме" Потемкин писал Екатерине II: "Татарское гнездо в сем полуострове от древних времен есть причиною войны, безпокояств, разорений границ наших, издержек несносных, которые уже в царствование Вашего Величества перешли только для сего места более двенадцати миллионов, включая людей, коих цену положить трудно... Представьте же сие место в своих руках. Граница не будет разорвана между двух во веки с нами враждебных соседств еще третьим. Сколько произтечет от сего выгодностей: спокойствие жителей, господство неприкосновенное Черным морем, соединение Империи, непрерывная граница всегда союзных нам народов между обеих морей; устье Дуная будет в Вашей воле"¹³.

Екатерина II одобрила идеи светлейшего князя. Началась скрытая подготовка к проведению операции по присоединению Крыма.

Обратимся теперь к сохранившимся письмам Григория Александровича этого периода.

Первое из них относится к апрелю 1783 г. 8 апреля, получив от императрицы подписанный манифест о присоединении Крыма к России, над которым они вместе работали, Потемкин отправляется на юг к войскам, чтобы лично руководить операцией. В поместье Дубровна недалеко от Шклова светлейший князь получает письмо императрицы от 14 апреля

1783 г. и копию письма Екатерине II австрийского императора Иосифу II. Это письмо было отправлено из Вены как раз в день отбытия Потемкина на юг. Прежде чем составить ответ Иосифу II, Екатерина желает посоветоваться с Григорием Александровичем по поводу затронутых императором вопросов. Ознакомившись с присланными к нему документами, князь отвечает Екатерине письмом 22 апреля из Дубровны.

К сожалению, Григорий Александрович, датируя свои письма, практически никогда не указывал год. Само письмо не касается каких-либо конкретных событий или фактов, которые бы позволили установить точный год его написания, а содержит рассуждения о политике Австрии и Франции, одинаково характерные для периода 1782–1783 гг. Екатерина II не раз посылала Потемкину копии с писем к ней европейских монархов, в частности Иосифа II, эти копии обычно хранятся приложенными к письмам императрицы. Из этих копий к апрелю относится лишь одна, вышеуказанная копия письма австрийского императора от 8 апреля 1783 г. Сохранилось письмо Екатерины II 4 мая 1783 г., в котором она упоминает ответ Потемкина по поводу посланной к ней копии. "По получении последнего твоего письма от 22 апреля из Дубровна я... крепко занемогла"¹⁴, — пишет она. Далее императрица касается главных тем полученного ею письма Григория Александровича — это позиции Австрии и Франции в современной политике. Те же вопросы затронуты и в не полностью датированном послании светлейшего князя. Между этим письмом и письмом Екатерины 4 мая существуют некоторые текстуальные совпадения, обычные при написании ответов на конкретные послания корреспондента: Так, французскую королевскую чету и их двор, довольно враждебно относившийся к России, а также некоторых русских вельмож, действовавших при петербургском дворе в пользу Франции, Потемкин называет "бурбонцами внутренними и внешними". Екатерине такое прозвище понравилось, и она охотно повторяет его в письме 4 мая. Наконец, хотя путь на юг через Могилев и Шклов с заездом в Дубровну был для Потемкина обычным, Григорий Александрович лишь раз, судя по письмам Екатерины II, сохранившим упоминания о большинстве не дошедших до нас посланий

светлейшего князя, писал ей из Дубровны в апреле. Это произошло в 1783 г. Таким образом, письмо Потемкина от 22 апреля следует отнести именно к этому времени.

Убедившись, что перед нами неразрывно связанные друг с другом документы, обратимся к исследованию их текста.

Письмо императора Иосифа II было написано в ответ на письмо Екатерины II к нему, в котором она выражала беспокойство относительно приверженности Турции пунктам Кючук-Кайнарджийского мирного договора¹⁵. Заключив в 1781 г. тайный союз с Австрией, императрица попыталась данным письмом осторожно выяснить, будет ли действовать австрийская сторона согласно принятым на себя обязательствам в случае, если Турция в ближайшее время объявит России войну. Такая возможность представлялась в Петербурге вполне реальной в связи с намечавшимся занятием Крыма.

Иосиф II отвечал своей царственной корреспондентке виатоватым посланием, в котором прозрачно намекал Екатерине, что занят внутренними делами своей империи и види в совместных дипломатических декларациях лучшее средство воздействия на Турцию¹⁶.

Судя по письму, отправленному Потемкину 14 апреля 1783 г., Екатерина не была довольна посланием Иосифа II, но в то же время не была и особенно опечалена шаткой позицией, которую занял ее союзник. Не испугало императрицу и открыто демонстрируемое версальским кабинетом недовольство политикой России по отношению к Турции, его декларативная готовность оказать Порте помощь в борьбе с северным соседом¹⁷. Екатерина пишет Григорию Александровичу, что при осуществлении намеченного ими плана "твердо решила ни на кого не рассчитывать", кроме "самих себя". Она уверена, что, если дело дойдет до дележа турецких земель, Австрия, да и другие государства, не окажутся в стороне. "Когда пирог испечен, у каждого явится аппетит". - С насмешкой замечает императрица. "Как мало я считаю на союзника, так мало я уважаю французский гром, или лучше сказать зарницы"¹⁸.

Потемкин отвечает ей очень взвешенным письмом 22 апреля, где излагает свое видение политической ситуации в Авст-

рии, дает оценку французским дипломатическим демаршам и одобряет намерение императрицы твердо держаться намеченного плана действий. "Приложенная копия императорского письма, — говорит князь, — не много твердости показывает, но поверте, что он иначе заговорит, как Вы и угадываете, когда пойдут предположения Ваши в действие. Кауниц уже и жабок хочет вывернуть систему политическую новую, но у Франции они увязли, как в клещах, и потому не смеют отстать от нея, хотя бы в том был и авантаж. Стремятся также поссорить Вас с королем прусским и это их главной пункт. Я щитаю, что их всех мучит неизвестность о ваших движениях. Облекись, матушка, твердости на все попытки, а паче против внутренних и внешних бурбонцов. Все что ни будет, толко одна пустая замашка, а на самом деле все захотят также схватить. На императора не надейтесь много, но продолжать дружное с ним обхождение нужно. В протчем, права, и нужды нет большой в его помочи, лишь бы не мешал"¹⁹.

Как видим, Потемкин тоже невысокого мнения о приобретенном Россией союзнике. По его сведениям, своими колебаниями австрийская сторона обязана позиции, занятой канцлером кн. В.-А. Кауницем, противником усиления России в бассейне Черного моря и на Дунае. Под новой политической системой, которую стремится изменить Кауниц, понимается союз между Австрией и Россией, предусматривавший предоставление взаимной помощи в борьбе с Портой и Пруссией. Пруссия и Франция через своих полномочных министров в Петербурге и традиционно сильную прусскую партию при русском дворе прилагали серьезные усилия для того, чтобы расстроить альянс двух империй²⁰. Потемкин считал, что Австрия испытывает давление со стороны Франции и опасается действовать самостоятельно в союзе с Россией, даже если это сулит большие выгоды.

"Авантаж" же в подобных действиях Иосифа II поистине был велик. В одном из писем Екатерине II он выражал желание получить при возможном разделе турецких земель г. Хотин с прилегающей областью, часть Валахии, г. Никопол, от него оба берега вверх по Дунаю, города Видин, и Оршову и

Белград, территории, идущие от Белграда к Адриатическому морю, и все владения венецианцев на твердой земле с прилегающими островами²¹. Однако для осуществления этого плана, который позволил бы Австрии иметь морские суда, торговать на Черном море и плавать через Дарданеллы²² нужна была решимость, а как раз ее Иосиф II по ряду внутри- и внешнеполитическим причинам не обнаруживал в тот момент.

Одновременно с нежеланием участвовать в возможном конфликте России и Турции, предоставлением союзной державы необходимой помощи Австрия, так же как и Франция, по мнению Потемкина, стремится поссорить Екатерину II со своим давним врагом Фридрихом II. Не являясь сторонником прусской партии, Григорий Александрович, однако, даже в самых критических ситуациях выступал против обострения отношений с Пруссией.

Одним из главных условий успеха задуманной операции Потемкин считает секретность ее проведения, особенно же в вопросе движения русских войск на юге. Характерно, что он считает не лишним напомнить об этом императрице.

В конце письма князь как бы невзначай упоминает о двух важных обстоятельствах, оказавших серьезное влияние на сроки и характер проведения операции по присоединению Крыма. "Подножного корму нет, почему конные полки продвигать нелегко, но я надеюсь, что скоро появится. Зима была сей год продолжительна". Еще не доехав до места, Потемкин уже дает понять императрице, что дело, задуманное ими, завершится отнюдь не так быстро, как она рассчитывает, находясь в Петербурге. Упоминает князь и о другом важном факте. "Время Вам докажет, сколь Вы хорошо сделали, что не послали флот"; — пишет он. Военные демонстрации у русских границ, предпринятые в это время шведским королем Густавом III, не позволили России повторить экспедицию Балтийского флота, подобную той, которая была им успешно совершена в первую русско-турецкую войну, когда русские корабли, обогнув Европу, прибыли в Архипелаг и нанесли сокрушительный удар турецкому флоту в Чесменском сражении.

Екатерина ответила Потемкину письмом 4 мая из Царского Села. Она сообщает ему о продолжающихся колебаниях Иосифа II.

"Думаю, что война неизбежна"²³, — пишет императрица. О такой же уверенности со своей стороны сообщает князю 10 мая 1783 г. А.А.Безбородко²⁴.

Не сохранившимся письмом с дороги Потемкин уведомляет Екатерину об отречении хана Шагин-Гирея от престола. "Что хан отказался от ханства..., о том жалеть нечего, — говорит Екатерина в письме светлейшему князю от 5 мая, — только прикажи с ним обходиться ласково и со почтением, приличным владетелю, и отдать то, что ему назначено"²⁵.

Прибыв в Херсон, Потемкин обнаружил, что дела в херсонском адмиралтействе обстоят из рук вон плохо. "Измучился, как собака, — пишет он 11 мая, — и не могу добиться толку по адмиралтейству. Все запущено, ничему нет порядочной записки... Никто из тех, кои должны были смотреть, не были при своем деле..., все были удалены, а в руках все находилось у секретаря Ганибалова,.. которого он увез с собой, не оставив здесь ни лесу, ни денег"²⁶.

Потемкин был сильно разгневан на ген.-поручика И.А.Ганнибала, руководившего херсонским адмиралтейством, и рапортовавшего в Адмиралтейств-коллегию о том, что, согласно указу императрицы, к началу 1783 г. будут готовы семь кораблей. "Теперь выходит, что и лесу всего на корабли не поставлено, а из выставленного много гнилого", — с возмущением пишет князь. Незадолго до прибытия Потемкина Ганнибал спешно отправился в Петербург в надежде обелить себя в глазах императрицы. "Достанет, конечно, моего усердия и сил, — раздраженно замечает князь, — чтобы все сколько можно поправить, а прошу только иметь ту милость, чтобы заметить, как было до сих пор и как пойдет у меня в руках".

В этом письме Потемкин впервые выразил беспокойство, что давно не получал от Екатерины писем. Это замечание кажется странным, так как, судя по датам сохранившихся посланий, она регулярно отправляла ему корреспонденцию.

Екатерина ответила на письмо Потемкина письмом 26 мая из Царского Села. "Сюда приехал Ганнибал и уверил меня, что крепость совершенно в безопасном положении противу

нечаянного нападения, и что корабли отстраиваются, я для славы города Херсона... дала строителю большой крест владимирской. Не сомневаюсь, что в твоих руках и твоим попечением все пойдет как должно. Крымских известий дальних ожидаю с нетерпением и думаю, что ныне уже объявлены российскими подданными²⁷.

Как видим, Ганнибалу удалось уверить императрицу в своей исправной службе. 16 мая 1783 г. он даже получил орден св.Владимира I ст.²⁸ Гневное письмо Потемкина еще не дошло в это время до рук Екатерины, а после пожалования она, видимо, уже не хотела подвергать казнокрада гласному служебному преследованию, обнаруживая тем самым для противника худое состояние херсонской крепости и адмиралтейства накануне ожидаемой войны с Турцией.

Беспокойство Екатерины вызывает поведение ее шведского соседа. Густав III отправился в Финляндию, где разбил военные лагеря у русской границы, и предложил императрице встретиться в любом удобном месте. Екатерина назначила Фридрихсгам. "Король шведской, взяв от французоз денег для демонстрации, делает из шести полков лагерь у Тавастгуса, - сообщает она Потемкину, - а в самое то время нам подтрушивает свидание".

В конце этого письма императрица отвечает на вопрос князя о судьбе их корреспонденции. Оказывается, она и сама обеспокоена задержкой известий с юга. "Я не знаю, почему мои письма к тебя не доходят; кажется, я писала к тебе при всяком случае. Пока ты жалуешься, что от меня нет известий, мне казалось, что от тебя давно нету писем"²⁹.

Еще не получив этого послания, Потемкин отправляет Екатерине новое письмо 16 мая. Он совершенно увяз в Херсоне с адмиралтейскими делами и явно не намерен никуда трогаться, пока не отдаст все необходимые распоряжения. Однако положение в Крыму светлейший князь тоже держит под контролем, стараясь преждевременным введением войск не вызвать нежелательного возмущения татарского населения, ведь хан еще не покинул своего государства. "Как хан уедит, то

кримские дела скоро кончатся. — Пишет он Екатерине. — Я стараюсь, чтобы они сами попросили подданства. Думаю, что тебе, матушка, то угоднее будет"³⁰.

Пребывание хана Шагин-Гирея в Крыму ставило его подданных в двойственное положение. Одно дело искать нового сюзерена, когда прежний владыка покинул свой народ, и совсем другое — уходить под руку России, когда хан не выехал еще за пределы своих владений. Потемкин понимал колебания татарской знати и других слоев населения. Князь предпочитал терпеливо ждать, пока татары сами не подадут просьбу о вступлении в подданство России, а уж потом вводить войска на полуостров. Он не ошибся. Русская партия в среде татарских вельмож действовала весьма успешно и вскоре после отречения Шагин-Гирея обратилась к Екатерине II с адресом, в котором просила ее присоединить Крым к России"³¹.

В это время Иосиф II справился со своими колебаниями и в письме Екатерины II выразил готовность содействовать России в случае войны с Турцией, надеясь на серьезные территориальные приобретения и для Австрии"³². Копию этого письма Екатерина приложила к своему письму Потемкину 30 мая 1783 г., но она не сохранилась. "Твое пророчество, друг мой сердечной и умной, сбылось, — пишет императрица Григорию Александровичу об австрийцах, — аппетит у них явился во время еды"³³.

"Дай Боже, — восклицает Екатерина далее, — чтоб татарское или лучше сказать крымское дело скоро кончилось, ... лучше бы турки не успели одному нанести препятствия, ... а на просьбу татар теперь не смотреть". Императрица, как видно из этих строк, считала возможным пренебречь при занятии Крыма формальным волеизъявлением его жителей, которому такое большое значение придавал светлейший князь. Ее беспокоят сроки осуществления этой операции, так как она опасается, что Порта может, собрав войска, помешать присоединению Крыма в России. Возможности избежать войны императрица не видит.

Потемкин не считал в данном случае торопливость уместной. Он получал из Константинополя донесения русского посла

Я.И.Булгакова, сообщавшего о расстройстве дел в Порте, которая уже в конце 1782 г. начала готовиться к обороне, а не к нападению на Россию. "Здесь все силы напрягают для приведения себя в оборонительное состояние. — Писал Булгаков. — Рейс-эфенди, по робости, а может быть по лености своей, все из своих рук выпускает"³⁴. Все же при определенном подстрекательстве со стороны французского и прусского послов Булгаков не исключал возможности военного конфликта.

Между тем с письмами корреспондентов друг к другу создается довольно тревожная ситуация. Екатерина получала послания Григория Александровича, хотя и с легкой задержкой. Потемкин же в третий раз в письме 28 мая из Херсона сообщает, что до него не доходят ее письма. "Немало меня смущает, — говорит он, — что не имею давно об Вас известий... По сие время еще хан не выехал, что мне мешает публиковать манифесты; татаря не прежде будут развязаны, как он оставит Крым. При нем же объявить сие, народ почтет хитростью и попытками, по прозбе его зделанными"³⁵.

Шагин-Гирей затягивал свой отъезд в надежде, что при обострении отношений с Турцией России вновь придется обратиться к его услугам, восстановить его на ханском престоле и отказаться от присоединения Крыма³⁶. В это время возникают первые признаки начала новой чумной эпидемии, занесенной в Крым с Тамани.

Екатерина получила это письмо 9 июня 1783 г. и в тот же день отвечала Потемкину. "Я надеюсь, что мои письма теперь, князюшка, до рук твоих дошли... Часто тужу, что ты там, а не здесь, ибо без тебя я как без рук... Верю, что тебе забот много, но знаю, что ты да и заботами не скучаешь"³⁷.

Следующее письмо 13 июня Григорий Александрович тоже писал Екатерине из Херсона. "Богу одному известно, что я из сил выбился, — говорит он, — ...язвок я был наиболее встревожен по рапортам из Крима, где она в разных уездах и гофшпиталях наших показалась. Я немедленно кинулся туда,

сделал распоряжения отделением больных... Ахтияр (будущий Севастополь. — О.Е.) лутчая гавань в свете Петербург, поставленной у Балтики, северная столица России, средняя Москва, а Херсон Ахтиарский да будет столица полуденная моей государыни... Не дивите, матушка, что я удержался обнародовать до сего времени манифесты. Истинно, нельзя было без умножения войск, ибо в противном случае нечем бы было понудить... Обращаюсь на строительство кораблей. Вы увидите из ведомости, что представляю за силу... Можно будет в случае разрыва, и когда турки флотом от своих берегов отделятся, произвести поиск на Синоп или другия места. А что касается до императора, не препятствуйте ему, пусть берет у турков, что хочет. Нам много что пособит и диверсия одна с его стороны — великая помощь"³⁸.

В этом письме Потемкин прямо не говорит о получении писем императрицы, но упоминание об изменившейся позиции Иосифа II явно является ответом на письмо Екатерины 30 мая. Следовательно, почта из Петербурга, наконец, дошла до рук светлейшего князя. По другим письмам корреспондентов видно, что обычно курьер покрывал расстояние от северной столицы до Крыма за 10—14 дней, в зависимости от того, где именно находился Потемкин. Таким образом, майские письма императрицы пришли к Григорию Александровичу с опозданием на полмесяца. Это не могло не вызвать у него подозрений, о которых он, однако, ничего не говорит Екатерине в письме 13 июня.

Неизвестно, была ли выяснена причина такой задержки, но светлейший князь, считавший сохранение секретности информации о передвижении русских войск на юге главным залогом успеха операции, видимо, заподозрил перехват переписки. Находясь в Херсоне и занятый спешной подготовкой войск и флота, а также сложной политической игрой в Крыму, он, по всей вероятности, не мог быстро выяснить, на каком этапе пересылки почты происходит утечка информации. Вероятнее всего, перехват совершался еще в Петербурге, где находились все иностранные министры при русском дворе, нуждавшиеся в этой информации. Расследование заняло бы некоторое

время. Между тем, операция по присоединению Крыма к России вступила в решающую фазу. В создавшихся условиях Потемкин прибегает к экстраординарной мере. Следующее письмо к Екатерине помечено 10 июля, он отправляет его уже фактически по завершении операции, после присяги татарской знати на верность России. Это письмо будет получено в Петербурге только 19 июля. Таким образом, императрица, а вместе с ней и тайный перехватчик более месяца не имели сведений о положении дел в Крыму. Именно тогда там разворачивались главные события.

Екатерина в продолжение июня не выражала никакого беспокойства относительно отсутствия известий с юга. Она полагала, что князь ускакал в Крым, и была уверена, что дело там уже завершено, поскольку так считали в Константинополе. "Сказывает Булгаков, что они (турки - О.Е.) знают о занятии Крыма, только никто не пикнет, и сами ищут о том слухи утешать"³⁹. - Пишет Екатерина Потемкину 10 июля из Царского Села. Я.И.Булгаков сообщает в донесении 15/26 июня 1793 г.: "Министерство боится войны; разглашает под рукою, что татары крымския сами поддались, стараясь тем уменьшить клеветы на наружное свое нерадение о защищении веры"⁴⁰.

В середине июля терпение императрицы подошло к концу. Она испытывала смешанное чувство раздражения и страха, из-за того что ничего не знала о положении дел в Крыму. "Ты можешь себе представить, в каком я должна быть беспокойстве, не имея от тебя ни строки более пяти недель. - Пишет Екатерина 15 июля. - ...Я ждала занятия Крыма по крайнем сроке в половине мая, а теперь и половина июля, а я о том не более знаю, как и папа римский"⁴¹.

Через 4 дня она получит письмо Потемкина 10 июля из лагеря при Карасу-Базаре о присяге татарской знати. "Все знатныя уже присягнули, теперь за ними последуют и все... Со стороны турецкой по сие время ничего не видно. Мне кажется, они в страхе, чтоб мы к ним не пошли, и все их ополчение оборонительное"⁴². В конце письма князь кратко упоминает о своей недавней болезни. Григорий Александрович шадит

императрицу и не сообщает ей, что перед отъездом в Крым из Херсона он находился при смерти из-за возобновившихся приступов лихорадки, рецидивами которой Потемкин страдал со времен первой русско-турецкой войны. Отправляясь в дорогу, светлейший князь соборовался. Однако Екатерине он писал лишь, что "занемог была жестоко... спазмами и, будучи еще слаб, поехал в Крым".

Екатерина, получив это письмо, выразила Потемкину удовольствие по поводу "присяги Крыма и двух ногайских орд"⁴³ в письме 20 июля из Царского Села.

16 июля, находясь еще в лагере у Карасу-Базара, Потемкин пишет императрице новое письмо, испрашивая милости офицерам, особенно много потрудившимся при занятии Крыма, и тут же указывая, в чем эта милость должна состоять. "Суворову-Владимирской, и Павлу Сергеевичу Потемкину, графу Бальмену - Александровской..."⁴⁴. Награды не заставили себя долго ждать. Уже 28 июля А.В.Суворов был награжден орденом св. Владимира I степени. Узнав об этом пожаловании, Суворов с благодарностью писал Потемкину 18 августа: "Малые мои труды ожидали... одного только отдания справедливости. Но Вы, Светлейший князь! превзошли мое ожидание"⁴⁵.

Далее в том же письме Потемкин сообщает императрице о работах, уже начатых в Крыму. "Упражняюсь теперь в описании топографическом Крима... Татар тревожит посеянной от турков очаковских в них слух, что браны будут с них рекруты. Я ныне дал им уверение, что такой слух...пустой. Ежели, матушка, пожалуете указ, освобождающий их от сего, то они совсем спокойны будут... Ассигновать нужно, дабы угождать магометанам, на содержание некоторых мечетей, школ и фонтанов публичных... Турки по сие время везде смиренны... Ежели быть войне, то не нынешний год. Теперь настает рамазан; и кончится двадцатова августа, то много ли уже останется до осени?"

Потемкин знал, что в рамазан мусульмане не станут воевать, а осенью кампания начаться не может, так как обычно к концу октября - началу ноября военные действия уже завершались, и армии вставали на зимние квартиры.

После приведения жителей к присяге на верность в Крыму было открыто земское правительство, состоящее из татарских мурз под общим руководством начальника войск, расположенных в Крыму, барона И.А.Игельстрома. Оно составило для Потемкина Камеральное (Общее) описание Крыма⁴⁶, о котором Григорий Александрович сообщает Екатерине в этом письме.

Еще не получив ответа императрицы, князь отправляет ей 29 июля два письма из лагеря при Карасу-Базаре. Практика писать друг другу по несколько писем в один день была для корреспондентов довольно обычной. Это объяснялось тем, что иногда письма прикладывались в качестве пояснений к разным документам, которыми обменивались Потемкин и Екатерина. Иногда же, как в данном случае, послания просто посвящены были разным сюжетам.

29 июля светлейший князь, наконец, получил сердитое письмо императрицы 15 июля. Он посчитал нужным написать свое оправдание в особом письме. "Вы ожидали покорения Крыма в половине мая, — отвечает на упрек Потемкин, — но в предписаниях, мне данных, сказано сие ученить по моему точно рассмотрению, когда я найду удобным... Полки в Крым вступить не могли прежде половины июля, а которая далняя, из тех последний сегодня толко пришел. Болшей части полков мари был по семсот верст, при том две, иным три переправы через Днепр и Ингулец... Невольным образом виноват, не уведомляя Вас, матушка, долго. Но что касается до занятия Крыма, то сие, чем ближе к осени, тем лучше, потому что поздней турки решатся на войну и не так скоро изготовятся"⁴⁷.

К концу июля становится ясным, что если война не начнется в 1783 г., то для укрепления позиции России в Крыму Потемкин получит осень и зиму.

В этом же письме Григорий Александрович сообщает о присяге мусульманского духовенства и простого народа. "Говорено было мне всегда, что духовенство противиться будет, а за ним и чернь, но вышло, что духовення приступили из первых, а за ними и все". Мусульманское духовенство Крыма было настолько раздражено пренебрежением бывшего

кана к религиозным традициям, что, получив от Потемкина заверение "соблюдать неприкосновенно целостность природной веры татар", не только само согласилось присягать, но и склонило к этому остальные слои населения. Потемкин сумел достигнуть понимания с духовенством, выделив часть доходов на содержание наиболее почитаемых мечетей, а также школ для татарского юношества – медресе и мектебе⁴⁸. Кроме того, он направил в Петербург заказ на печатание "Коранов" для крымских священников.

В другом своем письме Екатерине 29 июля Потемкин останавливается на некоторых текущих делах и высказывает предположения относительно возможной войны с Турцией. "Нам нужно выиграть время, чтобы флот усилить, тогда будем господом"⁴⁹, – убеждает он императрицу.

Еще находясь в лагере у Карасу-Базара, Потемкин получил письмо Екатерины 26 июля, которым она сообщает ему, как воспринято в России известие о присоединении Крыма. "Публика здешняя сим происшествием вообще обрадована, чапано – нам никогда не противно, потерять же мы не любим"⁵⁰.

Получив известие о подписании П.С.Потемкиным и представителями царя Ираклия II в Георгиевской крепости договора о принятии Грузии под протекторат России, светлейший князь отвечает на это письмо Екатерины так: "Вот, мая кармилица, и грузинские дела приведены к концу. Какой государь составил толь блестящую эпоху, как Вы? Не один тут блеск. Полза еще болшая. Земли, которья Александр и Помпей, так сказать, лишь поглядели, те Вы привязали к скипетру Российскому, а Таврический Херсон – источник нашего христианства, а потому и лепности, уже в объятях своей дщери. Тут есть что-то мистическое.

Род татарский – тиран России некогда, а в недавних временах стократны разоритель, коего силу подсек царь Иван Васильевич, Вы же истребили корень. Граница теперешняя обещает покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской. Взойди на трофеи, необагренныя кровью, и прикажи историкам заготовить больше чернил и бумаги"⁵¹.

Как видим из этих писем, два политических деятеля несколько по-разному смотрят на приобретение Крыма. Если для Екатерины присоединить бывшие ханские земли, значит "счапать чужое", то Потемкин видит в этом завершение долгой борьбы с "тираном России" и ее "стократны разорителем". Он не скрывает воодушевления, которое охватывает его при мысли, что истреблен корень последнего осколка Золотой Орды. Однако им владеет не только национальное, но и православное чувство: вместе с Крымом в состав России вошел Херсонес - "источник нашего христианства, а потому и лепности".

На письмо 29 июля Екатерина ответила 13 августа из Царского Села. Она несколько успокоилась после получения известий о благополучном завершении операции. Однако относительно позиции Турции императрица предпочитает не обольщаться. "Я чаю, после Курбан Байрама откроется, - пишет она, - на что турки решатся, а дабы не ошибиться, кладу за верное, что объявят войну"⁵².

Сама Турция враждебности в этот момент не проявляла, однако из донесений Я.И.Булгакова явствовало, что прусский министр в Константинополе Гофрон, по приказу своего короля, начал подстрекать Порту к открытию военных действий. "Визирь, - писал Булгаков 1 [12] августа 1783 г., - разсуждая о новом сем подвиге прусского короля, турецкою присловицею отозвался так: человек сей желает произвести пожар, только для того, чтобы погреться"⁵³. В следующем донесении Булгаков сообщал, что ему, возможно, удастся склонить Турцию к признанию включения Крыма в состав Российской империи⁵⁴. Появилась надежда избежать войны.

Письмом 9 августа Потемкин поздравил Екатерину с рождением внучки великой княжны Александры Павловны. "Для нее взойдет роща маслин у мыса, что в древности назывался Парфенион, что значит девичий. Урочище сие при Балаклаве, тут был в древности храм Дианен..."⁵⁵

Итак, к августу 1783 г. операция по присоединению Крыма была завершена. Расчет светлейшего князя оказался

верен: затянув введение войск на полуостров до середины июля, он сумел избежать начала войны с Турцией летом 1783 г. Осенью константинопольский диван колебался и принимал слабые оборонительные меры, наконец, в начале зимы султан Абдул-Гэмид дал Я.И.Булгакову письменное согласие признать власть России над Крымом.

Неопубликованные письма Г.А.Потемкина Екатерине II 1783 г. представляют собой один из интереснейших источников по истории присоединения Крыма к России, так как показывают операцию глазами человека, задумавшего и непосредственно осуществившего эту акцию. Из их текста следует, что именно Потемкин настоял на соблюдении русской стороной ряда юридических формальностей при включении Крыма в состав империи. Благодаря этим документам удается ответить на вопрос, почему срок проведения операции, назначенной на май, был сдвинут на середину лета. Письма светлейшего князя знакомят исследователя с целым рядом подробностей проведения операций, незафиксированных в официальной документации. Например, о поведении мусульманского духовенства во время присяги, о плачевном состоянии херсонского адмиралтейства, о пресечении эпистолярного диалога между корреспондентами в момент решающих событий в Крыму и о многом другом можно почерпнуть сведения только из писем Потемкина.

Опубликование писем светлейшего князя Екатерине II 1783 г. позволило бы ввести в научный оборот комплекс важных материалов по истории внешней политики России во второй половине XVIII в.

-
- 1 Сб.РГО. 1880. Т.27; Р.С. 1876. № 4.
 - 2 Лашков Ф. Князь Г.А.Потемкин-Таврический как деятель Крыма. Симферополь, 1890.
 - 3 Дружинина Е.И. Северное причерноморье в 1775-1800 гг. М., 1959.
 - 4 Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven and London, 1981.

- 5 Сб.РМО. 1880. Т.27; 1885. Т.42; Р.С. 1876. № У-ХП.
- 6 Вопросы Истории. 1989. № 7-10, 12.
- 7 Бартенев П.И. Собственноручные бумаги кн. Потемкина-Таврического // Р.А. 1865. Т.3. Стб.722.
- 8 Сб. РМО. 1874. Т.ХШ. С.432.
- 9 Дружинина Е.И. Кочук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С.308.
- 10 Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. СПб., 1889. Т.IV. С.836.
- 11 Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. М., 1992. С.65.
- 12 Брикнер А.Г. История Екатерины II. СПб., 1883. Т.2.С.400.
- 13 Вернадский Г. Записка о необходимости присоединения Крыма к России. Б.г. С.15.
- 14 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.442.
- 15 Arneth. Joseph II und Katharine von Russland. Б.г. Р.193.
- 16 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.448.
- 17 Брикнер А.Г. Указ. соч. Т.2. С.405.
- 18 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.440.
- 19 Там же. Ф.1. № 43. Л.61.
- 20 Лопатин В.С. Указ. соч. С.59.
- 21 Брикнер А.Г. Указ. соч. С.398.
- 22 Arneth. Ibid. Р.169.
- 23 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.448.
- 24 Р.А. 1879. № 8. С.429.
- 25 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.449.
- 26 Там же. Ф.1. № 43. Л.84.
- 27 Там же. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.450.
- 28 Сб.РМО. 1880. Т.27. С.259.
- 29 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.451.
- 30 Там же. Ф.1. № 43. Л.77.
- 31 Брикнер А.Г. Указ. соч. С.400.
- 32 Arneth. Ibid. Р.202.
- 33 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.456.
- 34 Сб.РМО. 1880. Т.27. С.259.
- 35 РГАДА. Ф.1. № 43. Л.78.
- 36 Лопатин В.С. Указ. соч. С.71.
- 37 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.1. Л.461.

- 38 Там же. Ф.І. № 43. Л.80-82 об.
- 39 Там же. Ф.5. № 85. Ч.І. Л.503.
- 40 Сб.РИО. 1880. Т.27. С.268.
- 41 РГАДА. Ф.5. № 85. Ч.І. Л.504.
- 42 Там же. Ф.І. № 43. Л.86.
- 43 Там же. Ф.5. № 85. Ч.І. Л.505.
- 44 Там же. Ф.І. № 43. Л.67.
- 45 Суворов А.В. Письма. М., 1987. С.89.
- 46 Лашков Ф. Указ. соч. С.15.
- 47 РГАДА. Ф.І. № 43. Л.75.
- 48 Лашков Ф. Указ. соч. С.6, 15.
- 49 РГАДА. Ф.І. № 43. Л.69-70.
- 50 Там же. Ф.5. № 85. Ч.І. Л.506.
- 51 Там же. Ф.І. № 43. Л.64.
- 52 Там же. Ф.5. № 85. Ч.І. Л.507 об.
- 53 Сб.РИО. 1880. Т.27. С.274.
- 54 Там же. С.275.
- 55 РГАДА. Ф.І. № 43. Л.66.

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА
(“Особое мнение” кн. П. П. Гагарина)

Кн. П. П. Гагарин вошел в историографию крестьянской реформы 1861 г. как автор знаменитой 123 статьи “Местного положения для Великороссийских, Новороссийских и Белорусских губерний”, и 116 статьи “Малороссийского положения”, реализация которых и создала разряд крестьян-дворянников*. Как инициатор идеи безвозмездного дарения земельного участка он был прочно зачислен в группу “яростных крепостников”¹. Между тем никто из исследователей не изучал предысторию этой гагаринской поправки в проекте “Положений”, которая была принята буквально за неделю до подписания его Александром П. Не известна была и роль П. П. Гагарина на заключительном этапе обсуждения проекта. Лишь в монографии Л. Г. Захаровой при изложении неопубликованных дневниковых записей Вел. кн. Константина Николаевича, председательствовавшего в Главном комитете, говорится, что Гагарин по поводу наделения крестьян землей выразил особое мнение. К сожалению, Л. Г. Захарова не раскрывает содержания особого мнения Гагарина, ограничиваясь только сообщением о том, что Гагарин настаивал “на полном праве помещиков распоряжаться своей собственностью, вступая в добровольные соглашения с крестьянами”². Таковы все сведения, которые содер-

* Мы не будем останавливаться на личности П. П. Гагарина, заслуживающей особого внимания, так как, пережив трех императоров, он все время принимал самое активное участие в государственной деятельности и причастен ко всем главным реформам, проводимым правительством на протяжении XIX в. Отметим только, что Александр П 3 января 1857 г. пригласил к себе девять высших сановников империи для обсуждения вопроса о крепостном праве. Это совещание и стало началом деятельности Секретного, а затем Главного комитета по крестьянскому делу. Среди приглашенных был и П. П. Гагарин.

жаты в литературе о позиции Гагарина в Главном комитете и, в частности, на завершающих заседаниях, посвященных обсуждению проекта редакционных комиссий. В них нет и намек на инициативу Гагарина по дарственному наделу. На 14 заседаниях Государственного совета, которые проходили с 28 января по 17 февраля 1861 г., его предложение появилось только 11 февраля и было принято. Это принятие - своеобразная реакция на неудачу всех попыток практически большинства Государственного совета пересмотреть основы проекта редакционных комиссий, из-за того, что во всех принципиальных случаях Александр П присоединялся к меньшинству. В журналах Государственного совета нет никаких текстов Гагарина с изложением его предложения. В них только читаем, и то в оглавлении: "11 февраля - рассмотрение предложения (князя Гагарина) о прекращении обязательных отношений между помещиками и крестьянами посредством дара крестьянам части отведенной им в постоянное пользование земли"³. Если бы не вставка в скобках, мы бы не могли установить инициатора статей 123 и 116, так как в тексте журнала имя Гагарина не упоминается. Остается неясным, явилось ли это предложение спонтанным или оно имело длительный подготовительный период? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к "Особому мнению", которое Гагарин, отказавшись обсуждать проект "Положений", предложил членам Государственного совета. Полного текста "Особого мнения", представленного на Государственном совете, в журнале заседаний Главного комитета нет, но в приложении к нему имеется очень подробная секретарская запись, в конце которой стоит подпись кн. Гагарина, что свидетельствует о подтверждении правильности изложенного. В данной работе я хотела бы остановиться на содержании этой записи по возможности подробно, сохранив ее структуру в том виде, в каком подписал ее П.П.Гагарин.

"Особое мнение" состоит из 4 частей. В первой части излагаются условия, необходимые для успешного проведения реформы. Во второй утверждается, что эти условия не обеспечены проектом "Положений" редакционных комиссий; в третьей части предлагается 20 законоположений для осуществле-

ния этих условий; и в четвертой части показано, как эти предложения, в случае их принятия, обеспечат выполнение поставленных задач. Гагарин считал необходимым подчеркнуть, "что при разрешении крестьянского вопроса весьма желательно, как можно менее изменять существующие законы, не имеющие связи с крепостным правом, и сила коих распространяется на все сословия, потому что цель реформы в том и состоит, чтобы привести освобождаемых крестьян именно в то гражданское положение, каким все свободные сословия пользуются на основании законов"⁴.

Вся записка посвящена одному вопросу - размеру крестьянского надела, который Гагарин считал ключевым и понимал к каким нежелательным последствиям может привести его несправедливое решение: "...в такие минуты, какие переживает теперь Россия, -- пишет Гагарин, -- опасно порождать неудовольствия, плодить жалобы, возбуждать столкновения, а вместе с тем ослаблять силу закона и колебать доверие к власти"⁵.

Гагарин перечисляет шесть условий, соблюдение которых и позволит провести реформу успешно.

На первое место он ставит обязательное улучшение быта крестьян. Причем улучшение это должно быть значительным и наступить немедленно по двум причинам: во-первых, потому что оно было обещано и его ждут, и, во-вторых, с уничтожением крепостной зависимости на крестьян возлагаются новые обязанности, о которых они раньше не имели представления: круговая порука во всех платежах и повинностях, содержание "нового правления" (т.е. расходы на органы крестьянского самоуправления) и все заботы "о себе в несчастных случаях", в которых ранее обязаны были помогать им помещики (т.е. весь комплекс попечительства).

Вторым условием является устройство быта крестьян. Под этим Гагарин понимает: 1) правильное наделение крестьян землей; 2) соразмерное с возможностями крестьян определение податей и повинностей; 3) создание таких законов, которые гарантировали бы гражданскую самостоятельность и

человеческое достоинство и "побуждали к поддержанию первой и возвышению второго"⁶.

Третьим условием ставилась необходимость ограждения интересов помещиков, с тем чтобы они могли вынести трудный переход к новому быту и роду хозяйства. Здесь отмечаются: определение наибольшего размера пожертвований в пользу крестьян, мера вознаграждения за отходящую от помещика собственность, способы получения этого вознаграждения и сохранность оставшегося.

И, наконец, последние три условия это: обеспечение исправного поступления податей и повинностей в государственную казну; обеспечение народного продовольствия и поддержание хлебной торговли с иностранными государствами; поддержание общественного порядка.

Изложив "условия", Гагарин отмечает, что это простое повторение вмененных Главному комитету по крестьянскому делу и обязательных к соблюдению при составлении "Положений", т.е. "высочайше" сформулированные идеи. Поэтому вполне естественен вопрос Гагарина: удовлетворяют ли рассматриваемые "Положения" вышеперечисленным условиям? Именно в ответах на этот вопрос Гагарин предстает перед читателем не как крепостник, а как человек, который искал пути реформы наиболее безболезненные для страны и двух ее противоположных классов. Глубоко проникая в суть крестьянских и помещичьих интересов, осознавая их роль в экономической жизни страны Гагарин искал "третий путь".

Сотнося первое условие с проектом "Положений", Гагарин пишет, что введение в действие "Положений" предусматривает улучшение крестьянского быта, но не в той степени, в которой оно ожидается. Хотя в большинстве случаев существующий надел сохраняется, но допускается отрезка на основании норм высшего надела, не учитывается качество земли, а самое главное не предусматривается прирезка тем, у кого надел скудный, а земли у помещика достаточно.

Кроме того, хотя повинности и облегчаются, но они облегчаются лишь через 9 месяцев, облегчаются не учитывая степени благосостояния крестьян и в результате - облегчение

произойдет для зажиточных больше, чем для бедных, для оброчных больше, чем для барщинных. Но самое главное, с ликвидацией одних повинностей вводятся новые, не вознаграждаемые приобретенной свободой: общественные сборы, неумеренная в действии круговая порука, многосложные правила введения в действие "Положений", произвольная и безотчетная власть мира, множество должностных и начальственных лиц - домашний суд стариков, сельский сход, волостной суд, волостной сход, мировой посредник, присутственные места. Перечислив все это, Гагарин не без оснований считает, что улучшением своего быта крестьяне не будут удовлетворены.

Еще более подробно Гагарин разбирает второе условие - устройство быта крестьян. Поскольку в основе устройства лежит сохранение надела, если он не выше максимума, и не ниже минимума, который втрое меньше максимума, то надлежащего (подчеркнуто Гагариным) по местным условиям количества земли быть не может, так как 2 десятины не могут служить тем же обеспечением, что и 6, а 1 как 3⁷. Например, в черноземной местности у 5 помещиков, живущих по соседству или даже в одном селе, крестьяне могут иметь: у 1-го - 3 дес., у 2-го - 2,5 дес., у 3-го - 2 дес., у 4-го - 1,5 дес., у 5-го - 1 дес. Соответственно в нечерноземной местности: у 1-го - 6 дес., у 2-го - 5 дес., у 3-го - 4 дес., у 4-го - 3 дес., у 5-го - 2 дес.

Или: у двух помещиков одинаковое количество земли, по 7 дес. на душу, и одинаковое количество душ. Один дает по 4 дес. на душу, другой - по 1 дес. В результате реформы первый отрежет по 1 дес. - оставив максимум, а второй оставит 1 дес. - т.е. минимум. У первого помещика останется $\frac{4}{7}$ всей земли, а у второго - $\frac{6}{7}$. Гагарин сомневается, что крестьяне поймут такое решение вопроса, он заключает: "Также постановления поразят крестьян своею несправедливостью, а при убеждении, что эти постановления одинаково невыгодны и для дворян, особенно тех, которые до сих пор были милостивее и щедрее, возбудят в крестьянах ропот и неудовольствие на Правительство"⁸.

Гагарин отмечает, что повинности также не приведены в соответствие с наделом. За высший надел барщина - 40 мужских и 30 женских дней, а за низший - 20 мужских и 15 женских. То есть, если разница в наделе 1:3, то в повинностях 1:2.

Оброк также колеблется от 8 до 25 рублей в зависимости от географического положения, и ориентирован он на размер надела, не учитывая промыслы. В результате оброк в промысловом имении, где небольшой надел, ниже чем в тех, где надел большой, но земля плохого качества и дополнительного дохода не приносит. При этом в проекте "Положений" сказано, что оброк не должен превышать существующий на 1 января 1860 г. В результате может случиться, что за большую и лучшую землю крестьяне будут платить меньше и наоборот. Так, по подсчетам Гагарина в черноземной местности за 1 дес. при разных наделах крестьяне должны отработать:

мужских дней - 13 и 1/3, 14, 15, 16 и 2/3, 20.
женских дней - 10, 10 и 2/5, 11, 12, 15.

В нечерноземной местности:

мужских дней - 6 и 2/3, 7, 7 и 1/2, 9 и 1/3, 10.
женских дней - 5, 5 и 1/5, 5 и 1/2, 6, 7, 7 и 1/2.

Платить в черноземной местности:

3 р., 3 р.10 коп., 3 р.25 коп., 3 р.50 коп., 4 р.

В нечерноземной местности:

1 р.33 коп., 1 р.47 коп., 1 р.68 коп., 2 р.02 коп.,
2 р.72 коп.

"Неужели же, - подводит итог Гагарин, - по утверждению такой разнообразной платы за одну десятину, причем легко может случиться, что десятина в том имении, за которую плата выше, по качеству почвы и по местоположению хуже той, за которую плата ниже, можно думать, что крестьяне не признают ее справедливою и безобидною для себя?"⁹

Проверив реализацию первых двух условий в проекте "Положений", Гагарин заключает, что ни необходимого улучшения для крестьян, ни надлежащего наделения землей, ни точного размера повинностей с учетом оценки земель не происходит. Происходит лишь сохранение, насколько возможно,

прежнего надела при уменьшении повинностей помещику.

Затем он переходит к третьему условию – необходимости ограждения интересов помещиков – и считает, что потери у помещиков будут неуравнительные и несправедливые: "люди богатые и преимущественно получавшие доход не с земли, а с личности и промыслов, хозяйством не занимавшиеся, о крестьянах не радевшие и крестьян притеснявшие, потеряют гораздо менее, чем помещики, получавшие доход преимущественно от земли, дворяне средней руки или бедные, посвящавшие себя исключительно хозяйству, и из них в особенности те, которые по христиански исполняя свои помещичьи обязанности, предупредили благое намерение Государя и насколько могли, улучшили быт своих крестьян"¹⁰. По "Положениям", – продолжает Гагарин, – малоземельный помещик имеет право удерживать до 1/3 земли, в то время как многоземельный сохраняет за собой 3/4 земли. Он разъясняет различие выгод помещиков на следующем примере. Предположим, что два помещика в местности, где высший надел 3 дес., а низший – 1 дес., имеют по 1000 душ и 7000 дес. земли. В дореформенное время у одного крестьяне были наделены по 1 дес., в результате реформы он оставляет за ними 1000 дес. и сохраняет 6000 дес. в свою пользу. Второй держал крестьян на 4-х десятинном наделе, в результате реформы он отрезает 1000 дес., но все же лишается 3000 дес., сохраняя за собой лишь 4000 дес. Таким образом один, тот, который скудно наделял своих крестьян, лишается 1/7 части, а тот, который до реформы наделял достаточно, – теряет 3/7 части земельного массива.

Такое же несоответствие Гагарин отмечает и в размере оброка. Устанавливаемый равный высший оброк 9 руб. с души в нечерноземных оброчных имениях и во всей черноземной полосе ставит помещиков в неодинаковое положение в связи с тем, что в черноземной полосе земля даже на вольном рынке значительно дороже, в то время как в нечерноземной полосе оброк не имел отношения к земле и взимался с промыслов и личности. При таких обстоятельствах и при различном высшем наделе в черноземной и нечерноземной полосе от 2 и 3/4 до 8 дес., там, где земля самая плодородная и ценная – наделы

будут самые высокие, а цены самые низкие.

И еще один важный момент отмечает Гагарин. Помещики полностью отстранены от участия в реформе и не распоряжаются своей землей, как если бы она не была их собственностью, а получение с крестьян повинностей, назначенных помимо воли помещиков, ничем не обеспечивается. В результате они не смогут сохранить оставшуюся землю и вынуждены будут ее продать за долги. В случае неуплаты крестьянами повинностей "Положениями" предусмотрены "такие карательные меры, к которым редкий помещик согласится прибегнуть и которые довольно употребить один раз, чтобы разорить крестьян"¹¹. Гагарин ставит под сомнение возможность удовлетворения четвертого условия — обеспечение выполнения крестьянами повинностей помещику и казне, так как ни надел, ни объем повинностей "не соразмерны с нуждами крестьян". Кроме того, появляются сборы на нужды самоуправления, чего раньше не было. Разверстка же всех сборов на душу, а не на тягловый участок приведет к тому, что малолюдные и малоземельные общества будут вынуждены на каждую душу накладывать повинностей намного больше, чем в многолюднее. Все это, по мнению Гагарина, а если еще и присовокупить недостаточный срок исполнения, должно привести к вредным последствиям.

Далее Гагарин утверждает, что выполнение пятого условия ставится под сомнение в связи с тем, что первые четыре условия не обеспечиваются проектом "Положений". Помещик — основной производитель хлеба — эту свою экономическую функцию выполнить не сможет. Отсюда в государстве начнет ощущаться нехватка хлеба и его удорожание, что сразу же ударит по нуждам армии и городского населения, резко сократит экспортные возможности России. Предупреждая об этой опасности, Гагарин, однако, понимает прогрессивную роль реформы и ее неизбежность, замечая в примечаниях: "Несомненно, что с введением вольного труда и всевозможных улучшений в наши хозяйства, хлебная наша производительность удвоится; но на это нужно время и деньги — долгое время и большие деньги"¹².

Завершает он сопоставление "условий" и проекта "Положений" разбором шестого условия: "Но если условия Высочайше указанные к неперемennomу соблюдению, не исполняются в точности или вовсе не исполняются; если крестьяне будут недовольны, если помещики будут недовольны, если доходы государства не будут ни обеспечены, ни сохранены, а расходы увеличатся, если, наконец, будет недостаток в хлебе, то кто поручится за поддержание порядка общественного и за то, чтобы ожидаемые благие последствия от необходимейшей и полезнейшей из реформ, какая когда-либо у нас совершалась и от введения вольного труда не остановилась надолго?"¹³.

Итак, выбрав вернейший тактический прием защиты требований ("условий") Александра П к разрабатываемым законодательным актам, Гагарин подверг, если не уничтожающей, то весьма доказательной критике основные пункты проекта "Положений" редакционных комиссий. Он действительно заметил слабые места и, главное, зорко предвидел последствия реализации "Положений", которые пока еще обсуждались как проект. Если не считать замечания о том, что "Все Положение составлено в духе недоверия к дворянству"¹⁴, трудно критику Гагарина назвать продворянской или реакционно-крепостнической. В ней много разумного, взвешенного, объективного. Но что он предлагал взамен проекта редакционных комиссий?

Гагарин сам признается, что он солидаризируется с мнением члена-эксперта редакционных комиссий Желтухина. А.Д. Желтухин был редактором-издателем "Журнала землевладельцев", выражавшего взгляды на реформу средних помещиков. Н.М. Дружинин, изучавший материалы этого журнала, оценивает его так: "Вчитываясь в "Журнал землевладельцев", мы прежде всего не улавливаем того "крепостнического духа", который обычно приписывается этому органу. Мы не находим в нем принципиальной защиты крепостного права; и за очень редким исключением мы не видим на его страницах никакой идеализации патриархально-крепостного уклада жизни"¹⁵. Это обстоятельство уже сигнализирует об определенных позициях Гагарина.

Свой "пакет предложений" Гагарин начинает с повинностей, так как от них в значительной степени зависит улучшение быта крестьян и обеспечение исправного поступления государственных и земских податей и денежных сборов. Барщинную повинность помещику он ограничивает двумя днями вместо трех с тягла в неделю. Сверх того все тяглые от обязательной работы освобождаются и всякие поборы и безвозмездные добавочные повинности отменяются. Уже одно это, по мнению Гагарина, улучшит положение крестьян, уменьшая их повинность от $1/3$ до $1/2$ их прежнего размера. При этом он не скрывает, что в таком же размере уменьшаются и доходы помещиков в барщинных имениях и "...дай Бог, чтобы только на $1/3$ уменьшилось количество хлеба... большим государством рисковать не может"¹⁶. Больших пожертвований, отмечает Гагарин, помещики не выдержат, разорятся, следовательно и больших пожертвований крестьянам сделать нельзя.

Второе предложение связано с устройством быта крестьян. Оно включает: точное определение обязанностей крестьян перед помещиком, ограждение интересов помещиков и поддержание хлебной производительности в государстве. Для этого между помещиком и крестьянами должно быть заключено добровольное соглашение, в котором определяется сколько, в какие сроки и каких именно угодий одно крестьянское тягло, работая два дня в неделю, может обработать в год на помещика, и какие еще работы на помещика оно может произвести в эти два дня. Добровольное соглашение должно утверждаться Мировым посредником. Это положение позволяет, с одной стороны, на месте определить реальные возможности крестьян, а с другой — дает гарантии помещикам. В случае, если добровольного соглашения не произойдет, тогда мировой посредник сам определяет размер двухдневных работ на основании урочного положения, составленного в Губернском присутствии. При этом мировой посредник может вносить изменения согласно обстоятельствам и обычаям каждого имения.

Следующее положение связано с обеспечением быта крестьян, то есть наделением землей. Здесь расчет Гагарина очень прост: надел должен быть в 1,5 раза больше того,

который крестьяне обрабатывают за два дня у помещика. Так, если за два дня в неделю крестьянин берется обработать у помещика 2 дес., то его надел должен быть не более 3 дес., то есть такое количество, которое крестьянин может обработать за 3 дня*. Гагарин поясняет: "крестьянин получит земли не менее того, что он и прежде должен был получать по закону о трехдневной барщине; следовательно и существующий надел, где он был правилен и составлял потребность действительную, наверное удержится. Для заработка же подачей слишком достаточно одного дня в неделю, на который уменьшится обязательная издельная повинность крестьян"¹⁷.

Следующий ряд положений уточняют, разъясняют и дополняют первые четыре.

Как быть с размером надела в малоземельных имениях? Гагарин утверждает, что все крестьяне, отбывая двухдневную барщину, "имеют право на "трехдневный" участок", но они не вправе требовать от помещика, чтобы он употребил на обеспечение их более половины всей пригодной к обработке земли в данном имении. В малоземельном имении крестьяне могут не получить земли, но сохраняют все права. Гагарин и здесь усматривает определенные выгоды: а) крестьяне смогут свободно распорядиться своим трудом, что создаст условия к притоку денежных средств, появятся вольнонаемные рабочие и наемщики земли, увеличится число мастеровых и учащихся и т.п.; б) появится возможность немедленного выхода из общины и переселения на другие земли или в город. Этим правом, по мнению Гагарина, воспользуются немногие, главным образом крестьяне с беспокойным характером и те, у которых способности выше обыкновенных и они тяготятся своей зависимостью.

* Гагарин приводит расчеты, полученные во время инвентарной реформы, показывая, что крестьянское тягло в силах за 2 дня от каждой недели в год обработать 6 дес. помещичьей земли (полевой, луговой и усадебной) и, следовательно, сможет получить надел 9 дес. По его расчетам, на двор тогда при двухдневной барщине придется не менее 15 дес. земли.

Кроме того, по мере роста населения они могут выходить из общины, не разоряя ни помещичьего, ни крестьянского хозяйства. Все это, по мнению Гагарина, будет способствовать развитию промышленности и, на договорных началах, сельского хозяйства. Иначе говоря, для части крестьян предлагается "остзейский" вариант освобождения без земли.

Следующее предложение касается способа уничтожения крепостности, которое должно производиться обязательно по добровольному соглашению сторон, либо при помощи Мирового посредника, по правилам межевания за счет стороны, в чью пользу делается это размежевание, или за счет обеих сторон при обоюдной выгоде.

Гагарин считает необходимым поддержать общинное владение землей там, где оно дает какие-либо выгоды крестьянам, но больше выгод, по его мнению, дает частное владение. Поэтому земля должна быть разделена в течение 3-х лет раз и навсегда. Наделение землей должно идти не на ревизские души, а на всех наличных совершеннолетних работников до тех пор, пока находятся в тягле и исполняют повинности.

Кроме того, крестьяне могут увеличивать или уменьшать издельную повинность путем увеличения или уменьшения количества тяглов, но не более, чем на 1/3. Соответственно будет уменьшаться или увеличиваться размер надела.

По желанию, крестьяне могут переходить с издельной повинности на денежный оброк, который должен исчисляться из расчета стоимости двух рабочих дней по вольному найму. И наоборот, заменять денежный оброк работами или произведениями. В случае, если помещик с крестьянами не договорится добровольно, Мировой посредник определяет размер оброка на основании существующих расценок, если же и Мировой посредник не сможет определить размер оброка, решение переносится в Губернское присутствие. Ну а если и здесь вопрос не разрешится, то Губернское правление должно создать специальную Оценочную комиссию, а расходы по ее деятельности должны нести обе стороны. Гагарин считает, что до комиссии дело доходить не будет, так как ни одна из сторон не захочет лишних расходов и договорятся добровольно.

Гагарин предусматривает меры обеспечения исправного исполнения крестьянами их обязанностей к помещику. Главным залогом исправного исполнения он считает добровольность соглашения. В случае же неисполнения предлагаются следующие меры: замена одних повинностей другими, введение участковой обработки подворно, ответственность всего общества за исполнение издельной повинности с точным обозначением сроков, способов и качества, лишение недоимщиков их участков на время или навсегда. В случае обработки недоимки участок может быть возвращен.

Все вышезложенные положения должны быть реализованы и включены в договорную грамоту по окончании первого подготовительного периода, который длится со дня опубликования "Положений" до утверждения договорных грамот. Гагарин предполагает, что подготовительный период должен продолжаться 3 года, так как вопросов для урегулирования очень много. Кроме того трехлетний срок совпадает с трехлетним севооборотом. При необходимости трехлетний срок может быть увеличен. В договорную грамоту должны быть включены все условия о пользовании и выкупе усадеб.

В подготовительный период за крестьянами сохраняется их прежний надел без всяких изменений; денежная повинность также остается без изменения, за исключением случаев, несоразмерности со средствами крестьян; издельная повинность уменьшается до двух дней в неделю; оброк и издельная повинности выполняются только тягловыми крестьянами, а из затяжных только теми, кто получит от помещика землю или содержание; подводная повинность выполняется только за добровольную плату или установленную Мировым посредником и утвержденную Губернским присутствием.

Издельные крестьяне имеют право в два определенных в году срока переходить на оброк с уплатою его за полгода вперед.

Все сборы с крестьян и добавочные повинности отменяются.

По мнению Гагарина, если исполнить изложенные оба предложения, то будут достигнуты и исполнены все "условия"

Александра П. Сразу же по обнаружению "Положений", кроме дарования личных прав, крестьянину останется весь его земельный надел, а повинности значительно облегчатся, особенно барщинная. Но и оброчная облегчается, так как остается только на тех, которые получают землю. Дополнительные сборы и повинности отменяются. Кроме того, цена работы повысится, а следовательно цена денег понизится. Все это немедленно даст почувствовать крестьянам, что быт их улучшился. Таким образом первое условие будет выполнено. Тут же Гагарин сам себе ставит вопрос, а захотят ли крестьяне после такого улучшения заключать с помещиком договорную грамоту. По его мнению, заключение договора для крестьян явится первым проявлением гражданской самостоятельности, однако этот акт нужно стимулировать. Причем воздействие должно быть оказано как на крестьян, так и на помещика в равной степени.

Какие же стимулы выдвигает Гагарин?

На весь приговорительный период до подписания договорной грамоты наложить запрет: помещикам — на уменьшение крестьянского надела, крестьянам — на увеличение крестьянского надела; помещикам — на увеличение оброка, крестьянам — на уменьшение оброка; помещикам — на перевод крестьян с издельной повинности на оброк, крестьянам — переход с издельной повинности на оброк; помещиков — ограничить от права на освобождение от обязанностей по продовольствию, призору и побуждению крестьян к взносу государственных податей и других повинностей, ограничить крестьян от права на освобождение от исполнения добавочных повинностей в пользу помещика за условленное или определенное с его стороны вознаграждение; ограничить право помещика на свободную продажу земли, оставшейся после наделения крестьян, ограничить право крестьян на уменьшение или увеличение тягол, раздел семейств, возведение капитальных построек на земле, отданной в пользование, но в особенности на свободу перехода.

Гагарин считает, что такое обоюдное ограничение прав помещика и крестьян несомненно побудит их к скорейшему

заключению договорной грамоты.

Второе условие также будет выполнено, так как немедленно, по утверждении договорных грамот крестьяне получают в постоянное пользование сверх усадебной оседлости, которую они могут выкупить, необходимое количество земли, земля должна быть отведена целому обществу и разбита на непеределываемые тягловые участки. Повинности соизмеряются со средствами крестьян и выгодами, которые им предоставляются.

Договор должен быть добровольным соглашением между помещиком и крестьянами. В случае несогласия решение принимается местными учреждениями. Гагарин настаивает на добровольности, так как никто, кроме договаривающихся сторон не знает лучше сути дела, что исключает вредные последствия. Свободный крестьянин только тогда может примириться с сохранением обязательных отношений, когда он сам сознает достаточность своего надела, справедливость своих повинностей и с самой первой минуты может избрать род повинностей.

Но в то же время Гагарин признает, что "принимая во внимание противоположность интересов помещиков и крестьян; напряженное состояние умов; неприготовленность помещиков к реформе; смутное понятие крестьян о собственности и свободе и не менее смутное понятие служащих о справедливости"¹⁸ — могут быть случаи, когда как добровольный договор, так и с помощью местных властей может быть произвольным и пристрастным. Поэтому следует ввести ограничение немногими, "но положительными правилами, определенными Правительством"¹⁹. Этими правилами Гагарин считает те 20 мер, которые он предложил для решения вопроса о наделе и повинностях. И если при обнародовании эти правила будут объяснены понятным для крестьян языком, то не только помещики, но и крестьяне признают их вполне основательными, потому что, замечает Гагарин, — "русский народ всегда отличался своим здравым смыслом и любовью к справедливости и уравнительности"²⁰.

Поскольку в результате установления этих правил крестьяне будут иметь точно определенное право на наибольший

размер земли, а помещики на наибольший размер повинностей, то и тем и другим будет что уступать, а следовательно, и добровольное соглашение станет возможным.

Так как в скорейшем заключении договорных грамот в большей степени будут заинтересованы помещики, то в przygotowательный период, по мнению Гагарина, их права должны быть более ограничены, чем права крестьян, а уступки более значительны.

Третье условие — определение и ограждение поземельных прав помещиков и ограничение их пожертвований, также Гагарин считает реализованными, так как участвуя на добровольных началах в подписании договорных грамот, помещики могут сохранить то, что у них осталось, и наладить добрые отношения со своими бывшими крестьянами.

Четвертое условие, поступление в казну податей и сборов — обеспечено.

Пятое условие — снабжение страны продовольствием и сохранение торговли хлебом с другими государствами будет гарантировано "прочным устройством быта крестьян, не препятствующим им, как и ныне от двух тягол одному заниматься хлебопашеством, а другому промыслами, работами по вольному найму или наемкою земель; немедленным откреплением некоторых крестьян от земли, через что они получают возможность образовать неизвестный еще у нас класс фермеров, или усилить класс работников, не лишенных права на получение участка земли, не известный на Западе, и ограждением класса помещиков — хлебная наша производительность несравненно более обеспечена, чем рассматриваемым Положением"²¹.

Относительно развития сельского хозяйства на новых началах Гагарин замечает, что для этого понадобится много времени, много усилий как правительства, так и частных деятелей.

О шестом условии Гагарин говорит, что при соблюдении необходимых правил и возможном удовлетворении всех сторон, при прочном и несложном устройстве администрации, при соблюдении строгой постепенности, при разъяснении крестьянам, что срочно-обязательный период не прихоть помещика,

а способ устройства их быта, при разумном действии местных властей — будет легко поддержать и общественное спокойствие.

Гагарин обращает внимание на то, что предлагаемые им правила о назначении наделов и повинностей вполне могут быть согласованы с остальными частями рассматриваемого проекта "Положений" и не повлекут за собой откладывания реформы.

Особое мнение было подписано 30 ноября 1860 года. К нему было сделано очень важное дополнение и еще один решающий вопрос был реализован благодаря кн. П.П.Гагарину. В дополнении к своему особому мнению он высказал опасение, что освобожденным крестьянам не легко примириться с обязательными отношениями к помещику и по обнародовании "Положений" они вовсе не пойдут на работу. И хотя он надеется, что его особое мнение будет принято, в результате чего крестьяне получат большее облегчение повинностей и принцип добровольности должен сыграть положительную роль, Гагарин считает, что принуждение крестьян силою является "противным естественному чувству милосердия и справедливости, несовместимым с улучшением быта крестьян и весьма опасный"²². Чтобы избежать этого, оградить интересы помещиков и "исполнить желание Государя об обращении крестьян в поземельных собственников" Гагарин предложил одновременно с изданием "Положений" объявить, что правительство, согласно принять на себя долги помещиков Кредитным установлением, но с таким условием, что помещик добровольно наделит крестьян таким количеством земли, которое обеспечит Правительство ежегодным исправным получением с крестьян вместе с подушными платежами и погашение долга.

Реализация этого предложения не требует согласия крестьян, но она дает возможность обеим сторонам выйти из временнообязанных отношений, а по истечении лет крестьянам выкупить земельный надел в собственность. Срок выплат Гагарин предложил увеличить с 26 и 37 лет до 49 лет. И, как мы знаем, это предложение было принято Государственным советом и положено в основу закона о выкупе.

Таково содержание записки "Особое мнение" П.П.Гагарина. Итак мы видим, что Гагарин сумел выделить главный вопрос проекта "Положений" редакционных комиссий — о наделе и повинностях, и полностью его пересмотреть. По ходу обсуждения "Положений" были с его стороны и другие замечания, например, он ставил под сомнение функции Мировых посредников, но в целом не отверг их, считая это не решающим.

Освобождение крестьян он предполагал провести в двух вариантах: 1) в тех имениях, где земли достаточно, крестьяне, если желают, должны обязательно ее получить, это право должно быть закреплено законом. Надел должен быть достаточен для обеспечения платежеспособности крестьян, а следовательно, и соответствующего экономического уровня; 2) в тех имениях, где земли мало, дать крестьянам право освобождаться без земли, т.е. полностью развязать их свободу.

Полученный крестьянами надел должен был передаваться в постоянное пользование за определенный размер повинностей в пользу помещика, причем размер надела находится в прямой зависимости от размера повинностей.

Вид повинностей на переходный период выбирают сами крестьяне, но в конечном итоге повинность должна быть оброчной, а это не что иное, как переход к арендным отношениям, т.е. пожизненная аренда с передачей по наследству.

Идея Гагарина о прямой связи размера надела и объема издельной повинности была вполне продуктивной: она была проста для понимания и крестьянина и помещика и способствовала бы интенсификации крестьянского труда, так как ставила объем крестьянского надела в прямую зависимость от его трудовых возможностей. Правда, это касалось только тех имений, которые имели достаточный земельный резерв. Те же помещики, которые были ограничены в земельном владении, на полном законном основании, если бы было принято "Особое мнение" Гагарина, освобождали бы крестьян по "остзейскому" образцу, без земли. Крестьянам предоставлялся выбор: 1) быть наемными рабочими в городе или деревне, 2) арендовать землю в любом количестве. Этот вариант Гагарин называл западным и считал, что он у нас также может прижиться

и образовать класс фермеров.

Если прикинуть размер надела на тягло, предположенный Гагариным, то он был бы всегда примерно в 2-3 раза больше реально полученного по "Положениям" 19 февраля 1861 г. Правда, при этом и размер издельной повинности был бы на 34 дня больше (104 дня по расчетам Гагарина и 70 дней (40 мужских и 30 женских) в год по "Положениям" 19 февраля 1861 г.), но это был рост только на 1/3, тогда как надел увеличился бы в 2-3 раза. Если к этому добавить, что Гагарин предполагал наделение земель без последующего перераспределения и не дорожил общиной, то он мыслил вполне по-буржуазному.

Принципиальное положение Гагарина состояло в том, что он предлагал законодательно зафиксировать право крестьян отказаться от надела. Это не означало, что Гагарин поддерживал идею безземельного освобождения, т.е. что он солидаризировался с самыми отъявленными крепостниками, а только отстаивал крестьянское право выбора. Именно эта сторона его записки могла трансформироваться в идею дарственного надела.

Что же касается добровольности, то при внимательном прочтении записок видно, что она довольно относительная. В конечном итоге речь идет об одном: крестьяне добровольно выбирают между 1 и 2 вариантом, т.е. брать или не брать надел. Все остальное как для крестьян, так и для помещиков имеет жесткие ограничения. Сам же принцип добровольности вполне подтвержден жизнью, так как дарственная сделка в результате реформы 1861 г. заключалась добровольно и по обоюдному согласию.

"Особое мнение" не создает впечатление, что перед нами "опасный и изворотливый реакционер". Государственный подход к делу двигал его идеи, равное значение он придавал как классу помещиков, так и классу крестьян, понимая, что один без другого существовать не могут и реформирование должно коснуться обоих, в противном случае реформа "не исправит зло, а только усугубит его"²³.

Как известно, "Особое мнение" Гагарина не было принято, хотя на Государственном совете из 29 членов 16 его поддержали. Анализ его содержания позволяет понять, почему именно Гагарин предложил дарственное наделение. В этом предложении получили конкретное воплощение его принципы: добровольное соглашение помещика и крестьянина, связь размера повинностей с достаточностью надела, меньшая привязанность к общине и формирование "класса фермеров", как он это понимал.

-
- 1 Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С.68.
 - 2 Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856-1861. М., 1984. С.226.
 - 3 Журналы и мемории общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу с 28 января по 14 марта 1861 г. Пг., 1915.
 - 4 Журнал и приложение к журналу Главного комитета по крестьянскому делу. СПб., 1861. Приложение. С.15.
 - 5 Там же. С.1.
 - 6 Там же. С.2.
 - 7 Там же. С.5.
 - 8 Там же. С.6.
 - 9 Там же. С.7.
 - 10 Там же.
 - 11 Там же. С.9.
 - 12 Там же. С.11.
 - 13 Там же.
 - 14 Там же. С.9.
 - 15 Дружинин Н.М. Журнал землевладельцев (1858-1860) // Избранные труды. Социально-экономическая история России. М., 1987. С.23.
 - 16 Журнал и приложение к журналу... Приложение. С.12.
 - 17 Там же. С.13.
 - 18 Там же. С.28.
 - 19 Там же.
 - 20 Там же. С.29.
 - 21 Там же. С.31.
 - 22 Там же. С.32.
 - 23 Там же. С.1.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЕКТ С. А. МУРОМЦЕВА

Представляется актуальным обращение к политической традиции русского конституционализма и прежде всего важнейшим политическим документам — программам конституций, созданным в период революционного кризиса начала XX в.¹ Вызывает споры степень практической готовности конституционалистов к реализации их программы, однако отрицать сам факт ее существования трудно по крайней мере из-за появления в данных кругах первых в России XX в. конституционных проектов². Уже в начале разворачивания революции ведущая либеральная организация России, Союз Освобождения, предпринял важный символический шаг — выступил с проектом конституции, который может рассматриваться как своеобразная программа движения³. Тот факт, что Союз Освобождения представлял собой широкую коалицию различных течений (представляющих более и менее радикальные направления внутри самого либерализма⁴), отразился на отношении к данному конституционному проекту, в оценке которого имели место два принципиальных критических мнения⁵. Одни считали будущую конституцию слишком политизированной, преувеличивающей институциональный и процедурный аспекты, другие придерживались мнения, что она пошла слишком далеко от существующего порядка вещей.

Это второе мнение привело к появлению другого проекта, получившего название "конституции Муромцева", который стал теоретической основой последующего конституционного движения в России. Данный проект, вызвавший значительный интерес современников и оказавший несомненное влияние на выработку важнейших законодательных актов российской государственности послереволюционного периода, незаслуженно обойден вниманием в современной науке. В настоящее время нет специальных исследований об этой крупнейшей попытке русских либералов заложить основы конституционной монархии в России. Между тем данный документ составил програм-

мную основу для российского конституционного движения и, в частности, политической деятельности конституционно-демократической партии в думский период. В июле 1905 г. проект С.А.Муромцева был принят земским съездом "в принципе" и стал затем предметом обсуждения и развития в либеральной публицистике. Данный проект еще лучше, чем предыдущий, отразил взгляды умеренной части конституционалистов - так называемого либерального дворянства. Конституционная модель Муромцева была призвана не столько заменить существующие законы, сколько постепенно наполнить их новым содержанием. Основные идеологические установки русского конституционализма сказались здесь, поэтому наиболее четко: Муромцев (работавший при этом совместно с Кокоскиным - другим виднейшим юристом кадетской партии) ограничил до минимума изменения в существующих законах и максимально оговорил такие изменения более формализованным языком, чем было ранее. В процессе переработки разделов о законодательстве, которые были существенно изменены, авторы проекта сознательно смягчали многие формулировки предшествующего конституционного документа. При этом они руководствовались как общетеоретическими воззрениями, выработанными всей либеральной школой русской юриспруденции, так и соображениями практической политики - стремлением обеспечить эволюционный переход от самодержавия к правовому государству, основным условием существования которого признавалась Государственная дума как важнейший инструмент политических реформ и установление ее контроля над монархической властью (ответственное министерство).

В этой связи целесообразно остановиться прежде всего на тех общих принципах, которые стремились провести авторы проекта, являвшиеся несомненно ведущими русскими специалистами по конституционному праву. Сергей Андреевич Муромцев (1850-1910 гг.) был представителем старшего поколения русской либеральной интеллигенции, одним из наиболее видных философов и теоретиков права, признанным главой конституционного движения в России, членом и одним из лидеров Кадетской партии, председателем Первой Государственной думы⁶.

Профессор Московского университета по кафедре римского права (с 1875 г.), он вынужден был затем (в результате его отстранения от преподавания) оставить научную деятельность и посвятил себя адвокатуре и политике. Изучая право в Геттингене во время научной стажировки в Германию, он познакомился с идеями Р. фон Иеринга, которые затем последовательно развивал в своих трудах. В магистерской диссертации - "О консерватизме римской юриспруденции" (1876) и докторской диссертации - "Очерки общей теории гражданского права" (1877) он отрицал метафизическое и формально-догматическое понимание права как "юриспруденции понятий", отчужденных от реальной жизни и других областей знания и обосновывал (главным образом на материале римского права) необходимость связи права с жизнью как "юриспруденции действительности". В работе "Определение и основное разделение права" он дал цельное понятие права и его элементов, а в ряде других трудов рассматривал роль судьи в творчестве права, дал точное разделение догмы права, истории и политики права. Этот подход выразился в полемической работе "Что такое догма права?". Она стала своеобразным манифестом нового направления в русской теоретической юриспруденции - социологической школы права. В последующей дискуссии с представителями традиционной правовой науки (среди которых можно указать на Гольмстена и Пахмана) были поставлены многие из проблем, обсуждавшихся затем в западноевропейской юриспруденции первой половины XX в. (в трудах классиков современной правовой теории - Г. Кельзена, Е. Эрлиха и др.) в связи с определением точного содержания науки права и основных категорий права. В целом можно констатировать, что созданное Муромцевым направление поднимало значение социальных аспектов правовой науки и уровень судебной практики. Эти идеи нашли дальнейшее развитие в поздних теоретических трудах Муромцева - "Гражданское право древнего Рима" (1883) и "Рецепция римского права на Западе" (1885). Новизна подхода состояла прежде всего в том, что право (вслед за Иерингом) рассматривалась как реализация общественных интересов - влияния племени, рода,

семьи, государства, религии и всех общественных явлений, что давало возможность интерпретировать право с привлечением других общественных наук. Однако, в отличие от другого крупнейшего представителя социологии права в России — М.М.Ковалевского, Муромцев не перешел целиком к социологии, а оставался юристом как в своих теоретических работах, так и в практической деятельности в качестве адвоката и политика⁷. Все это позволяет рассматривать Муромцева не только как основателя социологии права в России, но и социального деятеля, видевшего свое предназначение в борьбе за право (выражаясь словами Иеринга). Являясь убежденным сторонником конституционной монархии и народного представительства, Муромцев, однако, отвергал некритическое заимствование западных форм политического устройства, считал необходимым их приспособление к российским условиям и политической практике. Этим объясняется общая умеренная направленность его конституционного проекта, принятого большей частью либеральной общественности и просвещенной бюрократии как руководство к действию. Другим наиболее активным участником разработки рассматриваемого конституционного проекта стал представитель молодого (и более радикального) поколения русских конституционалистов — Федор Федорович Кокешкин (1871—1918), вышедший из разночинной среды юрист, общественный деятель и крупнейший эксперт в области государственного права. Наряду с этим, в работе над проектом "Основного закона" принимали участие такие видные деятели земского движения как Н.Н.Щепкин и Н.Н.Львов. Все они, как и сам Муромцев, являлись членами земского организационного бюро. Работа над конституционным проектом велась под руководством С.А.Муромцева сначала в Москве, а затем в его доме в Царицыне.

Конституционный проект С.А.Муромцева был впервые опубликован 6 июля 1905 г. в газете "Русские Ведомости" наряду с составленным им же проектом Избирательного закона под общим названием — "К вопросу об организации будущего представительства"⁸. Эта публикация, сделанная с целью информации широкой общественности о данными документами,

не может быть признана, однако, соответствующей современным научным требованиям. Сам обобщающий характер заглавия скрывает два различных и неравноценных по важности документа. Это собственно конституционный проект, не имеющий в газетной публикации особого заглавия и проект избирательного закона. Оба документа напечатаны без указания имени их автора, что часто мешает современным исследователям атрибутировать их. Единственной последующей публикацией данного проекта является его издание в сборнике статей - "Сергей Андреевич Муромцев" (1911 г.), изданном в память о нем⁹. В приложении к этому изданию оба документа представлены под общим названием - "Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А.Муромцева"¹⁰, что также в какой-то степени дает повод для сомнений относительно того, какова была его роль и роль других ученых (прежде всего Кошкина) в составлении тех или иных положений конституционного проекта. Наконец, мы располагаем индивидуальным печатным экземпляром проекта, сохранившимся в архиве Муромцева и озаглавленном следующим образом - "Проект, напечатанный в газете "Русские ведомости" от 6 июля 1905 г. № 180"¹¹. Интересно, что этот документ содержит последующую правку Муромцева, затрагивающую ряд принципиальных вопросов. Частично эти исправления учтены в упомянутом выше издании памяти Муромцева, однако, эта публикация поправок не носит исчерпывающего характера. Таковы основные тексты проекта Муромцева, которыми располагает современный исследователь. Первоначальный рукописный вариант, вероятно, не сохранился (по крайней мере он отсутствует в документах архивного фонда ученого). Существенно дополнить эту картину позволяют источники мемуарного характера, посвященные конституционному движению в целом (воспоминания ряда видных деятелей кадетской партии) и С.А.Муромцеву, его работе над проектом, в частности. Среди них следует особо выделить статьи биографического характера, написанные П.Н.Милюковым, Г.Ф.Шершеневичем, А.А.Кизеветтером, И.А.Кистяковским, Н.И.Астровым, Д.И.Шеховским, М.М.Винавером, В.Д.Набоковым, С.А.Котляревским, Н.А.Гредескулом. В ряду

этих воспоминаний, написанных специально для сборника 1911 г., особое место принадлежит статье Ф.Ф.Коккошкина — "С.А.Муромцев и земские съезды", где дается анализ рассматриваемого конституционного проекта и раскрывается отчасти история его создания¹².

Содержательный анализ конституционного проекта С.А.Муромцева показывает, что он исходил при его составлении главным образом из опыта монархического конституционализма стран Европы, прежде всего Германии, и стремился по мере возможности максимально согласовать их с российской политической традицией. Стремясь обеспечить эволюционный порядок перехода от абсолютизма к конституционной монархии, Муромцев, как и многие другие либералы, считал наиболее целесообразным введение в России конституционного строя путем ряда реформ сверху, последовательно осуществляемых самой монархической властью. Подобная модель политического развития позволяла избежать радикальной революционной ломки всего государственного строя и осуществить легитимный переход к новой (конституционно-монархической) политической системе в рамках существующего законодательства, его последовательного преобразования и наполнения новым политическим содержанием. В теории государственного права данный тип конституционализма противопоставлялся революционным конституциям и получил характерное название октроированных конституций¹³. В истории стран Европы он представлен был во Франции Конституционной Хартией 1814 г., конституциями отдельных германских государств, принятых в первой трети XIX в., и особенно полно в последовательно сменявшихся друг друга конституционных актах Пруссии 1850 г., Северо-Германского Союза, наконец, конституции Германской империи 1871 г. Подобный тип конституционализма в качестве своей основы и наиболее характерной черты имел монархический принцип. Согласно воззрениям Муромцева именно эта модель конституции в наибольшей степени отвечала российским условиям. В качестве исходного пункта работы над конституцией Муромцеву служил предшествующий конституционный проект "Основного государственного закона Российской империи",

составленный в октябре 1904 г. в Москве группой членов Союза Освобождения и напечатанный в марте 1905 г. в Париже П.Б.Струве. Этот первый проект, изданный редакцией журнала "Освобождение", получил широкое распространение в среде либеральной интеллигенции, неоднократно переиздавался (в газете "Право" и сборнике "Конституционное государство") и стал предметом интенсивного обсуждения¹⁴. Теоретические основания данного проекта и его общая политическая направленность были близки взглядам Муромцева. Однако ряд его существенных положений не отвечал разработанной им стратегии. С точки зрения Муромцева необходима была переработка данного документа в трех отношениях: "а) строгой юридической формулировки положений; б) разработки подробностей; и в) приближения, не в ущерб смыслу, языка проекта к языку, уже усвоенному русским законодательством". Однако за этими формально-юридическими вопросами крылось, несомненно, и стремление к существенной содержательной модификации проекта Струве и группы "Освобождение"¹⁵.

Особое значение для раскрытия взглядов Муромцева на существо конституционного вопроса в России имеет обращение к материалам его архива. Речь идет, в частности, об автобиографической "Записке" Муромцева о первом и втором съездах земских деятелей, датированной 29 июля 1905 г. На этих съездах в качестве центральной проблемы стояло обсуждение вопросов о народном представительстве в России и создании проекта государственного строя. В этой связи Муромцев объясняет свою позицию в отношении предшествующего конституционного проекта и высказывает принципиальные концепционные идеи нового основного закона. "Еще в конце октября прошлого 1904 г. в связи с приготовлениями к ноябрьскому съезду, - констатирует он, - в Москве небольшой группой лиц был составлен проект основного закона Российской империи на конституционно-демократических началах. Этот проект был тогда же распространен в обществе при помощи различного рода множительных аппаратов. Позднее его напечатало на своих страницах заграничное "Освобождение", вследствие чего незна-

шие о его действительном происхождении дали ему название проекта Струве"¹⁶. Данный проект стал предметом обсуждения на первом (ноябрьском) земском съезде в Петербурге и особенно на втором общеземском съезде, состоявшемся 22–26 апреля 1905 г., где проблема разработки основного законодательства стала важнейшим вопросом повестки дня. Результаты дискуссии стали для Муромцева побудительным мотивом при создании нового проекта Основного закона¹⁷. Муромцев вполне определенно указывает на необходимость избежать двух крайностей – чисто охранительного подхода правительственных кругов и однозначно деструктивной позиции революционного лагеря. По его мнению, обе эти крайности сходятся в одном – неприятии права как способа разрешения социально-политического конфликта. Отсюда – возможность легкого перехода от одной крайней позиции к другой, при котором меняется скорее форма, чем содержание государственной организации¹⁸. Указанная позиция, вызывавшая своей умеренностью критику даже внутри кадетской партии со стороны наиболее радикальных ее элементов, в длительной исторической перспективе представляется, однако, вполне обоснованной. Отрицание сильной государственной власти в России оказалось деструктивным фактором не только для самодержавия, но и для самого русского либерализма, не имевшего серьезной опоры в ограниченном массовом сознании. Признание этого факта можно найти в сочинениях видных либеральных деятелей послереволюционной эпохи, указывавших, что их основная задача заключалась не в свержении самодержавия, а в обеспечении его эволюционного перехода в конституционную монархию, а основная ошибка кадетов состояла в том, что они "должны были стать посредниками между старой и новой Россией, но сделать этого не сумели"¹⁹. Отсюда вытекает историческая целесообразность проекта Муромцева, дававшего формулу исторического компромисса самодержавия и конституционализма.

"Проект изложен таким образом, – пишет он, – что мог бы быть включен в Свод законов взамен ныне действующих статей 47–81 первой части первого тома, не затрагивая непосредственно остальных отделов ни первой, ни второй части первого

тома Свода и предоставляя уже дальнейшему ходу законодательства дать то или другое выражение влиянию новых начал на старье части законодательства. Во главу проекта поставлен (лишь в новом его выражении) принцип верховенства закона в области государственного управления, т.е. тот же самый принцип, который лежит в основании ныне действующих основных законов (статья 47-я); центр тяжести нового порядка сведен не к вопросу об ограничении власти императора, а к вопросу о правах Государственной Думы и об ответственности перед нею высших представителей бюрократии — министров²⁰. Принципиальное значение проекта Муромцева состояло в том, что он стал общей политической программой всей (как либеральной, так и радикальной) интеллигенции и прогрессивных земских деятелей, объединившихся затем в конституционно-демократическую партию. На учредительном съезде партии в октябре 1905 г. при обсуждении вопроса о желательной форме правления в России, обнаружилось два течения — республиканское и конституционно-монархическое. Однако уже на съезде, состоявшемся в январе 1906 г., партия вполне определенно высказалась за парламентарную монархию. Согласно принятой программе партии ее целью являлось установление в России конституционной монархии, при которой "министры ответственны перед собранием народных представителей"; "народные представители избираются всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов", а основой представительства должно было стать широкое развитие местного самоуправления и автономии окраинных областей (особенно царства Польского). На этой основе предполагалось исключительно правовым путем провести решение социальных проблем — аграрного вопроса (увеличение крестьянского землепользования за счет осуществляемого государством выкупа помещичьих земель) и рабочего вопроса (за счет развития рабочего законодательства). Сходные программные принципы объединяли некоторые другие элементы либеральной интеллигенции, земцев и промышленников в рамках трех других, близких к кадетам небольших партий — прогрессивной партии, партии

мирного обновления и партии демократических реформ²¹. Можно сказать, поэтому, что проект Муромцева создал теоретическую основу стратегии политических преобразований всего либерально-конституционного движения России.

"Основной закон" в редакции С.А.Муромцева состоит из 6 разделов и 113 статей, представляя собой достаточно сжатый и четко сформулированный документ²². Приоритетные направления законодательного регулирования отражены в названиях разделов: "О законах" (Раздел I); "О правах российских граждан" (Разд. II); "Учреждение Государственной Думы" (Разд. III); "О министрах" (Разд. IV); "Об основах местного самоуправления" (Разд. V); "О судебной власти" (VI). Как показывает уже название первых двух разделов, основной целью Муромцева было создание правового государства. Однако этой цели он стремился достичь по возможности в рамках существующего законодательства или, во всяком случае, с минимальными его изменениями. Этим объясняется, в частности, нежелание Муромцева вносить в конституцию специальный раздел, посвященный определению прерогатив монарха. Этот раздел, типичный для основного законодательства конституционно-монархических государств, имел важное значение для ограничения власти государей. Он был, поэтому, внесен также в проект группы "Освобождение", где выполнял ту же функцию. Отказ Муромцева от сохранения данного раздела может рассматриваться как нежелание слишком четко проводить принцип разделения властей, в частности законодательной и исполнительной. Это предположение подтверждается как будто и отношением Муромцева к судебной власти: из предшествующего проекта Муромцев считал необходимым изъять положение о верховном конституционном суде, учреждение которого представлялось ему практически неосуществимым в России. Данная позиция вызвала критику более радикального течения в русском конституционализме, отдававшего предпочтение первому проекту основного закона именно в силу того, что там принцип разделения властей проводился более четко. Однако, из этого не следует, что Муромцев выступал против последовательного проведения конституционных принципов: отличие его

позиция состояло в том, что он считал необходимым не заимствовать их в готовых формулах из западноевропейских конституций, а вывести органически из тех общих начал законности, которые, как ему представлялось, заложены в российском законодательстве. В этом отношении он выступает как последовательный сторонник германской либеральной юриспруденции и, в частности, исторической школы права Ф.Савиньи и Г.Пухты, интерпретировавшей германское право именно таким образом. Данный подход соответствовал и русской либеральной традиции – государственной школы, которая в лице ее основателей и наиболее видных представителей – С.М.Соловьева, К.Д.Кавелина, Б.Н.Чичерина и А.Д.Градовского сходным образом рассматривала эволюцию российской государственности. В русской юриспруденции конца XIX – начала XX в. существовало мнение, сформулированное наиболее четко Н.М.Коркуновым, что сам факт упорядочения законодательства, последовательное проведение разграничения указа (как чисто административного акта) и закона (как акта, принятого в соответствии с определенной зафиксированной процедурой) является движением от полицейского государства времен абсолютной монархии к правовому государству новейшего времени²³.

Данный подход прослеживается и в проекте Муромцева, считавшего, что необходимые ограничения царской власти, не определяемые в специальном разделе, должны вытекать из разделов конституции, посвященных законодательству, организации народного представительства, исполнительной и судебной власти. Монархическая власть, поставленная в данный политический контекст, неизбежно приобретает ограниченный характер, но в то же время выступает и своего рода верховным гарантом законности и верховенства права. Именно эта идея становится лейтмотивом первого раздела проекта. "Империя Российская, – подчеркивается в первой статье, – управляется на твердых основаниях законов, издаваемых в порядке, сим основным законом установленном". Все остальные положения раздела выводятся из этого основного принципа правового государства. К их числу относятся: порядок взаимоотношения общих и местных законов, которые не должны противосто-

речь друг другу; принцип необратимости закона, порядок издания новых законов только в соответствии с конституцией (ст.2-4). Важнейшие социально-политические требования эпохи первой русской революции были также оформлены в юридических терминах: это - установление равенства всех перед законом (ст.10), и закрепление деятельности суда и административных учреждений только в соответствии с законом (ст.8 и 14), наконец, порядок принятия, обнародования и введения в силу самих этих законов (ст.6-7, 9, 11). Стремление создать прочные основы правового государства прослеживается особенно в разделе втором - "О правах российских граждан" - представляющем собой хартию демократических прав и политических свобод населения России. В центре внимания - чрезвычайно цельная и емкая концепция прав личности, не зависящих ни от национальных, ни от социальных, ни от конфессиональных характеристик ее места в обществе.

Предложенная в проекте модель будущего государственного устройства России представляла собой конституционную монархию дуалистического типа, главная особенность которой состояла в стремлении совместить сильную исполнительную власть (сконцентрированную в монархе) и развитое народное представительство (как важнейший элемент социального контроля). В центре политической системы оказывается монарх, с одной стороны, и двухпалатный парламент, с другой. Механизм принятия политических решений при этом определяется характером отношений между ними, который не может быть постоянным и, как правило, создает преимущества для исполнительной власти. Данная модель, однако, по мнению умеренных конституционалистов, оказывалась идеальной формой, позволяющей объединить силы либерального общественного движения и передовых элементов бюрократии для осуществления политических и социальных реформ. Отсюда проистекала, однако, и известная имманентная противоречивость проектируемой политической системы, нашедшая свое наиболее полное выражение в модификации классического принципа разделения властей. Он проводится здесь не столь четко как в западных республиканских конституциях, а его трактовка оставляет особый

статус для монархической власти. Мы видели, что проект Муромцева не содержал специального раздела о монархической власти. Тем не менее ее prerogatives можно реконструировать по отдельным статьям, рассеянным в других разделах. Монарх обладает всей полнотой исполнительной власти и в то же время играет значительную роль в осуществлении законодательной власти, разделяя ее с парламентом — Думой.

Другим важнейшим компонентом политической системы и, в частности, законодательной власти являлась Государственная Дума, регламентации правового положения которой в проекте Муромцева уделено особенно много места. Посвященный этому вопросу раздел III проекта — "Учреждение Государственной Думы" значительно превосходит все прочие разделы по объему (включая в себя 52 статьи из общего их числа — 113), а кроме того отличается от них большей внутренней детализацией. Раздел подразделяется на шесть глав, в которые вынесены следующие вопросы: "О составе и порядке образования Государственной Думы" (гл.1); "О членах Государственной Думы" (гл.2); "О собраниях Государственной Думы" (гл.3); "О внутреннем устройстве и порядке занятий Государственной Думы" (гл.4); "О предметах ведомства и пространстве власти Государственной Думы" (гл.5); "Особенные правила" (гл.6). Тот дисбаланс, который вносит данный раздел в конституцию как по объему регулируемых в нем правовых норм, так и по характеру распределенного в нем материала объясняется стремлением авторов проекта совместить в нем по существу два документа — собственно конституционное закрепление места Думы в политической системе и того, что впоследствии было названо "Положением о Государственной Думе", регулирующем ее деятельность как государственного института. Такая концентрация в одном разделе о Думе столь значительного числа норм при отсутствии с другой стороны особого раздела о монархической власти должна была подчеркнуть роль еще не созданного парламента в противовес существующему самодержавному государству. Каков должен был стать российский парламент согласно конституции Муромцева? Ответ на этот вопрос дается в той части документа, где разъяснены орга-

низационные параметры образования, структуры и состава данного института.

Государственная Дума "образуется собраниями доверием народа облеченных, избранных от населения лиц, призываемых сием избранием к участию в осуществлении законодательной власти и в делах высшего государственного управления" (ст.36). Эта основополагающая статья показывает, что Дума отнюдь не является единственным носителем высшей законодательной и тем более исполнительной власти в стране, но правомочна лишь к "участию" в законодательной власти и управлении наряду с монархом. Поэтому о разделении властей в собственном смысле слова не может быть речи. Дума представляет собой двухпалатный парламент, подразделяясь на земскую палату и палату народных представителей (ст.37). Данная структура Думы имела своей целью совместить земское и общенациональное представительство, обеспечив преемственность традиций земских съездов и единство центрального и местного управления. Оригинальность предложенной организации парламента не вызывает сомнений: если первая палата (народных представителей) соответствует аналогичным палатам западных конституций, то вторая (земская) — принципиально отличается от них. Она является представительством общественных союзов (земств и городов), а не феодальной аристократии (как палата лордов или палата пэров) или правящей бюрократии, зависимой от монарха (как Государственный совет в России последующего времени или его аналоги в других конституционно-монархических государствах).

Предвидя возможные способы воздействия исполнительной власти на депутатов, проект подробно рассматривает их статус и четко определяет все нюансы его возможных изменений. В статьях, регламентирующих положение членов Государственной Думы, собраны и проанализированы практически все возможные конфликтные ситуации, известные авторам проекта из опыта западноевропейского парламентаризма. Прежде всего они стремятся к сохранению определенной независимости каждой из палат парламента друг от друга, дающей им возможность осуществлять взаимный контроль и

выступать в виде различных инстанций в процессе законо- творчества. Отсюда запрещение одному лицу быть одновременно членом обеих палат (ст.52). Другой линией противоречий могут стать отношения депутатов к их избирателям. Стремясь превратить Думу в орган высшей законодательной власти, авторы проекта специально оговаривают независимость депутатов от конкретных пожеланий их избирателей, "В своих суждениях и решениях член Государственной Думы не может быть связан наказами или указаниями своих избирателей" (ст.60). Однако основное внимание уделено возможностям обеспечения независимости членов Думы по отношению к исполнительной власти. В период борьбы за конституционное ограничение монархической власти особенно важно было предотвратить два основных способа воздействия администрации на депутатов - коррупцию и прямое административное давление.

Проблема законодательной и исполнительной властей рассматривается в проекте Муромцева с точки зрения механизма создания и принятия законодательных актов, прежде всего - утверждения бюджета. Выше уже отмечалось, что право законодательной инициативы при дуалистической форме правления принадлежит как Думе, так и монарху. Тем не менее, Дума имеет приоритетное право на рассмотрения и обсуждения. Согласно разработанной процедуре их прохождения, проекты законов, прежде представления их на усмотрения императора, предлагаются на обсуждение и решение обеих палат Государственной Думы (ст.82). Законопроекты поступают в Думу из трех инстанций - их вносят министры от имени императора; Палата народных представителей (по предложению не менее 30 своих членов); и Земская палата (по предложению не менее 15 ее членов) (ст.83). После доработки проекта с учетом замечаний обеих палат и одобрения ими законопроект представляется государственным канцлером императору, который утверждает его (ст.84). Особенно жесткий контроль Дума осуществляет над принятием актов стратегического характера, которые без ее предварительного утверждения не могут стать законами. Таким образом эта группа актов как

бы получает особый статус и зависит от воли монарха в меньшей степени. Проблема контроля над бюджетом имела принципиальное значение для распределения власти между законодательной (парламент) и исполнительной (монарх) властью, начиная с первых попыток создания представительного правления (в ходе английской буржуазной революции) и ее решение предлагали все конституции европейских стран. Можно констатировать даже наличие определенной закономерной тенденции: в соответствии с тем как различные конституции решают проблему утверждения государственного бюджета проходит и распределение власти между основными ветвями власти в системе конституционно-монархического государства. В этом смысле Великобритания дает пример парламентского верховенства, а страны Восточной Европы, в том числе Россия, — ярко выраженный тип дуалистической монархии, на практике часто оказывающийся мнимым конституционализмом. Проект Муромцева уделяет значительное место проблемам законодательного утверждения бюджета и роли различных отраслей власти в его принятии. Характерно, однако, что в весьма детальном перечне контролируемых Думой расходов отсутствует столь важная статья как расходы на армию и флот. Это можно объяснить тем, что они теоретически входят в общегосударственный бюджет и утверждаются вместе с другими статьями государственной росписи. Однако, учитывая внимание, которое уделялось этому вопросу в западных конституциях (где он, как правило, оговаривается специально), трудно предположить, что дело заключается только в этом чисто формальном основании. Скорее можно предположить, что Муромцев просто не хотел предрешать этого вопроса, оставляя его для последующего законодательного регулирования. Дело в том, что во многих государствах с конституционно-монархическим строем (особенно в Германии) монарх оставался главой армии и вопрос о ее финансировании часто вел к острым политическим кризисам (напр., кризис 1862—1864 гг. в Германии). Сознательно избегая оговаривать в переходный период прерогативы власти монарха в области внутренней и внешней политики, Муромцев вынужден был оставить открытым вопрос о финанси-

вании армии и государственного аппарата. Единственной формой контроля, которая предусмотрена проектом, является принцип отчетности администрации перед палатами Государственной Думы за расходом средств (ст.90). Исходя из эволюционной концепции развития российской государственности, Муромцев должен был, однако, совместить каким-то образом новые и старые властные структуры и сконструировать юридическую формулу их бесконфликтного отношения. Принципиальное значение в этой связи приобретал вопрос о соотношении государственного бюджета и бюджета императорского дома, парламента и правящей династии. Этим объясняется появление в проекте ряда статей, закрепляющих весьма архаичные (по существу чисто феодальные) политические нормы. Так, государственная роспись (бюджет) устанавливается особым законом не более чем на годичный срок. Однако сумма, отпускаемая из государственной казны в личное распоряжение императора и на содержание императорского двора (фактически - гражданский лист), "определяется Государственной Думой в начале каждого царствования и в течение его не может быть изменяема без согласия императора" (ст.87). В неизменном виде сохраняются все действующие законы, определяющие статус и порядок отношений внутри царствующей династии. Это - Учреждение об императорской фамилии (ст.82-179-я. Ч.1 Т.1 Свода законов издания 1892 г.) в его частях о степенях родства в доме императорском (ст.82-90-я); о рождении и кончине членов императорского дома (ст.90-99-я); о титулах, гербах и прочих внешних преимуществах (ст.100-119-я); о гражданских правах членов императорского дома (ст.175-179-я). Все эти нормы, подчеркивается в проекте (ст.94), могут быть пересмотрены в законодательном порядке не иначе как по указанию императора и, следовательно, находятся вне парламентского контроля.

Одной из центральных проблем при переходе к системе представительного правления являлось установление парламентского контроля над правительством. Обычно указывают на два принципиальных типа такого контроля. Один из них, про-

водящий его наиболее последовательно, представлен кабинетской системой (классический пример — Англия), где правительство просто назначается из членов парламента от победившей партии. Другой тип представлен более полно в конституционных монархиях континента Европы, прежде всего — Германии, где он получил своеобразное теоретическое обоснование. Главным его отличием является двойственное положение исполнительной власти (правительства) в политической системе. Правительство назначается здесь монархом и обязано выполнять его волю, но в то же время неизбежно должно считаться в какой-то степени с настроениями, господствующими в парламенте. Это порождает неустойчивость политической системы, баланс которой определяется тем, кто оказывается реальным руководителем деятельности правительства — парламент или монарх. В государствах с длительными традициями сильной монархической власти данное равновесие неизбежно нарушается в пользу монарха. В этих условиях парламент выступает с минимальным требованием установления контроля над правительством, выражающемся в возможности получить отчет о его деятельности и выразить свое отношение к ней (хотя вотум недоверия вовсе не ведет к отставке министров). Эта расстановка политических сил делает крайне актуальным либеральный лозунг "ответственного министерства", под которым понимается правительство, подотчетное парламенту. В данной перспективе становится понятна та часть проекта Муромцева — "О министрах", где регламентируется их политический статус. В его определении хорошо прослеживается двойственность положения правительства. С одной стороны, четко зафиксировано верховенство монарха в его формировании: "Государственный канцлер и, по его представлению, прочие министры назначаются указами императора"; сходным образом (указами императора) они увольняются от должности (ст.98). Обращает на себя внимание должность государственного канцлера, который является связующим звеном между монархом и министрами. Этот высший чиновник представляет министров для назначения императору, председательствует на совещаниях министров и сам может одновременно

занимать должность одного из них (ст.99). В его лице мы фактически имеем прообраз председателя совета министров последующего времени, сконцентрировавшего в своих руках очень большую власть. С другой стороны, проект Муромцева очень последовательно проводит принцип ответственного министерства. Он различает, собственно, два рода ответственности - индивидуальную и коллективную. В первом случае это ответственность каждого из министров за свои личные действия и распоряжения; за действия и распоряжения подчиненных ему властей, основанные на его указаниях; за скрепленные его подписью указы и иные акты императора (ст.100). Во втором - речь идет об ответственности канцлера и министров "в совокупности" перед палатами Государственной Думы за "общий ход государственного управления" (ст.101). В обоих случаях мы имеем дело с политической ответственностью правительства перед законодательной властью. Конкретный механизм осуществления этой ответственности, однако, не раскрывается. В частности, отсутствует даже упоминание о необходимости отставки министра или, тем более, всего министерства, в случае неодобрения их деятельности Думой. Наряду с этим предусмотрена ответственность министров перед гражданским и уголовным законом как должностных лиц в случае нарушения ими при исполнении своих функций законов и прав граждан (ст.102). В этих случаях (к числу которых отнесено нарушение основного закона, нанесение ущерба государству превышением полномочий, бездействием или злоупотреблением властью) министры могут привлекаться к ответственности каждой из палат Думы и быть преданы суду общего собрания первого и кассационного департаментов Правительствующего Сената. Помилование также осуществляется по ходатайству палаты, решением которой министр был предан суду. Рассмотрение статей об ответственности министров показывает, что авторы проекта сознательно стремились избежать ее формулирования в категориях публичного (или конституционного) права. Политическая сторона возможного конфликта министерства и парламента и возможностей его урегулирования осталась за рамками проекта. Вопрос о политической

ответственности сознательно переводится в другую плоскость гражданского и уголовного права. В результате ответственность министров за проводимый политический курс трансформируется в их ответственность как отдельных чиновников за конкретные должностные преступления. Таким образом решение проблемы ответственного министерства (представленной как ответственность министров) отодвигается на будущее.

К числу характерных черт конституционного проекта Муромцева можно отнести разработку в нем теории и практики местного самоуправления. Будучи активным земским деятелем, участником и ведущим идеологом ряда земских съездов, Муромцев считал возможным положить земский принцип в основу организации местного и центрального управления. В какой-то мере эти его идеи могут рассматриваться как выражение программы всего земского движения в России, исходившего, более или менее осознанно, из идеи о том, что будущий российский парламент должен лишь увенчать собой развитое местное земское самоуправление.

Наряду с законодательной и исполнительной властями проект основного закона характеризует судебную власть. Хотя этой теме посвящен особый раздел конституции, нельзя не признать, что судебная власть охарактеризована очень общо. Ей посвящено всего 5 статей проекта. Возможно это связано с представлением о необходимости вынесения вопросов судопроизводства и организации судебных учреждений в особый кодекс. В проекте мы находим скорее лишь определение общего отношения судебной власти к другим ее ветвям. Основной закон подчеркивает неправомерность какой-либо зависимости суда от административных инстанций (столь распространенной на практике). Практика изъятий определенных дел из общей системы судопроизводства категорически отвергается. Проект не предусматривает таких исключений даже для военного или чрезвычайного положения, в нем нет упоминания о возможности чрезвычайных или военно-полевых судов, исключения не предусмотрены даже для должностных лиц (за исключением министров). В дальнейшем (во время и

после революции) все эти изъятия становились, как известно, способом проведения репрессивной судебной политики, инструментом исполнительной власти для преодоления независимости судопроизводства от администрации. Таким образом принцип разделения властей — законодательной, исполнительной и судебной, несмотря на сделанные нами оговорки, проводится в проекте достаточно определенно.

Общие принципы конституционного проекта отражены и в созданном одновременно с ним проекте избирательного закона²⁴. Основными его положениями стали: введение четкой процедуры выборов, производимых по законодательно утвержденным избирательным округам большинством голосов избирателей; обеспечение независимости выборов от администрации; общественный контроль над их проведением и определением результатов, публичность и гласность в работе избирательных комитетов и юридическое оформление их прав и обязанностей.

Рассмотрение проекта "Основного закона" С.А.Муромцева позволяет констатировать его значение для разработки общей теории конституционного движения в России. Он представлял собой по существу политическую программу умеренного направления русского либерализма накануне первой русской революции. В нем прослеживается целостная и оригинальная концепция русской государственности, показаны пути перехода от самодержавного строя к конституционной монархии, сконструирован юридический механизм политической реформы. Отталкиваясь от требований радикальных политических течений и доктрин, Муромцев сформулировал ясный и реалистический взгляд на сущность переходного периода и возможности эволюционной трансформации абсолютистской монархии в правовое государство. С этим связана умеренность всего проекта, отсутствие в нем специального раздела о прерогативах императорской власти, допущенные модификации принципа разделения властей и специфическая терминология, максимально приближенная к действующему законодательству. Так, он предпочитает говорить не о конституции, а об "основном

законе", не о конституционной монархии, а о верховенстве закона, не о парламенте, а Государственной Думе, избегает таких терминов западных конституций как "гражданский лист" или "ответственное министерство". Тем не менее, содержание проекта показывает, что в его лице мы имеем дело с одним из наиболее цельных и четких программных документов конституционного движения в России. Взяв за основу германскую теоретическую концепцию конституционной монархии, Муромцев максимально переработал ее применительно к условиям Российской империи и переживаемого момента. Отдавая себе отчет в практических трудностях реализации данного проекта в условиях отсталой страны, он, тем не менее, не колеблясь формулирует в качестве перспективной задачи построение гражданского общества и правового государства. Проект Муромцева, поэтому, представляет собой своего рода российскую хартию прав человека, не утратившую значения до настоящего времени. Практическое значение проекта Муромцева также достаточно велико. С одной стороны, он создал теоретическую основу политической деятельности кадетской партии в период формирования и деятельности Государственной Думы. В отличие от практически всех остальных партий в России, кадетская партия оказалась наиболее подготовленной к введению парламента и получила возможность сознательно проводить в нем принципы правового государства. С другой стороны, проект Муромцева оказал несомненное влияние на введенные основные законы, хотя, как отмечали современники, более на их внешнюю форму и редакцию, чем на сущность. По справедливому наблюдению Кокошкина, можно предположить, что влияние это могло бы оказаться гораздо сильнее, если бы конституция была открыта еще в 1905 г., одновременно с манифестом 17 октября или вскоре после него. Но акты 20 февраля 1906 г., установившие важнейшие положения действующего государственного права, и акт 23 апреля 1906 г., принятый в развитие этих положений, возникли уже в другой политической обстановке, когда правительство после поражения революции получило возможность менее считаться с либеральной оппозицией.

Тем не менее признаки влияния проекта С.А.Муромцева (а через него, освобожденческого проекта 1904 г.) можно проследить в ряде постановлений принятых Основных законов, прежде всего – главы восьмой – "О правах и обязанностях российских подданных" и главы девятой "О законах"²⁵. Можно, таким образом, считать, что проект Муромцева на определенном этапе создавал основу и возможность исторического компромисса конституционно-либерального движения и монархического правительства, объединения их усилий по преодолению революционного кризиса. Возможность эта оказалась тогда не реализованной. На современном этапе, когда перед обществом стоят во многом сходные проблемы, проект Муромцева, поэтому, продолжает оставаться актуальным.

-
- I Медушевский А.Н. Русский конституционализм второй половины XIX – начала XX в. // Первая Российская революция 1905–1907 гг. М., 1991.
 - 2 Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программа. Тактика. М., 1985.
 - 3 Проект Основного Закона Российской империи. Выработан комиссией бюро общеземских съездов. Paris, 1905.
 - 4 История буржуазного конституционализма XIX в. М., 1986.
 - 5 Fröhlich K. The Emergence of Russian Constitutionalism 1900–1904. The Hague, 1981.
 - 6 Медушевский А.Н. Кем был председатель Первой Государственной Думы? // Генеалогические исследования. М., 1993.
 - 7 Зорькин В.Д. С.А.Муромцев. М., 1982.
 - 8 К вопросу об организации будущего представительства // Русские Ведомости (от 6 июля 1905 г.). № 180.
 - 9 Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911.
 - 10 Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А.Муромцева // Указ. соч. С.384–406.
 - 11 Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф.575 (С.А.Муромцев).
 - 12 Кокошкин Ф.Ф. С.А.Муромцев и земские съезды // Сергей Андреевич Муромцев. С.205–250. В документах архива Кокошкина его работа над конституционным проектом совершенно не отражена: ГАРФ, ф.1190.

- 13 Политический строй современных государств. СПб., 1905-1906. Т. I-2.
- 14 Основной государственный закон Российской империи: Проект русской конституции, выработанный группой членов "Союза Освобождения". Париж, 1905.
- 15 Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С.224.
- 16 ГАРФ. Ф.575. Д.8. (Записка С.А.Муромцева о первом и втором Общеземских съездах). Л.3-3 об.; см. также публикацию высказываний Муромцева по конституционному вопросу в издании его трудов "Статьи и речи".
- 17 Там же. Л. 3 об.
- 18 Там же. Л.5 об.
- 19 Тиркова-Вильямс А. На путях к свободе. London, 1990. С.246-247.
- 20 ГАРФ. Ф.575. Д.8. Л.3-5.
- 21 Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. Нью-Йорк, 1953. С.449.
- 22 Основной Закон // Сергей Андреевич Муромцев. Сб. статей. Приложение Первое. С.385-400.
- 23 Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб., 1894.
- 24 Избирательный Закон // Сергей Андреевич Муромцев. Сб. статей. Приложение первое. С.402-406.
- 25 Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С.227. См. также: Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908. Т. I. (Конституционное право). С.119-123.

МАТЕРИАЛЫ ОСОБОГО ОТДЕЛА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЭСЕРОВСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ (1898–1914 гг.)

Партия социалистов-революционеров (ПСР) была одним из главных действовавших персонажей исторической драмы, происходившей в России в начале XX в. Она прошла путь от разрозненных групп до массовой партии, в 1917 г. стала крупнейшей политической партией в России, делегировала своих членов во Временное правительство, победила на выборах в Учредительное собрание, но после его разгона в январе 1918 г. не смогла противостоять большевикам. Был ли феномен этой партии цепью случайностей или имел свои исторические предпосылки? Ответу на этот вопрос будет способствовать обращение к начальному периоду ее истории.

ПСР была общероссийской политической организацией. Вместе с тем, большую роль в ней сыграли около 10 Областных комитетов, созданных в годы революции 1905–1907 гг. Это были руководящие партийные структуры, осуществлявшие диспетчерские функции. Так, Областной комитет Центральной области (ОК ЦО) координировал деятельность эсеровских организаций в 10 губерниях Центрального промышленного района. Этот регион, являясь историческим ядром России, был однотипен в экономическом и национальном отношениях. Возникновение и деятельность в нем эсеровских организаций существенно отличались от хода общепартийного процесса. В конце XIX в. в России активизировалась деятельность революционных организаций, а к началу первой мировой войны она повсеместно прекратилась. Все это время борьбой с ней руководил Особый отдел Департамента полиции (ОО ДП), образованный 9 января 1898 г.

Процесс изучения этой партии, начатый еще в дореволюционное время, подробно изложен в историографических очерках¹. В последние 3–5 лет повысился интерес к эсерам, что отразилось в публикациях ряда воспоминаний и исследований². Но в опубликованных работах были затронуты лишь отдельные

фрагменты по истории некоторых организаций эсеров в Центральной России, а их деятельность в масштабе всего региона не рассматривалась. К тому же в этих работах отсутствуют источниковедческие разделы.

Источники по истории ПСР состоят из двух основных групп: собственно документов партии и материалов судебно-полицейских органов. Важнейшие документы общепартийного характера были опубликованы самими эсерами³. В центральной и местной печати помещены уставы организаций, разнообразные сведения об их деятельности. Отдельные документы ПСР были опубликованы в сборниках к 20-летию революции 1905 г., в журналах "Красный архив", "Каторга и ссылка".

Как и другие революционные и многие оппозиционные партии, ПСР находилась на нелегальном положении, поэтому партийного архива в России у нее не было. В настоящее время в пределах России одним из важнейших и основных источников для изучения истории этой партии являются материалы, отложившиеся в результате деятельности судебно-полицейских органов. Главным среди них был Департамент полиции Министерства внутренних дел (ДП). Это было сложное бюрократическое учреждение с разветвленной структурой. В результате деятельности его Особого отдела (ОО), 3-го, 4-го, 5-го, 7-го делопроизводств отложилось большое количество документов, освещающих деятельность эсеровских организаций. Это материалы по наблюдению за политически неблагонадежными и поднадзорными, наружному наблюдению, надзору за массовыми движениями, фонд вещественных доказательств⁴, библиотека революционных изданий⁵. Они хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Главной составной частью ДП являлся Особый отдел, руководивший политическим розыском. Губернские жандармские управления (ГЖУ) и охранные отделения направляли в ОО отчеты о состоянии революционного движения и ведении розыска: о вербовке секретных сотрудников, агентурные сведения, данные наружного наблюдения и тому подобную информацию. В ОО поступали также копии отчетов губернаторов, строившиеся

на донесениях общей полиции. Полученные с мест сведения ОО регистрировал и обрабатывал, дополнял информацией из своих источников и из перлюстрации. В результате сложился уникальный и чрезвычайно интересный комплекс документов. В отличие от других фондов органов политического розыска, например, Московского и Петербургского охранных отделений, фонд ОО (ф. 102 ОО) практически не пострадал во время погромов в феврале 1917 г. По сравнению с материалами фонда Министерства юстиции (ф. 124), который хранится в этом же архиве и содержит только процессуально установленные факты и полные списки прилагавшихся изъятых предметов, документы ОО значительно превосходят их по информационной насыщенности.

В предлагаемой вниманию читателя статье автор стремится показать, в каких подразделениях ОО ДП отложились материалы об эсеровских организациях Центральной России, за какие годы и как складывалась номенклатура дел в ОО, указать на архивные дела, касающиеся менее изученных или спорных вопросов: возникновение организаций, их численность, взаимоотношения с организациями других партий, роль в них профессиональных революционеров, участие организаций эсеров в общественной борьбе вокруг Государственной думы. Но прежде чем приступить к характеристике основных групп документов, необходимо привести хотя бы самые общие сведения о структуре и порядке делопроизводства фондообразователя⁶. Это облегчит характеристику и использование материалов фонда.

Особый отдел Департамента полиции был образован 9 января 1898 г. Его структура менялась вслед за изменениями в общественно-политическом движении. Порядок делопроизводства в ОО начал складываться с 1898 г. Суть его сводилась к группировке материалов по партийной принадлежности, а дела формировались по территориальному и тематическому принципам.

В описи ОО за 1898 г. было выделено 19 "нарядов" или тематических рубрик, не повторявшихся до 1904 г. Вот почему дела, начатые в 1898 г., формировались в течение

нескольких лет и содержат сведения с 1898 по 1904 гг. и даже до конца 1905 г. В дела под номером "80" были сгруппированы документы об эсеровских организациях. Губерниям был дан определенный литер. Например, ф.102 00. 1898. Д.80. Лит.Ю - дело Нижегородского комитета эсеров.

В 1905-1906 гг., как и весь государственный аппарат, 00 не был готов к борьбе с массовым движением. Он был про- с) "завален" массой документов, поступавших с мест. Для упорядочивания его работы 00 был разделен на первый отдел (или отдел "А"), занимавшийся наблюдением за партиями, и второй отдел (или отдел "Б"), работавший против общественного движения. Переписка ДП об эсеровских организациях подшивалась в дела под номером "20" с отдельными частями по всем губерниям. Например, ф.102 00. 1906/1. д.20. Ч.82 - дело о Ярославской организации ПСР.

С 1 января 1907 г. отдел "А" стал собственно 00, а отдел "Б" был преобразован в 4-е делопроизводство. Для углубления специализации в 00 было создано 4 отделения, каждое из которых наблюдало за определенной партией или районом. Против эсеров была направлена деятельность 2-го отделения. Жандармская документация о социалистах-революционерах стала подшиваться в дела под номером "9", губернии располагались по алфавиту и каждой был дан определенный номер. Например, ф.102.00. 1907. Д.9. Ч.8 - дело о эсерах Владимирской губернии. На каждую губернию заводилось несколько дел. Первое без литеры - комитетское дело - и с литерами А, Б, В, Г, которые указывали на характер документов, хранящихся в деле. Литер "А" означал, что в деле собрана разная переписка, обычно это наиболее обширное дело. В дела под литером "Б" подшивались агентурные сведения и материалы их разработки, под литером "В" - отчеты по наружному наблюдению, а литер "Г" ставился на дела, содержавшие материалы о движении партийной литературы в губернии. Дела, отражавшие деятельность центральных органов партии, помещались перед губернскими организациями. Например, ф.102 00. 1907. Д.9. Т.2 - дело о литературе

ПСР. Номенклатура дел менялась еще до 1910 г., а затем оставалась неизменной. В архиве сохранились старые делопроизводственные описи, которые содержат заголовки дел, заводившихся в ДП. Дела не перешифровывались и хранятся под старыми делопроизводственными номерами. Состояние документов хорошее. Почти все они заполнены на специальных бланках, помеченных грифом "Секретно" или "Совершенно секретно", обычно имеют машинописный текст. Таким образом, в соответствии с осуществленными в ОО реорганизациями структуры и изменениями порядка делопроизводства его материалы можно рассматривать по трем периодам: 1) с 1898 г. до начала первой революции, 2) с января 1905 г. до конца 1906 г., 3) 1907–1914 гг.

Первые упоминания о социалистах–революционерах в переписке ДП появились в середине 90-х гг. В ней хорошо отражена история складывания организаций, на основе которых образовалась партия.

В конце XIX в. губернские и уездные города Центральной России служили местом поселения для революционеров, вернувшихся из ссылки, высланных из столиц на родину участников студенческих беспорядков и стачек. Это был целый слой людей, выбитых из жизненной колеи, утративших социальные связи, с особым стереотипом нравственных ценностей. Из этой среды и вышли руководители и организаторы эсеровских групп. Из ГЖУ-й в ДП поступали донесения о частных собраниях, происходивших на квартирах, в которых проживали административно высланные⁷. Результатами подобных собраний становилось объединение в кружки и группы. Так, в 1900 г. в Рязани двумя нелегальными была организована группа социалистов–революционеров⁸. В 1903 г. в Твери проживал на поселении Л.И. Зильберберг, впоследствии видный террорист партии. Он организовал несколько рабочих кружков, но его влекла террористическая деятельность и он выехал за границу. А вскоре начатое дело было продолжено присланными в Тверь организаторами⁹. По такой же схеме происходило становление партийных групп в других городах Центральной России.

Материалы ОО подробно освещают деятельность Союза социалистов-революционеров, организованного А.Аргуновым в 1896 г. в Саратове и перенесшем свою деятельность в 1897 г. в Москву¹⁰. Это была наиболее крупная организация в Центральной России. В нее вошел и Е.Ф.Азеф, приехавший в Россию из Германии в июле 1899 г. В то время он уже состоял в контактах с российской полицией. Об Азефе существует обширная литература, многие его донесения опубликованы¹¹. Благодаря ему охране был известен каждый шаг "Союза": имена 9 членов московской группы, все детали дела постановки типографии для печатания газеты "Революционная Россия", оставшей впоследствии центральным органом эсеровской партии, связи "Союза" с женеvской группой социалистов-революционеров Х.Житловского. С.В.Зубатов считал невыгодным для интересов политического розыска ослаблять арестами кружковую работу в Москве, так как "тогда еще труднее будет находиться в курсе революционных дел в провинции и затей последней в отношении здешней столицы"¹². Но с активизацией попыток объединения разрозненных организаций социалистов-революционеров в России и за границей, ОО вмешался в этот процесс и произвел аресты членов "Союза" и его тайной типографии. После этого руководители "Союза" передали Азефу все партийные связи и предоставили полномочия для завершения переговоров об объединении группы с.-р., которые завершились выпуском декларации о создании партии, а ДП получил сотрудника в самом центре зарождавшейся ПСР. Таким образом, к январю 1902 г. ОО ДП в целом контролировал процесс консолидации эсеровских групп.

Наибольшее количество информации о деятельности эсеров в 1898-1904 гг. было собрано по Москве и Нижнему Новгороду. В 1898 г. в Москве на них было заведено 3 дела¹³. В них есть присланные Московским охранным отделением списки организации: 10 членов комитета, 17 участников студенческого союза, 20 активистов. Деятельность организации разносторонне освещают также личные дела руководителей Московского и Центрального комитета эсеров¹⁴. Энергично работал Нижегородский комитет. В состав руководящей группы входило 8 че-

ловек, в организации имелся весь набор техники печатания: мимеограф, гектограф, каучуковая типография, на которой печатались прокламации. В деле есть сведения о связях нижегородцев с сормовскими эсерами, совершившими первое в Центральной области политическое убийство силами местной боевой дружины¹⁵.

При ликвидации в конце 1902 г. Екатеринославского комитета эсеров жандармы вышли на кружок Организаторов социалистов-революционеров в Туле¹⁶. 9 его членов выпускали и распространяли листовки. Тульские умельцы снабжали екатеринославских эсеров поддельными документами. Кроме Екатеринослава члены кружка имели партийные связи еще и в двух уездах губернии, Орле и Париже. Другая сильная организация эсеров была создана в Богородском сельскохозяйственном училище, расположенном в одноименном уезде губернии¹⁷. Работу в ней вели учителя училища, которым активно способствовал его директор М.Зубрилов. Для нелегальных целей были приспособлены типография училища и учебные занятия. В результате социал-революционной пропагандой было охвачено около 100 учащихся, а прокламации распространялись по всему уезду. Активист организации В.Ф.Инушин впоследствии станет профессиональным революционером, будет работать в областном комитете.

В регулярных докладах начальников ГЖУ-й (рубрика № 9) содержатся списки членов губернских организаций, информация об их возрасте, вероисповедании, национальности, образовании, социальном происхождении и занятиях. К середине 1903 г. в ОО накопилось достаточно сведений для вывода о том, что "за последние три года в числе действующих противоправительственных групп наибольшей активностью, энергичностью и жизнеспособностью отличается революционная организация, именуемая себя ПСР"¹⁸. Циркуляром ДП от 19 августа 1903 г. начальникам ГЖУ-й предписывалось "выяснить весь наличный состав действовавших и действующих групп эсеров" и сообщить в ДП сведения о всех известных им по делам управлений социалистах-революционерах с отдельными справками на каждое лицо. По получении ответов

выяснилось, что ГЖУ-я не могли правильно определить партийную принадлежность привлекавшихся к дознаниям¹⁹. Тогда задача была сужена до выяснения количества и состава местных террористических групп, пытались определить численность организаций и через выяснение адресов, на которые Заграничный центр эсеров высылал нелегальные издания²⁰. Но и эти сведения не дают представления о суммарных цифрах членов эсеровских организаций.

Исследователь начального периода формирования партии Н.Д.Ерофеев обратил внимание на то, что на предварительной стадии работы прежде всего необходимо определить "сколько и какие конкретно организации входили в состав партии эсеров"²¹. Но предлагаемая им методика подсчета и его результат, по нашему мнению, могут быть оспорены. Суть возражений сводится к интерпретации текста Обращения членов ЦК, приехавших из России в Женеву для создания Заграничного комитета²². В этом документе дана наиболее полная на 1903 г. характеристика принципов построения партии. В нем четко проведена грань между партийными организациями и группами сочувствующих: "...усилившись и завязав тесные контакты с Партией, группы, по соглашению с ЦК, могут превращаться в местные комитеты, уполномоченные представлять Партию на местах и действовать от ее имени. До тех пор они выступали как независимые, связанные лишь идейно с Партией группы или как вспомогательные органы ближайших к ним местных комитетов Партии"²³. В своих подсчетах Н.Д.Ерофеев основывается на том, что группы должны достаточно развить свою деятельность, "усилиться", а "если в данной местности и возникло нечто подобное организации эсеров, то это объединение носило кружковый характер и, по-видимому, исчерпало себя и свои силы изданием одной-двух прокламаций. Относить его к организациям партийным, по нашему мнению, было бы неправильно"²⁴. На наш взгляд, аргументы Н.Д.Ерофеева противоречат цитированному документу, так как из них выпало главное - принцип централизма, лежавший в основе построения партии, "создававшейся "сверху вниз". Для включения какого-то объединения в состав партий-

ных организаций, как следует из документа, прежде всего требовалась санкция ЦК. Н.Д.Ерофеев же вносит в единый реестр и местные группы, и комитеты, и областной комитет Северо-западной области, игравшие совершенно различную роль в партии.

Момент начала первой российской революции – расстрел рабочей демонстрации в Петербурге 9 января 1905 г. – был неожиданностью для всех противников режима. Поэтому в ходе поднимавшейся волны возмущения деятели разной политической ориентации пытались договориться хотя бы о каких-то совместных действиях. Результатом прошедших по губернским городам Центральной России собраний стали демонстрации общественности. После январских 1905 г. волнений ЦО систематизировал материалы об их участниках. Выяснилось, что общественное движение переклестнуло узкопартийные рамки. Деятельность эсеров выразилась в участии или в руководстве демонстрациями, но не в их предварительной подготовке. Ряд организаций успели оперативно выпустить листовки с призывами к демонстрации и вооруженному восстанию. Например, Нижегородский комитет уже 11 января 1905 г. отгектографировал такую прокламацию в количестве 100 экземпляров²⁵. Листовка аналогичного содержания вышла от имени Московского рабочего союза ПСР²⁶. Как известно, эти призывы успеха не имели. Оценивая уроки 9 января 1905 г., Ярославский рабочий союз ПСР в манифесте о своем образовании, выпущенном летом 1905 г., заявил: "Одно стихийное движение без партийного руководства обречено на поражение, несмотря на всю свою силу. Чтобы партия могла руководить восставшим народом и доставить ему победу она должна иметь правильную и прочную организацию"²⁷.

Из донесений начальников ГЖУ-Й в ЦО следует, что демонстрация и беспорядки, происходившие после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г., имели большой размах, повсеместно сопровождалась столкновениями с черносотенцами. В некоторых губерниях, как например, в Ярославле, возбужденные революционерами демонстранты выделили из своей среды отряды "для снятия служащих с работ", парализовали дея-

тельность ряда губернских учреждений: Казенной палаты, Окружного суда, Губернской земской управы, Почтово-телеграфной конторы²⁸. В ОО нет специальных дел об участии эсеров в декабрьских вооруженных выступлениях.

Возрастание влияния ПСР на общественное движение отразило резко увеличившееся количество "Сведений по губерниям и областям", поступавшим в ОО (рубрика № 9). Дела об эсерах (рубрика № 80) сообщают о существовании и деятельности 7 организаций в Центральной России: трех комитетов - Тверском (Ч.1), Тульском (Ч.3), Московском (Ч.28) и четырех групп - Калужской (Ч.16), Костромской (Ч.25), Ярославской (Ч.61), Владимирской (Ч.62). Дело о Нижегородском комитете продолжалось с 1898 г. В фонде ОО нет специальных дел о существовавших в то время Орловской и Рязанской группах. Это, очевидно, объясняется, с одной стороны, отсутствием активной работы и видимых ее проявлений, а с другой - отсутствием агентуры, способной осветить партийную жизнь.

С усилением дестабилизирующей роли революционных партий ОО издал 24 августа 1905 г. циркуляр за № 10 950 "О революционных партиях"²⁹, в котором главной обязанностью органов политического розыска называлось "ближайшее знакомство с характером, целями и способами действий тайных организаций". Сбор информации предназначался для выработки целесообразных приемов борьбы, не сводящихся к временному, часто случайному изъятию из революционного движения отдельных его представителей. Во исполнение циркуляра ГЖУ-я направили в ОО подробные донесения. Эти сведения были сгруппированы в дело № 1 800 "О представлении отчетов о состоянии революционного движения в империи и описки анархистов, социалистов-революционеров, боевых дружин, а также наблюдении за лицами этих категорий" с отдельными частями по всем губерниям.

Отчеты из ГЖУ-й присылались по мере их подготовки. Они содержат обзоры деятельности организаций со времени их возникновения и до конца 1905-начала 1906 г. Донесения начальников ГЖУ показывают полную неспособность этих

учреждений к выполнению поставленной задачи. В Рязанском управлении не имели представления об организационном строении ПСР и сообщали о существовании "Рязанско-Скопинского сообщества социалистов-революционеров". В ОО слово "сообщество" вызвало недоумение, его подчеркнули и поставили рядом вопросительный знак³⁰. Сведения по Московской губернии начальник ГЖУ сопроводил припиской, что они "далеко не полны и даже не фактически достоверны" из-за несоответствия структуры управления поставленным перед ним задачам³¹. Из Тверского ГЖУ докладывали, что с октября 1905 до апреля 1906 г. деятельность эсеровской организации значительно усилилась. Главное внимание она направила на пропаганду в крестьянстве и организацию боевых дружин. "Дерзость этой группы, - говорилось в документе, - дошла до того, что митинги обставляются вооруженными патрулями, а некоторые члены ее выходили на учение боевой стрельбы из браунинга"³². Но представить требуемые сведения не смогло и Тверское ГЖУ. В члены боевых дружин жандармские управления включали всех замеченных с оружием в руках на демонстрациях, митингах, забастовках. Их число доходило до нескольких десятков. В Костроме часть дружинников была добровольцами, а другую часть составляли нанятые за плату бывшие фабричные рабочие, уволенные с предприятий за участие в беспорядках³³.

В 1906 г. ОО вновь затребовал от ГЖУ-й сведения об общем количестве членов революционных организаций. Полученная информация была сведена в обширное дело под № I 312³⁴. Но и эта акция не может быть признана удачной из-за полного сумбура в представленных донесениях. Они скорее являются списками замеченных в массовых беспорядках. А начальник Калужского ГЖУ откровенно сообщал, что "состав местных групп точно не установлен". Таким образом, и этот отчет, как и все аналогичные, позволяет говорить с большей вероятностью о существовании партийных групп, об их контактах. Поэтому попытки определить численность организаций на основании средних цифр уязвимы для критики³⁵.

Среди документации ОО есть материалы, характеризующие межпартийные отношения, преимущественно разноглася среди

организаций социалистических партий. Если в начале 900-х гг. ожесточенная полемика, начатая социал-демократами, велась в "верхах" партий по теоретическим и программным вопросам, то с началом первой революции ее отголоски проявились в деятельности местных организаций в процессе борьбы за влияние в массовом движении. В Центральной России наиболее политизированной была Тверская губерния. В ней и споры социалистов приняли наиболее острый характер. Так, известный автор перлюстрированного письма сообщал, что в 1905 г. раздоры шли из-за влияния в профессиональном союзе рабочих. Автор противник режима, но не участник какой-либо из спорящих сторон. В письме говорится: "Каждой из этих партий хочется забрать союз в свои руки. Так как шансы победы на стороне с.-д., то они самодовольно глядят на социалистов-революционеров и распря разгорается. Какая жалкая комедия!"³⁶ В 1905 г. в Туле представители трех социалистических организаций договорились о совместных действиях, но социал-демократический комитет, никого не предупредив, начал забастовку на патронном заводе, отвергнув помощь с.-р. В результате забастовка провалилась, а наметившийся союз не состоялся. Причины разногласий комитет эсеров и Союз социалистов-агитаторов изложили в прокламации "К рабочим патронного завода"³⁷. Правда, позднее, в сентябре 1908 г. эта дышавшая на ладан эсеровская организация примкнула ввиду своей слабости к социал-демократам³⁸.

Местные организации эсеров, например, Ярославский рабочий союз ПСР, провозглашали по отношению к другим социалистическим партиям тактику "не только полной братской терпимости, но и по возможности союзных действий". "По отношению к несоциалистическим оппозиционным элементам (Союз Освобождения, демократические революционеры) полнейшее равнодушие, так как общение с ними может исказить социалистическую идею и ослабить революционную энергию рабочего класса"³⁹. Но на практике отношения между народническими партиями развивались на грани конфликта. В 1906 г. ОК ЦО организовал целую кампанию, чтобы не допустить переорганизацию Всероссийского крестьянского союза

в народно-социалистическую партию "...чтобы попытка ВКС подорвать с каждым днем усиливающееся в крестьянстве влияние РСР - не имела бы успеха"⁴⁰.

Для противодействия черносотенцам: защиты обывателей, охраны демонстраций, митингов, забастовок - эсеры создавали боевые дружины. Но иногда их действия приобретали наступательный характер. В декабре 1905 г. члены дружины Тульского комитета напали на сторонников Союза русского народа, собравшихся на молебен⁴¹.

По материалам ОО видны попытки дать анализ состояния общественно-политической атмосферы в губерниях, степени влияния революционных организаций на настроения людей, на работу государственных учреждений. Так, в 1905 г. в Твери рабочие слободки "были полностью распропагандированы", чиновники полиции из-за боязни революционных организаций избегали появляться в них⁴². ОО собрал сведения о народных самосудах над революционерами. Среди других случаев выделяется произошедшая на станции Иваново жестокая и скорая расправа над двумя женщинами-членами боевой дружины Нижегородского комитета, когда у них было обнаружено несколько десятков револьверов⁴³. А для двух агитаторов в г. Богородске Тульской губернии их атеистические и республиканские убеждения обернулись тяжелыми побоями и доставкой в больницу.

Идеи народного представительства занимали видное место в системе взглядов социалистов-революционеров на способы переустройства существовавших общественных отношений. Поэтому возникновение и деятельность Государственной думы они рассматривали как одно из главных политических событий начала XX в. Но процесс становления парламентаризма в России они оценивали в целом негативно. Таким образом, тактику партии в отношении к Думе определяло наличие этих двух моментов: с одной стороны, признание ее важности, с другой - несоответствие ее программным целям и идеалам. Более ярко деятельность эсеровских организаций проявилась в отношении Думы II и III созывов.

Вопросы отношения к Думе обсуждались практически на всех конференциях местных организаций. В документации ОО – в общепартийном деле о печати, в делах губернских организаций отложилось большое количество листовок, относящихся к общественной борьбе вокруг Думы.

Наиболее разнообразно думская тактика представлена в делах Нижегородского комитета⁴⁴. На выборах во II Думу ему удалось провести двух своих кандидатов – Н.И.Долгополова от Нижнего Новгорода и М.С.Фокеева – от губернии. В марте 1907 г. губернский комитет ПСР опубликовал наказ избирателей эсеров и трудовиков члену Государственной думы Н.И.Долгополову. В нем изложены программные требования партии с акцентом на их общедемократическую часть. Особенно много литературы было выпущено против III Думы. Примечательна листовка эсеровской группы с.Кулебакино. В ней преступный характер Думы обосновывался с религиозной точки зрения.

Отчеты ГЕУ-И о состоянии революционного движения за 1907 г. собраны в деле № 100 тома I-4. В отличие от журналов наблюдений они более компактны, содержат элементы анализа, например, характеристику отношения населения к деятельности эсеров. Наиболее подробный отчет был прислан из Рязанского ГЖУ. В нем изложена вся "история" Рязанской организации (том 3). По свидетельствам отчетов Орловская (т.3) и Тверская (т.2) организации в августе-октябре 1907 г. бездействовали. В материалах ОО есть редкие документы о двух окружных конференциях Кинешемской организации ПСР в 1907 г.⁴⁵ Это полные протоколы конференций. Высокий организационный уровень их проведения, содержание докладов делегатов о ходе партийной работы совершенно не соответствуют донесениям начальника Костромского ГЖУ об ее отсутствии.

Объединение эсеровских организаций в масштабе Центральной России, произошедшее в 1905 г., было подготовлено увеличением контактов между ними и потребностью осуществления более широких совместных акций. Координацию усилий осуществлял ОК ЦО. Через него проходило распределение литературы, поступавших из центра партии материальных суб-

сидий. За слабую деятельность ОК распускал подотчетные ему органы. Например, в ноябре 1905 г. за недостаточную активность был расформирован Рязанский комитет, а в июле 1907 г. ОК образовал губернский комитет в той же Рязани⁴⁶.

За годы революции вырос слой профессиональных работников в ПСР. При ОК ЦО существовал небольшой контингент "разъездных работников". Они жили на средства партии и их содержание частично покрывалось за счет местных организаций. В сентябре 1907 г. было перлюстрировано письмо, отправленное из Нижнего Новгорода в Москву. Неизвестный автор сообщал: "...за неимением средств в городе едва ли возможно будет меня содержать. Самое вероятное - меня сделают разъездным в областной комитет"⁴⁷. Местные организации вынуждены были искать средства, но их выбор бы невелик. На общегубернском съезде в Ярославле в сентябре 1907 г. постановили производить для этого экспроприации⁴⁸.

Логика взаимодействия репрессивной направленности правительственной политики и революционизма эсеров вела к сосредоточению партийной работы в руках профессионалов. Ввиду того, что любые перемещения членов организаций сразу становились известны жандармам, представительство на съездах часто осуществляли нелегальные. Таким образом, они осуществляли и выработку партийной политики и ее реализацию. Специализируясь на определенных направлениях работы, они перемещались по территории района, активизировали деятельность организаций, не давали ей прекратиться. Например, член Елецкого комитета ПСР П. Д. Максимов организовал крестьянские братства в уезде и был разъездным работником ОК. Через него осуществлялась связь ОК с Орловской и Рязанской организациями эсеров⁴⁹. С марта 1908 г. ОК ЦО предпринимал попытки восстановления организаций. Инициативная роль в этом принадлежала разъездным работникам. Тогда удалось восстановить партийные связи ОК с Орловской, Елецкой, Нижегородской, Тверской, Владимирской, Шуйской, Муромской, Тульской организациями⁵⁰. Но деятельность профессионалов часто имела и обратный результат. В июле

1908 г. из Тульского ГЖУ доносили в ОО: "Работа ведется вяло. Причиной тому является полнейшее недоверие со стороны рабочего элемента к партийным работникам, особенно к лицам, командированным для работы центральными организациями"⁵¹. В 1910 г. ЦК РСР ассигновал 2-3 тысячи рублей на восстановление партийной работы в Москве и Центральной области⁵². Но по свидетельствам отчетов ГЖУ-й, ведущих систематический контроль за членами организаций, революционная активность сошла на нет, прекращалась партийная работа.

Некоторое оживление эсеровских организаций произошло в 1911-1913 гг. Тогда главным направлением партийной работы стали попытки сохранить кадры партии, тех, кто в ней не разуверился или попросу не мог прожить без ее материальной поддержки. В то время активизировалась работа партийного Красного креста, Общества для борьбы с тюрьмой, каторгой и ссылкой⁵³. За исключением небольших студенческих групп эсеровского толка организаций почти не было. В начале 1912 г. вела работу небольшая группа в Москве. Она выпустила две первомайские прокламации - к крестьянам и к рабочим⁵⁴. Наиболее заметной накануне войны была группа Г.П.Шильняковского. В нее входило более 10 человек, проводивших работу среди членов 7 рабочих кружков в 3 районах Москвы⁵⁵.

Таким образом, материалы фонда ОО ДП наиболее полно освещают процесс становления эсеровских организаций (1898-1904 гг.) и их состояние в 1908 г. Наибольшее количество лагун в документах ОО имеется по периоду первой революции. Материалов фонда недостаточно для решения вопроса о численности организаций. С большей вероятностью они позволяют сделать подсчеты количества самих организаций и выяснить их место в партийной иерархии. Специализация в деятельности подразделений ОО привела к некоторому схематизму в освещении межпартийных отношений. Избежать его поможет привлечение дел других партий, мемуарных свидетельств и т.п. Но в целом обширный фонд Особого отдела Департамента полиции, компактно расположенный и систематизированный,

отражает главные направления деятельности эсеровских организаций и их развитие и является ценным источником для изучения значительного круга проблем.

- 1 Гусев К.В., Ерицын Х.А. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968; Борьба ленинской партии против непролетарских партий и течений. Л., 1987; Леонов М.И. Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения. Куйбышев, 1987 и др.
- 2 Политические партии в России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М., 1987; Непролетарские партии в России в трех революциях. М., 1989; Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989; Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 1991; Сорокин П. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991; Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993 и др.
- 3 Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. Б.м., 1906; Протоколы второго (экстренного) съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1907; Протоколы первой общепартийной конференции РСР. Париж, 1908; Памятная книжка социалиста-революционера. Вып. I. Изд-е 1911; Вып. II. Париж, 1914 и др.
- 4 Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф.1. 167.
- 5 Перегудова З.И. Библиотека революционных изданий Департамента полиции // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность. М., 1985. С.108-114.
- 6 Подробнее см.: Тютюнник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX-XX веков (1880-1904). Дисс. к.и.н. М., 1986; Перегудова З.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (1907-1914 гг.). Дисс. к.и.н. М., 1988; Работниками архива завершена каталогизация материалов Особого отдела. Создана схема систематизации каталога, которая позволяет работать с ним. На специальные каталожные карточки вынесены сведения об эсерах, извлеченные при обработке дел по другим регионам, партиям, организациям. Это позволяет значительно расширить представление о партии уже на начальной стадии исследования. Каталог является "ключом", открывающим фонд.
- 7 Например, в Твери (ГАРФ. Ф.102. 00. 1902. Д.1 795), в Нижнем (1898. Д.4. Ч.2. Лит.Б).
- 8 Там же. 1898. Д.5. Ч.46.
- 9 Там же. 1905. Д.80. Ч.1.

- 10 Там же. 1898. Д.80. Лит.В.
- 11 Напр.: Липин А. Суд над азефщиной. Париж, 1911; Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Б.п., 1911; Донесения Евно Азефа (переписка Азефа с Ратаевым в 1903-1905 гг. // Былое. 1917. № 1; Николаевский Б. История одного предателя: террористы и политическая полиция. М., 1991; Письма Азефа // Вопросы истории. 1993. № 4, 5 и др.
- 12 ГАРФ. Ф.102. 00. 1898. Д.80. Лит.В. Л.62.
- 13 Там же. Лит.Ц. Т.2-3.
- 14 Там же. Дела: Н.И.Ракитникова (1900. Д.71), П.П.Крафта (1902. Д.1 577), С.Н.Слетова (1903. Д.194). А.Р.Гбца (1904. Д.1 354).
- 15 Там же. 1898. Д.80. Лит.Ю. 1904. Д.1 849.
- 16 Там же. 1898. Д.80. Лит.З.
- 17 Там же. 1898. Д.5. Лит.Г.
- 18 Там же. 1903. Д.2 4У5. Л.3.
- 19 Там же. Д.2 222. Т.2, 3.
- 20 Там же. 1904. Д.700.
- 21 Ерофеев Н.Д. К вопросу о численности и составе партии эсеров накануне первой российской революции // Непролетарские партии в России в трех революциях. М., 1989. С.123.
- 22 ГАРФ. Ф.102. 00. 1903. Д.1 550. Л.4-5.
- 23 Там же. Л.4.
- 24 Ерофеев Н.Д. Указ. соч. С.123-124.
- 25 ГАРФ. Ф.102. 00. 1898. Д.80. Лит.Ю.
- 26 Там же. Лит.Ц. Т.3. Л.167.
- 27 Там же. 1905. Д.80. Ч.61. Л.23Б.
- 28 Там же. Д.1 800. Ч.54. Л.23.
- 29 Там же. Оп.260. Д.12. Л.232-233 об.
- 30 Там же. 1905. Д.1 800. Ч.53.
- 31 Там же. Ч.2. Л.18.
- 32 Там же. Ч.8.
- 33 Там же. Ч.31. Л.18 об.
- 34 Там же. 1906/1. Д.1 312. Т.1, Т.2. Ч.1-3.
- 35 Леонов М.И. Численность и состав партии эсеров в 1905-1907 гг. // Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М., 1987.
- 36 ГАРФ. Ф.102. 00. 1905. Д.1 665. Прод.5. Л.124.

- 37 Там же. Д.4. Ч.55. Л.109.
38 Там же. 1908. Д.9. Ч.66. Л.101.
39 Там же. 1905. Д.80. Ч.61. Л.25В.
40 Там же. 1906/П. Д.700. Ч.41. Л.6.
41 Там же. 1908. Д.9. Ч.34. Т.1. Л.197.
42 Там же. 1905. Д.1 800. Ч.8.
43 Там же. Д.1 967.
44 Там же. 1907. Д.9. Ч.35. Лит.Н.
45 Там же. Ч.23.
46 Там же. Д.100. Т.3. Л.364.
47 Там же. Д.9. Ч.35. Лит.Н.
48 Там же. Ч.72. Л.78 об.
49 Там же. 1908. Д.9. Ч.49. Лит.А. Л.56.
50 Там же. 1908. Д.9.
51 Там же. 1909. Д.9. Ч.66. Лит.А. Л.64 об.
52 Там же. 1911. Д.67. Л.25.
53 Там же. Д.9. Ч.13. Лит.Б.
54 Там же. 1912. Д.9. Т.1. Л.63.
55 Там же. Т.1. Лит.Б.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Соболева Н.А. Знаки княжеской власти Киевской Руси	4
Муравьева Л.Л. Рогожский летописец и Ростово-суздаль- ская летописная традиция	25
Богданов А.П. Нарративные источники о Московском вос- стании 1682 года	39
Серета Н.В. Верющие письма Новоторжского купечества	63
Елисеев Г.А. Антиеретические православные сочинения конца ХУ – начала ХУІ века и влияние на них древнерусских апокрифических книг	75
Огурцов В.Д. "Историческое собрание о богоспасаемом граде Суджале"	98
Овчинников Р.В. "Он в старом мундире времен Петра I-го..." (Комментарий к мемуарному свидетельст- ву, записанному А.С.Пушкиным со слов И.И.Дмит- риева)	116
Елисеева О.И. Неопубликованные письма Г.А.Потемкина Екатерине II 1783 г. о присоединении Крыма к Рос- сии	131
Бурдина О.Н. К изучению истории крестьянской реформы 1861 г. ("Особое мнение" кн. П.П.Гагарина) . . .	153
Медушевский А.Н. Конституционный проект С.А.Муромцева	173
Еремин А.И. Материалы Особого отдела Департамента по- лиции как источник по истории эсеровских органи- заций Центральной России (1898–1914 гг.)	197

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН
ЛР № 020768 от 15.04.93.

Подписано к печати 19.03.96. Формат 60x84/16. 13,5 п.л.
II,3 уч.-изд.л. Тираж 300 экз. Цена договорная. Зак. № 11

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19